D
41
т. 28
(прил)

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

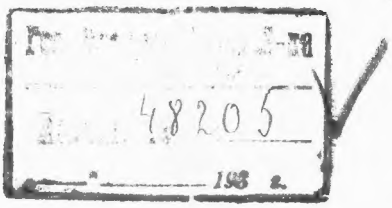
Исторіи и Древностей.

Т. XXVIII.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ОДЕССА.
Типографія С. Мерка, бывш. А. Шульце, Ланжероновская, № 30.
1907.

АН
10
0-41



372 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

21-го Февраля 1906 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта *Э. Р. фонъ Штерна*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, дѣйствительные члены: *А. А. Кочубинскій, Е. А. Шуманскій, Х. П. Ящуржинскій, В. Н. Мочульскій, А. В. Лонгиновъ, М. Ѳ. Никановъ, П. А. Маврогордато, А. Е. Егоровъ, Г. И. Перетятковичъ, С. Д. Пападимитріу, М. Г. Попруженко, К. О. Лысаковскій*, члены-сотрудники: *А. В. Рыстенко, Е. В. Князевъ, Б. А. Вахевичъ, М. С. Мончевскій.*

Слушали:

1. Денежный отчетъ за 1905 годъ.

Постановили: избрать для повѣрки отчета по документамъ ревизіонную коммиссію изъ членовъ Общества М. Ѳ. Никанова, А. Е. Егорова и Х. П. Ящуржинскаго.

2. Предложенную Совѣтомъ смѣту прихода и расходовъ на 1906 годъ.

Постановили: утвердить и напечатать въ протоколѣ.

3. Предложеніе Совѣта объ избраніи казначея Общества на основаніи 40 параграфа Устава въ виду истеченія срока полномочій нынѣшняго казначея, П. А. Маврогордато.

Постановили: просить П. А. Маврогордато оставаться казначеемъ и на слѣдующее трехлѣтіе.

4. Предложеніе Совѣта на основаніи 49 параграфа Устава произвести выборы членовъ Издательскаго Комитета.

Постановили: произвести выборы записками, причемъ избранными оказались: единогласно д. ч. А. А. Кочубинскій, большинствомъ голосовъ д. ч. М. Г. Попруженко и И. А. Линниченко.

5. Заявленіе предсѣдателя о смерти дѣйствительныхъ членовъ Николая Ивановича Ленца и Степана Григорьевича Романовскаго.

Постановили: почтить память почившихъ вставаніемъ.

6. Предложеніе Совѣта произвести выборы завѣдывающаго Судакской

крѣпостью на мѣсто скончавшагося 2 декабря прошлаго года д. чл. С. Гр. Романовскаго.

Постановили: просить принять на себя завѣдываніе крѣпостью живущаго въ Судакѣ д. чл. Общества, Ивана Петровича Щелкова.

7. Докладъ д. чл. Э. Р. фонъ-Штерна о предварительномъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ января сего года.

Постановили: благодарить докладчика.

8. Нѣсколько словъ д. чл. М. Г. Попруженко о раскопкахъ на Тендрѣ и о существовавшемъ когда-то городскомъ музеѣ древностей.

Постановили: благодарить докладчика, а докладъ налечатать въ протоколѣ.

9. Предложеніе Совѣта объ избраніи въ дѣйствительные члены Общества графа Александра Алексѣевича Мусина-Пушкина, русскаго посланника въ Аѳинахъ Юрія Николаевича Щербачева и профессора Ивана Ивановича Иванова.

Постановили: произвести выборы закрытой баллотировкой въ этомъ же засѣданіи, причемъ по баллотировкѣ графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ и проф. И. И. Ивановъ оказались избранными большинствомъ 14 бѣлыхъ голосовъ противъ одного чернаго, Ю. Н. Щербачевъ—единогласно.

10. Приглашеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества принять участіе къ подготовительной работѣ по устройству XIV Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ и предложеніе Совѣта составить въ Одессѣ подготовительную къ Съѣзду коммиссію.

Постановили: произвести выборы членовъ этой коммиссіи въ будущемъ засѣданіи.

11. Заявленіе хранителя музея о вновь поступившихъ предметахъ древности.

Постановили: передать въ музей, а жертвователю, д. чл. Е. А. Шуманскому выразить благодарность.

12. Заявленіе библіотекаря о вновь поступившихъ книгахъ.

Постановили: передать въ библіотеку.

Къ засѣданію поступили:

I. Предметы древности.

Пожертвованія: отъ поч. чл. *А. Л. Бертье-Делагарда*: 2 монеты сер. ольвійскія, стекляный браслетъ, бронзовый сосудикъ съ крышкой, бронзовая статуэтка изъ Евпаторіи, турецкаго времени сосудъ съ рельефными украшеніями

отъ *И. К. Глобенко*—чернолаковая чаша на ножкѣ.

отъ чл.-сотр. *Н. И. Рѣпникова*—бронзовое зеркало съ ручкой.

отъ *Бориса Давидовича Галая*— 5 херсонесскихъ монетъ.

отъ д. чл. *Е. А. Шаманскаго*: для коллекціи поддѣлокъ—1 поддѣльный рубль Петра I, а для мѣстной коллекціи—китайскія монеты, бывшія въ обращеніи въ послѣднюю войну на Востокѣ (6 шт.) и одинъ рубль Екатерины 1894 года.

Покупкою: 1 серебряный рубль Екатерины II 1726 года, СПБ. 1. С.; 1 серебр. рубль 1823 г.

У А. Гаухмана лампочка стекляная, 1 краснофигурный лекифъ, глиняная лампочка о двухъ фитиляхъ съ головой пана.

Изъ Керчи чрезъ чл.-сотр. Ю. Ю. Мартина: одинъ чернофигурный кувшинъ и родосская тарелка изъ Тамани.

У Ш. Гохмана: 1 эллинистическій сосудъ, 1 алабастровый сосудъ и мраморная головка льва (изъ Ольвіи).

У Гаухмана (за 9 руб.): 1 терракоттовая фигурка (женщина въ вуали съ ребенкомъ), миска, папы и деревянная подставка съ серебряной ручкой —подставка для зеркала.

2 краснофигурныхъ кратера-колокола; 1 ойнохоэ краснолак. черноф.; 1 миска черная; 1 стекляный сосудъ съ ручкой; 1 черно-глиняный свѣтильникъ съ рельефной гирляндой; 1 эллинистическій кувшинъ съ желтой гирляндой и плетенной ручкой; 1 терракоттовая фигурка въ видѣ козла изъ Ольвіи.

1 золотая 3-руб. монета Екатерины II—1777 г.; 1 серебряный полуполтинникъ 1730 г.

II. Книги.

1) Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1905 г. VI, VII.

2) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, годъ LXXII. кн. 11 и 12; г. LXXIII, кн. 1 и 2.

3) Записки Крымско-Кавказскаго Горнаго Клуба. № 10, 11 и 12.

4) Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XVIII, № 2-й.

5) Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ. 1905 г., т. X-го, кн. 3-я.

6) *Динникъ, Н. Я.* По Чечнѣ и Дагестану. Записки Кав. Отд. Импер.-Геогр. Общ. Кн. XXV, в. 4-й.

7) *Сатунинъ, К. А.* Обзоръ млекопитающихъ Закаспійской Области Зап. Кав. Отд. Им. Рус. Геогр. Об. Кн. XXV, в. 3-й.

8) *Словохотова, Л. А.* Народный судъ обычнаго права киргизъ Малой орды. Труды Оренбургской Уч. Арх. Ком., в. XV-й.

9) Записки Уральскаго Общества Любителей Естествознанія, т. XXV.

10) *Рѣдинъ, Е. К.* Профес. *Н. И. Петровъ* (По поводу исполнившагося тридцатилѣтія ученой дѣятельности).

11) Труды Черниговской Губ. Архивной Коммиссіи, вып. 6.

12) Bulletin of the New-Jork Public Library astor lenox, and tilden foundations. December 1905, volume IX, № 12; v. X, № 1.

13) Retovski, O. Die Münzen der Gireï. III Heft.

14) Viestnik Hrvatskoga Arheologičkoga Družtva. Nove ser. sv. VIII. 1905,

15) *Almoren*, Oscar. «Kung Björns Hög».

16) Viestnik kr. Hrvatsko-Slavonsko-Dalmatinskoga Zemaljskoga Arkiva. Godina VIII, sv. 1.

17) Catologo di Monete antiche e moderne

18) *Beetz*, Wilhelm. Georg Rudolf Weckherlins Beziehungen zur antiken Litteratur.

19) *Schäfer*, Johannes. Die kirchlichen, sittlichen und sotialen Zustände des XV Jahrhunderts nach Dionisius Carthusianus.

20) Die Ortschaften und Grenzen Galiläas nach Josephus Wilhelm Vehler.

21) *Schromm*, Albert. Die Palästinensischen Ortnamen im alten Testament.

22) *Ruppersberg*, Otto. Die Hessische Landsteuer bis zum Jahre 1567.

23) *Schermann*, Max. Der Erste Punische Krieg im Lichte der Livianischen Tradition..

24) *Engelhardt*, Ottó. Huon de Bordeaux und Herzog Ernst.

25) *Thomsen*, Peter. Palaestina nach dem Onomasticon des Eusebius.

26) *Hartmann*, Julius. Die Bonhler Professur des Theophrastus von Gohenheim.

27) Beiträge zur Geschichte der Landeshoheit im Bistum Padenbann bis zur Mitte des vierzehnten Jahrhunderts.

28) Das Verzeichniss der Doctoren, welche die philosophische Fakultät der Königlichen Württembergischen Eberhard-Karls-Universität in Tübingen im Dekanatsjahre 1868—1869, 1874—75, 1876—77, 1882—83, 1885—86, 1886—87, 1892—93, 1893—94, ernannt hat. 1894—96, 1895—96, 1896—97, 1901—902. Tübingen.

29) Einladung zur Akademischen Feier des Geburtsfestes seiner Majestät des Königs Karl von Württemberg auf den 6 März 1888 im Namen des Rektors und Akademischen Senats der königlichen-Eberhard-Karls-Universität. Tübingen.

30) Suomen Museon. Finski Museum. XII. 1905.

31) Kwartalnik Historyczny. R. XIX. 1905. 4.

32) Лѣтопись Екатеринославской Учен. Арх. Ком. Годъ 2, ч. I.

33) Сообщеніе Императорскаго Правосл. Пал. Общ. Т. XVII, в. I. 1906 г.

34. Ученыя Записки Имп. Юрьев. Университета. Годъ 13. 1905. № 4.

Къ исторіи археологическихъ разысканій и открытій въ Южной Россіи.

Археологическія богатства Южной Россіи стали обнаруживаться очень рано, но исторія произведенныхъ въ различныхъ ея мѣстахъ разысканій и сдѣланныхъ открытій изучена еще далеко не детально. Свѣдѣнія, которыя мы находимъ по этому вопросу у лицъ, занимавшихся исторіей археологическихъ поисковъ въ Южной Россіи (напр. у В. Н. Юргевича «Объ археологическихъ разысканіяхъ и открытіяхъ въ Южной Россіи, предшествовавшихъ учрежденію Одесскаго Общества Исторіи и Древностей» въ XIV т. «Записокъ» и «Историческомъ Очеркѣ 50-лѣтія Общества»), не всегда подтверждены документальными данными.

Въ виду этого считаю не безполезнымъ опубликовать приводимые ниже документы, которые взяты изъ находящагося въ архивѣ бывшаго Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора изъ этого-же архива мной извлечены документы объ археологическихъ открытіяхъ въ 1817 г. въ Керчи (см. т. XXIV «Записокъ»)—«*Объ открытыхъ на островѣ Тендрѣ древностяхъ*». При печатаніи орѳографія подлинниковъ сохранена.

№ 1.

ОДЕССКАГО
ГРАДОНАЧАЛЬНИКА
№ 5115.
26 Августа 1824.
Одесса.

О находимой Древней Мѣдной Монетѣ близь Острова Тендро.

Пол. 28 августа 1824.
Сентября 1.

Господину Новороссійскому Генералъ-Губернатору и Полномочному Намѣстнику Бессарабской Области, Генералъ-Адъютанту, Генералъ-Лейтенанту и Кавалеру Графу Михайлу Семеновичу Воронцову.

РАПОРТЪ.

Кордонный Начальникъ Приморской Стражи Одесскаго Карантиннаго Округа Тендернской Дистанціи Есаулъ Валуевъ далъ знать Карантинной Конторѣ Здѣшней, что флота Капитанъ-Лейтенантъ Критскій, описывающій берега Чернаго Моря, противъ Тендерскаго 1-го Кордона близь Лимана, гдѣ примѣтно было нѣкогдась жилье, вырылъ изъ земли до двухъ сотъ, а Мичманъ Навроцкій при постройкѣ Маяка на Островѣ Тендро находящійся, до пяти сотъ штукъ древней Мѣдной Монеты; и что дальнѣйшее розысканіе оной Монеты, до разрѣшенія Начальства воспрещено и на мѣстѣ томъ учрежденъ Караулъ.

О семъ по донесенію Карантинной Конторы, честь имѣю довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства.

Генералъ-маіоръ графъ *Гурьевъ.*

№ 2. Господину Коллежскому
Регистратору Бухгольцу

ОТКРЫТОЕ ПРЕДПИСАНІЕ.

Извѣстясь, что на островѣ Тендрѣ, принадлежащемъ къ Таврической губерніи вырыты изъ земли разныя монеты, медали, камни и другаго рода древности, поручаю вамъ отправиться туда и, доставивъ прилагаемыя при семъ предписанія Командиру Донскаго Казачьяго полка Шамшеву и офицеру Командующему кордонами въ Кинбурнѣ и на островѣ Тендрѣ, чрезъ посредство ихъ собрать всѣ такового рода древности, уже выкопанныя, и представить ко мнѣ, а между тѣмъ сдѣлать описаніе мѣста, гдѣ оныя найдены, не разрывая однакожъ онаго. Для успѣшнѣйшаго же исполненія моего порученія, можете вы по силѣ сего предписанія отъ кого слѣдуетъ изъ Господъ мѣстныхъ начальниковъ просить пособій.

№ 3.

Командиру Донскаго
Казачьяго полка Полковнику
Шамшеву.

Извѣстенъ я, что казаками командуемаго вами полка вырыта на островѣ Тендрѣ разнаго рода древности, какъ то камни, монеты и пр; а потому отправляю для собранія оныхъ нарочнаго чиновника коллежскаго регистратора Бухгольца, которому покорнѣйше прошу, Ваше Высокоблагородіе, приказать выдать всѣ таковаго рода найденныя вещи для доставленія мнѣ. А между тѣмъ, поелику разрытіе древнихъ кургановъ въ томъ краѣ высшимъ Правительствомъ запрещено, то вы, Милостивой Государь, не оставьте предписать, что бы мѣсто, гдѣ помянутыя рѣдкости на островѣ Тендрѣ найдены, не было болѣе разрываемо никѣмъ впредь до новаго предписанія.

№ 4.

Господину Командующему кордонами казачьими въ Кинбурнѣ и на островѣ Тендрѣ.

Такого же содержанія.

№ 5.

Господину Генералъ Адьютанту, Новороссійскому Генералъ Губернатору, Полномочному намѣстника Безсорабской области, и кавалеру Графу Воронцову,

Командира донскаго Казачьяго
Полка Полковника Шамшева,

РАПОРТЪ!

Казаки Полка мнѣ вверенаго, содержащіе кардонную стражу на островѣ Тѣндро, разрывая случайно на оконечности его землю, отъкрыли

въ углубленіи оной, неболее какъ фута надва, въ-грунтѣ состоящемъ изъ песку и-ракушекъ, несколько древнихъ монетъ, и-куски глиняныхъ сосудовъ и-небольшой статуй изкамня — которыя Я имѣю честь представить присемъ благоразсмотренію вашего Сіятельства.

Полковникъ *Шамшевъ*.

№ 776.
Октября 2-го дня
1824 Года.

На этомъ рапортѣ рукой полковника Шамшево написано: «всѣ вещи сіи вручены мною Его Сіятельству Графу Михаилу Семеновичу 2 октября 1824 года».

Сообщилъ д. чл. *М. Г. Попруженко*.

1906

Смѣта о приходѣ и расходѣ суммъ Император

ПРИХОДЪ

I	Остатокъ наличными отъ 1905 года	Р. 682	54
II	Высочайше дарованнаго пособія	„ 2500	—
III	Процентовъ съ капитала Общества	„ 193	80
IV	Членскихъ взносовъ	„ 50	—
V	Отъ продажи изданій Общества	„ 25	—
VI	Отъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли за аренду Судакской пристани.	„ 450	—
VII	За аренду Аккерманской крѣпости за 1905 г. . . .	„ 50	—
VIII	За аренду Аккерманской крѣпости за 1906 г. . . .	„ 100	—
IX	Отъ Судакскаго сельскаго общества	„ 25	—
		Р. 4076	34

Казначей Общества

ГОДЪ

скаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

РАСХОДЪ

I	Жалованье служащимъ	Р, 1100	—
II	Награды служащимъ	„ 60	—
III	Отопленіе музея	„ 25	—
IV	Печатаніе Записокъ Общества	„ 700	—
V	Ремонтъ и охрана Судакской крѣпости	„ 260	—
VI	Столярныя работы	„ 100	—
VII	Покупка древностей.	„ 700	—
VIII	Изготовленіе таблицъ, клише, фотографій	„ 100	—
IX	Клейка древностей	„ 60	—
X	Почтовые и телеграфные расходы	„ 40	—
XI	Канцелярскіе и мелкіе расходы	„ 50	—
XII	Хозяйственные расходы	„ 50	—
XIII	Экстраординарные расходы и командировки	„ 100	—
XIV	Переплетъ книгъ.	„ 40	—
XV	Непредвиденные расходы	„ 691	34
		Р. 4076	34

Петръ А. Маврогордато.

373 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества исторіи и древностей

26 апрѣля 1906 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта *Э. Р. фонъ Штерна*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, дѣйствительные члены: *А. А. Кочубинскій, К. О. Лысаковскій, В. М. Истринъ*; члены-сотрудники: *М. С. Мончевскій, А. В. Рыстенко*, гости: *Б. Э фонъ Штернъ и Л. Л. Папподато.*

Слушали:

Отношеніе Херсонской Духовной Консисторіи съ просьбою дать заключеніе о возможности разрѣшенія на обновленіе рѣзьбы иконостаса въ Введенской церкви города Борислава и предложеніе Совѣта послать для разрѣшенія этого вопроса на мѣстѣ депутата отъ Общества.

Постановили: просить проф. А. А. Павловскаго предпринять поѣздку въ Бориславъ и о командированіи проф. Павловскаго увѣдомить Консисторію для соотвѣтствующаго распоряженія.

2. Заключеніе ревизіонной коммиссіи о денежномъ отчетѣ казначея Общества за 1906 года.

Постановили: Отчетъ утвердить и напечатать.

3. Письмо И. П. Щелкова съ благодарностью за избраніе его завѣдывающимъ Судакской крѣпостью.

Постановили: принять къ свѣдѣнію и считать И. П. Щелкова завѣдывающимъ Судакской крѣпостью.

4. Письмо Русскаго посланника въ Аѳинахъ Ю. Н. Шербачева съ благодарностью за избраніе его дѣйствительнымъ членомъ Общества.

Постановили: принять къ свѣдѣнію и заготовить дипломъ.

5. Предложеніе Совѣта объ избраніи четырехъ членовъ Совѣта Общества за истеченіемъ срока полномочій членовъ Совѣта: Э. Р. фонъ Штерна, А. В. Лонгинова и Г. И. Перетятковича и за выборомъ А. А. Павловскаго въ секретари Общества.

Постановили: въ виду недостаточнаго числа присутствующихъ членовъ Общества выборъ отложить.

6. Приглашеніе Организаціоннаго Комитета по устройству Третьяго Областного Археологическаго Съѣзда въ городѣ Владимирѣ прислать депутатовъ на съѣздъ, имѣющій быть отъ 20 іюня по 30 іюня сего года.

Постановили: коммандировать проф. А. А. Павловскаго, о чемъ и увѣдомить Комитетъ.

7. Увѣдомленіе кружка учениковъ и почитателей профессора В. Б. Антоновича о предполагающемся 7 мая 1906 года юбилейномъ чествованіи В. Б. Антоновича по случаю исполненія 35-лѣтія его дѣятельности.

Постановили: послать привѣтственную телеграмму на имя профессора Дашкевича.

8. Заявленіе хранителя музея о вновь поступившихъ предметахъ древности.

Постановили: передать въ музей.

9. Заявленіе библіотекаря о вновь поступившихъ книгахъ.

Постановили: передать въ библіотеку.

10. Отчетъ о Ѳеодосійскомъ музеѣ древностей за 1905 годъ.

Постановили: напечатать въ Отчетѣ Общества.

11. Отчетъ о Мелекъ-Чесменскомъ музеѣ за 1905 годъ.

Постановили: напечатать въ Отчетѣ Общества.

12. Докладъ дѣйств. члена *Э. Р. фонъ Штерна* объ археологическихъ новинкахъ.

Постановили: благодарить докладчика и напечатать въ Запискахъ.

Къ засѣданію поступили:

I. Предметы древностей.

Пожертвованія: отъ поч. чл. *А. Б. Бертье-Делагарда*: 2 арабскихъ стекла—изъ Майкопа; серія наконечниковъ стрѣлъ изъ Кубанской Области; четыре неизданныхъ медали Гераклеи, (приклеены были къ гробу) изъ Керчи; бронзовая статуэтка Венеры, бронзовый верблюдикъ, свинчатки и разные мелкіе предметы изъ Херсонеса; 1 глиняный сосудъ (красный орнаментъ на бѣломъ фонѣ) мѣднаго періода изъ Ольвіи стекляное кольцо съ инталіей грифона - изъ Аккермана; свинцовый вѣсъ съ буквами **АМ** и терракоттовая головка—изъ Ольвіи.

отъ *І. Л. Конельскаго*—мраморный надгробный рельефъ—изъ Ольвіи.

отъ *С. Н. Лигина*—$^3/_4$ рубля 1840 года.

Покупкою: 1 бронзовая фигурка, 2 терр. фигурки—изъ Аккермана.

1 разноцвѣтное стекло и 3 терракоттовыхъ статуэтки—изъ Керчи.

1 стекляное блюдо, 1 краснофигурный киликсъ строгаго стиля, 1 чернофигурный киликсъ, 3 предмета изъ костей и одна маленькая миска—изъ Ольвіи.

1 зеркало (бѣлое), серьги сереб., бубенчикъ и 1 рукоятка—изъ Керчи.

II. Книги.

1. Записки Крымско-Кавказскаго Горнаго Клуба. 1906 г. № 1 и 2.
2. *Пантусова, Н. Н.* Древности Средней Азіи.

3. Шведская война 1808—1809 г.г. Состав. Военно-Историческимъ Отдѣломъ Шведскаго Генеральнаго Штаба, ч. 1.

4. Труды Рязанской Уч. Арх. Ком. 21 годъ, т. XX, вып. 2 и 3.

5. Извѣстія Императ. Академіи Наукъ, томъ XX и XXI. 1904. (Истор.-Филол. От.)

6. Извѣстія Тамбовской Уч. Арх. Ком., вып. 51.

7. Отчетъ Одесской Городской Публичной Библіотеки за 1905 г. (75 г. существованія).

8. Самоучитель чтенія рукописей XVII столѣтія.

9. Труды Полтавской Ученой Арх. Ком., вып., 2-й.

10. Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, годъ XXIII, кн. 3 и 4.

11. Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императ. Казанскомъ Университетѣ, томъ XXI, вып 3 и 4.

12. Варшавскія Университетскія Извѣстія 1905—VIII.

13. *Померанцевъ, І. И.* и священ. *А. І. Рѣшенскій.* Косино и его святыни.

14. *Пушкинъ, Б. С.* Московская Спиридоновская на Козьемъ Болотѣ церковь.

15. Икона складень XVII вѣка изъ собранія *Ю. Г. Гендуне.*

16. *Успенскій, Б. И.* Древнія иконы изъ разныхъ церквей и частныхъ собраній.

17. *Успенскій, І. І.*, свящ. Церковь Св. Сергія въ Рогожской.

18. *Любимовъ Лук. Нет.*, свящ. Церковь Св. Пророка Иліи что слыветъ Обыденной. (Истор. очеркъ).

19. Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ Дворцовыхъ Приказовъ 1584—1725 г. Сос. А. Викторовъ, вып. 1.

20. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1905 г. кн. 4 и 1906 г. кн. 1.

21. *Грушевскій, Михайло.* Матеріалы до Історіїх Суспільно-Політичних Економічних Відностин Західньої України.

22. *Грушевскій, М.* Історія України-Руси, т. V, ч. II. Збірник історично-фільософічної секції Наукового Товариства імени Шевченка, т. X.

23. Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LXIX, рік XV. 1906, кн. 1.

24. *Бертье-Делагардъ, А. Л.* Нѣсколько новыхъ или малоизвѣстныхъ монетъ Херсонеса.

25. Comptes rendus du Gongrés International d'Archéologie. 1 session, Athènes 1905. Athénes 1905.

26. *Schmid,* K. M., prof. Mitteilungen der Literarischen Gesellschaft Masovia

27. L'Activité de l'Académie Roumaine de 1884 à 1905. Frais Rapports de *M. Démétre A. Sturdza* secrétaire général.

28. Analele Academiei Romane. Seria II, Tomus XXVII. 1904—1905. 1 Memorile sectiunu literare 2. Memorile Sectiuni istorice. 3. Memorile Sectiuni Stientifice. 4. Partea Administrativa si desbuterile.

29. Atti della R. Accademia dei Lincei. Anno GCCII. 1905. Seria quinta, volum. II, fascicoli 8. 9. 10. 11. 12.

30. *Koetschau, Karl*, Dr. Museumskunde. Band II Heftl. 1

31. Bulletin of the Nev-Jork Public Librarj astor Ienok and tilden foundations. Februarj 1906, volum X, № 2, 3, 4.

32. Bureau of American Ethnologj w. H. Holmes Chief Bulletin 28 Mexican Antiquities.

33. Chronik der Ukrainischen Sevčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg. 1905, Jänner-April Heft. II-III № 22. 23.

34. *Keller P. C.* Die deutschen Kolonien in Südrussland.

35. Записки Восточнаго Отдѣл. Императ. Рус. Археол. Об. Т. XVI, в. II—III и IV.

36. Извѣстія Импер. Рус. Географ. Об. т. XLII, в. I.

37. Отчетъ Императ. Пуб. Библіотеки за 1900—1901 г. СПБ. 1905.

38. Извѣстія Отдѣленія Рус. язык и Словесности Императ. Академіи Наукъ 1905 г. Т. X, к. 4-я.

39. Annual Report of the Smithsonian Institution. 1904. U. S. Natio na Museum.

374 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

16-го мая 1906 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта *Э. Р. фонъ-Штерна,* при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, дѣйствительные члены: *А. А. Кочубинскій, Е. А. Шуманскій, Х. П. Ящуржинскій, В. М. Истринъ, А. В. Лонгиновъ, С. Д. Пападимитріу, В. Н. Мочульскій, А. Е. Егоровъ, М. Г. Попруженко и Г. И. Перетятковичъ*, члены-сотрудники: *М. С. Мончевскій.*

Слушали:

1. Предложеніе Совѣта о выборѣ новаго состава Совѣта за истеченіемъ срока нынѣшняго.

Записками были предложены: Э. Р. фонъ-Штернъ – 13 голосами А. В. Лонгиновъ – 12, Г. И. Перетятковичъ и М. Ф. Никановъ—9, А. А. Кочубинскій—4, В. М. Истринъ—2, Е. А. Шуманскій и И. А. Линниченко — 1; въ виду отказа присутствовавшихъ и заявленія Г. И. Перетятковича объ отказѣ И. А. Линниченко признали выбранными первыхъ четырехъ лицъ, какъ получившихъ безусловное большинство голосовъ.

2. Предложеніе Совѣта о выборѣ коммиссій для подготовки дѣятельности XV Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ.

Постановили: избрать Э. Р. фонъ-Штерна, А. А. Кочубинскаго, Х. П. Ящуржинскаго, А. В. Лонгинова, В. Н. Мочульскаго, М. Г. Попруженко, М. Ф. Никанова и А. А. Павловскаго.

3. Предложеніе Совѣта о возбужденіи передъ Городскимъ Управленіемъ вопроса о возвращеніи Обществу всего помѣщенія, занятаго нынѣ Городской Публичной Библіотекой и о полномочіи Совѣту предпринять соотвѣтствующія къ этому мѣры.

Постановили: согласно заключенному съ городомъ въ 1882 году условію обязательна для Общества совмѣстность съ библіотекою, а потому въ виду перевода библіотеки въ новое помѣщеніе возбудить предъ Городскимъ Управленіемъ вопросъ объ отведеніи Обществу всего помѣщенія библіотеки и на переговоры о соглашеніи съ Городскимъ Управленіемъ уполномочить члена Совѣта Аркадія Васильевича Лонгинова.

4. Заявленіе библіотекаря о вновь поступившихъ книгахъ

Постановили: передать въ библіотеку.

5. Заявленіе хранителя музея о вновь поступившихъ предметахъ древности.

Постановили: передать въ Музей.

Къ засѣданію поступили:

I. Предметы древности.

Покупкою: У *Е. А. Шуманскаго*: 1 чернофигурный аттическій сосудъ, 1 протокоринфская амфора съ фризами изъ животныхъ.

3 коринфскихъ арибалла.

3 іоническихъ пиксиды.

1 Крышка отъ сосуда.

2 Милетскихъ кувшина.

1 эллинистическій киликсъ.

1 Чернолаковый гуттусъ.

II. Книги.

1. *Рыдинъ, Е.* Профессоръ Дмитрій Ивановичъ Богалѣй (къ двадцатипятилѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности). Харьковъ 1906

2. Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ ч. VII, т. Ш. Акты о заселеніи Южной Россіи XV_1—XVIII вв. Кіевъ 1905 г. 8^0

3. Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, т. XVI (приложеніе) и XVII., в. 2.

4. Отчетъ о присужденіи преміи *П. Н. Батюшкова*. СПБ. 1904.

5. Отчетъ о десятомъ присужденіи Императорскою Академіею Наукъ преміи митрополита Макарія въ 1903 г. СПБ. 1905 г. 8^0.

6. *Семеона Метафраста и Логовета* Списаніе міра отъ бытія и лѣтовникъ собранъ отъ различныхъ лѣтописецъ. (Славянскій переводъ хроники Симеона Логовета съ дополненіями). Изданіе Им. Ак. Н. СПБ. 1905. 8^0

7. *Rostovzev, M.* Tesserarum urbis Romae et suburbi plumbearum sylloge (supplementum I). 8^0.

8. *Radloff, W.* Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen. (Зап. Имп. Ак. Наукъ, сер. VIII, т. VII, № 7). СПБ. 1905, 8^0

9. *Васильевскій, В.* и *П. Никитинъ*, Сказаніе о 42 Амарійскихъ мученикахъ и церковная служба имъ (Зап. Им. Ак. Наукъ, сер. VIII, т. VII № 2).

10. *Lemm, Oscar von.* Iberica (Зап. Им. Ак. Наукъ, сер. VIII т, VII № 6) С.П.Б. 1905. 8^0.

11. Отчетъ о присужденіи преміи имени графа Д. А. Толстого. (Зап. Им. Ак. Наукъ, сер. VIII, т. VII, № 5). СПБ. 1905. 8⁰.

12. *Десницкій, С. Е.* Представленіе о учрежденіи законодательной, судительной и наказательной власти въ Россійской Имперіи. (Зап. Имп. Ак. Наукъ, сер. VIII, т. VII, № 4). СПБ. 1905.

13. Отчетъ о сорокъ пятомъ присужденіи наградъ графа Уварова (Зап. Им. Ак. Наукъ, сер. VIII, т. VII, № 3). СПБ. 1905.

14. *Зенгеръ, Г. Э.* Двѣ Петербургскія рукописи латинскихъ стихотвореній *Яна Кохановскаго*. Зап. Имп. Ак. Наукъ, сер. VIII, т. VII, № 1. СПБ. 1905. 8⁰.

15. Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1905 кн. IX. 8⁰.

16. Лѣтопись занятій Императорской Археографической Коммиссіи за 1902 годъ, вып. XV. СПБ. 1905 и за 1903 г., в. XVI. СПБ. 1905 8⁰.

17. *Успенскаго*, Порфирія (Епископа). Книга бытія моего, т. VIII (Изд. Им. Ак. Наукъ). СПБ. 1902 г.

18. «Древности». Труды Им. Москов. Археол. Общ., т. XXI, в. 1 подъ р. *В. К. Трутовскаго*. Москва 1906 г. 4⁰

19. Новгородскія писцовыя книги. Т. V, книга Шелонской Пятины (Им. Археографическая Коммис.) СПБ. 1905 г.

20. Великія минеи четіи, собр. Всероссійскимъ Митрополитомъ Макаріемъ. Ноябрь, день 11, в. VII (приложеніе). СПБ. 1904 г.; Декабрь, 6 и 17 дни. Вып. X. Москва 1904. (Из. Им. Археографической коммиссіи). 4⁰.

21. Bulletin ol the New-Iork Public Library. Mai 1906, volume X, № 5. 8⁰

22. Pamatky archaeologické a mistopisnè. Dilu XXI, sejit V—VI. Praga 1904., sesit VII— VIII. Praga 1905. 4⁰

23. *Pič, J., Dr.* Cechy na vsvite Dtjin na základé praehistoricke sbirky. musea Kral Ceskeho a pramenu dějepisnch. II Svazek 3.

24. *Koetschau, Karl, Dr.* Museumskunde. Zeitschrift für Verwaltung und Technik öffentlicher und privater Sammlungen. Band II, Heft 2. 8⁰.

25 Analecta Bollandiana.

из. 1883.	tom I — fasc I		1888	tom VII	—fasc IV	
	» » — » II		1889	» VIII	» »	
	» » » III		1890	» IX	» »	
	» » » IV		1891	» X	» »	
	» II » —		1906	» XXV	» I.	8⁰
1884.	» III » —					
1885.	» IV » —					
1886.	» V » —					
1887.	» VI » — =					

375 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

15-го Сентября 1906 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта *Э. Р. фонъ-Штерна,* при секретарѣ *А. А. Павловскомъ,* дѣйствительные члены: *Е. А. Шуманскій, В. Н. Мочульскій, А. В. Лонгиновъ, М. Ѳ. Никановъ, В. Н. Пироговъ, С. Д. Пападимитріу, Г. И. Перетятковичъ, К. О. Лысаковскій* и членъ-сотрудникъ: *М. С. Мончевскій.*

Слушали:

1. Предложенія библіотеки Ростокскаго Университета, Женевскаго Института и Брюссельскаго музея декоративнаго и прикладнаго искусства объ обмѣнѣ изданіями и заключеніе по этому вопросу Совѣта Общества.

Постановили: принять предложеніе и вступить въ обмѣнъ, начиная съ XVI тома Записокъ.

2. Увѣдомленіе душеприказчика К. А. Скальковскаго о 1000 рубляхъ, оставленныхъ покойнымъ Обществу по завѣщанію на исполненіе портрета его отца, почетнаго члена Общества, для музея и на другія надобности.

Постановили: утвердить предложеніе Совѣта о заказѣ портрета масляными красками одному изъ одесскихъ художниковъ, знавшихъ покойнаго.

3. Докладъ дѣйств. члена А. А. Павловскаго о 3-емъ Областномъ Археологическомъ Съѣздѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Постановили: благодарить докладчика.

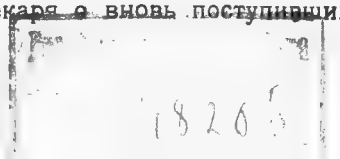
4. Докладъ члена-сотрудника Ю. Ю. Марти о надписяхъ, пріобрѣтенныхъ Мелекъ-Чесменскимъ музеемъ въ 1905 и 1906 годахъ.

Постановили: напечатать въ протоколѣ съ воспроизведеніемъ надписей автотипіей.

5. Докладъ хранителя музея Э. Р. фонъ-Штерна о вновь пріобрѣтенныхъ музеемъ предметахъ древности.

Постановили: благодарить докладчика и часть доклада о надписяхъ напечатать въ протоколѣ съ воспроизведеніемъ ихъ автотипіей.

6. Заявленіе библіотекаря о вновь поступившихъ книгахъ.



Постановили: записать въ каталоги библіотеки.

7. Сообщеніе Бессарабскаго губернатора отъ 2 августа 1906 года за № 1026 о предписаніи, даннomъ имъ Аккерманскому полицмейстеру относительно охраны крѣпости отъ порчи и разрушенія.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

8. Предложеніе Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія отъ 17 іюня 1906 года за № 1048 съ разъясненіемъ, что право пользованія землею при бывшей Судакской крѣпости передано по Высочайшему повелѣнію 2 іюня 1868 года Обществу съ обязательствомъ заботиться о сохраненіи развалинъ крѣпости, а потому и принятіе мѣръ къ охранѣ цѣлости земельнаго участка лежитъ всецѣло на обязанности Общества.

Постановили: принять къ руководству и на основаніи этого сообщенія предъявить, чрезъ завѣдующаго крѣпостью, требованіе о возвращеніи захваченной земли къ гг. Копону и Шпангеру.

9. Предложеніе Совѣта о выборѣ въ дѣйствительные члены секретаря Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ Романа Христіановича Лёпера и въ члены-сотрудники члена Кишиневскаго Окружнаго Суда Константина Петровича Шумскаго и сотрудника Э. Р. фонъ Штерна по раскопкамъ на Березани Евгенія Георгіевича Кагарова.

Постановили: принять предложеніе Совѣта и баллотировку произвести въ этомъ же засѣданіи. Закрытою баллотировкою выбраны: Р. Х. Лёперъ въ дѣйствительные члены и Е. Г. Кагаровъ—въ члены-сотрудники единогласно, К. П. Шумскій большинствомъ голосовъ противъ одного.

10. Письма завѣдывающаго Судакской крѣпостью Н. П. Щелкова отъ 30 мая и 4 сентября и А. Л. Бертье-Делагарда о необходимомъ въ этомъ году ремонтѣ въ крѣпости и заключеніе по этому дѣлу Совѣта.

Постановили: утвердить заключеніе Совѣта.

Къ засѣданію поступили:

I. Предметы древности.

Пожертвованія: отъ поч. чл. *А. Л. Бертье-Делагарда*: (см. ниже: «Опись древностямъ, доставленнымъ изъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1905 году въ имѣніи О. М. Соловьевой «Суукъ-Су»);

отъ полковника *Константина Милошевича Милославлевича*—мраморная плита съ надписью, найденная въ Березанскомъ заливѣ.

отъ госпожи *Наталіи Лебедевой* — головка отъ статуэтки-гротескъ, найденная ею на о. Березани.

Покупкою: Двѣ терракоттовыхъ фигурки и бронзовая миска—изъ Тираса; одинъ архаическій чернофигурный кувшинъ съ изображеніемъ Сирены—изъ Ольвіи; одинъ арибаллъ краснофигурный съ изображеніемъ двухъ птицъ; эллинистическая ойнохоэ; грубая лампочка съ штемпелемъ; фрагментарно сохранившаяся терракоттовая группа и превосходной работы маленькая аттическая ойнохоэ конца V вѣка съ пятью фигурами—изъ Керчи.

Опись древностямъ, доставленнымъ изъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1905 году въ имѣніи О. М. Соловьевой «Суукъ-Су».

Таб. I. Мѣдная пряжечка, мог. 97; тоже, тамъ же; 7 мѣдныхъ бляшекъ отъ пояса, тамъ же; мѣдная пряжечка, мог. 101; тоже, мог. 104; золотая штамповая бляшка, мог. 109; дужка мѣдной пряжечки, тамъ же; бусы, мог. 110; серебряное кольцо, тамъ же; мѣдное кольцо, мог. 111; серебряная пряжка, мог. 112; бусы, тамъ же; 2 серебряныхъ браслета, тамъ же; мѣдный браслетъ, тамъ же.

Таб. II. Бусы, мог. 114; желѣзный ножъ, тамъ же; бусы, мог. 116; серебряная пряжка, мог. 117.

Таб. III. Мѣдная пряжечка, могъ 118; тоже, тамъ же; тоже, тамъ же; мѣдный рыболовный крючекъ, тамъ же; 5 серебряныхъ поясныхъ бляшекъ, тамъ же; 2 серебряныхъ поясныхъ бляшки, тамъ же; 3 тоже, тамъ же; 2 тоже, тамъ же; тоже 1, тамъ же; 2 мѣдныхъ колокольчика, тамъ же; мѣдный наконечникъ ремня, тамъ же; мѣдная сережка, мог. 119; серебряная пряжечка, мог. 120.

Таб. IV. Мелкія бусы, мог. 122; стеклянная пластинка, тамъ же; обломокъ мѣднаго кольца, тамъ же; стеклянная пластинка, тамъ же; мѣдная пряжка, тамъ же; серебряное кольцо, тамъ же; бусы, тамъ же; мѣдная пряжка, мог. 123; тоже, мог. 126; 2 мѣдныхъ браслета, тамъ же; бусы, тамъ же; серебряная сережка, мог. 128; мѣдное кольцо, тамъ же; бусы, мог. 132.

Таб. V. 2 серебряныхъ браслета, мог. 124; мѣдный колокольчикъ, тамъ же; серебряное кольцо, тамъ же; 2 серебряныхъ фибулы, тамъ же; веретено изъ хадцедона, тамъ же; бусы, тамъ же; серебряная пряжка, тамъ же; желѣзный ножъ, тамъ же.

Таб. VI. Мѣдная фибула, мог. 131; серебряная сережка, тамъ же; тоже, тамъ же; мѣдная фибула, тамъ же; мѣдное кольцо, тамъ же; 2 серебряныхъ браслета, мог. 131; мѣдный колокольчикъ, тамъ же, серебряная пряжка, тамъ же; бусы, тамъ же.

Таб. VII. Мѣдная пряжка, мог. 131; тоже, тамъ же; тоже, тамъ же; мѣдная бляшка, тамъ же; монета, тамъ же; мѣдный наконечникъ, тамъ же; мѣдная пряжечка, тамъ же; мѣдный браслетъ, мог. 133; дужка мѣдной пряжечки, мог. 134; бусы, мог. 135; желѣзный ножъ, тамъ же.

Таб. VIII. Желѣзная пряжка, мог. 143; серебряная пряжка, тамъ же; желѣзный ножъ, тамъ же; бусы, тамъ же; мѣдная пряжка, мог. 144; тоже; тамъ же; желѣзная пряжка, мог. 145; бусы, тамъ же; желѣзный ножъ, тамъ же; мѣдная спиралька, тамъ же; серебряная серьга, тамъ же; мѣдная пряжка, тамъ же; мѣдный колокольчикъ, тамъ же; мѣдный браслетъ, тамъ же; тоже, тамъ же; тоже, тамъ же.

Таб. IX. Дужка мѣдной пряжечки, мог. 146; мѣдная пряжка, мог. 150, подвѣска, мог. 151; бусы, 2 тамъ же; 2 кольца, мог. 153; мѣдная пряжечка; тамъ же; бусы, тамъ же; обломокъ серебряной пряжки, тамъ же; мѣдный колтикъ, тамъ же; мѣдная фибула, тамъ же.

Таб. X. Мѣдная пряжечка, мог. 153; серебрянный браслетъ, тамъ же, мѣдная пряжка, тамъ же; мѣдная фибула, мог. 154; мѣдная монета Ѳеодо-

сія II-го, тамъ же; мѣдная фибула, тамъ же; мѣдная пряжечка, тамъ же; бусы, тамъ же; серебряная пряжка, тамъ же.

Таб. XI. Серебрянное кольцо съ сердоликомъ, мог. 155; 2 серебрянныхъ фибулы, тамъ же; 2 серебряныхъ браслета, тамъ же; мѣдная пряжечка, тамъ же; тоже, тамъ же; серебряная пряжечка, тамъ же; бусы, тамъ же; мѣдная фибула, тамъ же; тоже, тамъ же; мѣдное кольцо, тамъ же; бусы, тамъ же.

Таб. XII. 7 серебрянныхъ поясныхъ бляшекъ, мог. 157; мѣдная пряжка, тамъ же; тоже, мог. 160; 2 серебряныхъ браслета, мог. 162; 2 серебряныхъ фибулы, тамъ же; бусы, тамъ же; серебряная пряжка, тамъ же.

Таб. XIII. 2 мѣдныхъ псалія, мог. 162; 2 мѣдныхъ бляшки, тамъ же; тоже, тамъ же; тоже, тамъ же; мѣдная наставка кольца, тамъ же; облом. свинца, тамъ же; 2 мѣдныхъ рыболовныхъ крючка, тамъ же; дужка мѣдная отъ пряжечки, тамъ же; 3 мѣдныхъ наконечника ремня, тамъ же; 2 серебряныхъ браслета, мог. 164; серебряная пряжка, тамъ же; мѣдное кольцо, тамъ же; серебрянное кольцо, тамъ же; мѣдная скобочка, мог. 166; желѣзо съ прикипѣвшей мѣдной пряжечкой, тамъ же; монета Γ Σ Φ года, тамъ же; пробитая римская колон. монета, тамъ же; 2 мѣдныхъ рыболовныхъ крючка, тамъ же; мѣдная пряжечка, тамъ же; желѣзо съ прикипѣвшимъ мѣднымъ наконечникомъ стрѣлы, тамъ же.

Таб. XIV. 2 серебрянныхъ фибулы, мог. 169; серебряная серьга, тамъ же; тоже, тамъ же; серебряная пряжка, тамъ же; 2 серебряныхъ браслета, тамъ же; 2 кольца, тамъ же; бусы, тамъ же; желѣзный ножъ, тамъ же; мѣдная пряжка, тамъ же; тоже, тамъ же; тоже, тамъ же; мѣдное массивное кольцо (дужка?), тамъ же; мѣдный браслетъ, тамъ же; бусы, тамъ же.

Таб. XV. Желѣзная пряжка, мог. 173; тоже, тамъ же; мѣдная спиралька, мог. 178; мѣдное кольцо, мог. 179; тоже, мог. 181; мѣдная пряжка, мог. 183; мѣдный бубенчикъ, мог. 188; мѣдная пробитая монета, найдена случайно при прокладкѣ дороги чрезъ мог. Суукъ-Су; даръ рабочаго Пантелея Кузменко—Музею Имп. Одесск. Общества.

Таб. XVI. Мѣдная цѣпочка лампады, найдена въ развалинахъ церкви; мѣдная подвѣска, найдена тамъ же.

Опись древностямъ, оставленнымъ въ Ялтѣ у А. Л. Бертье-Делагарда.

1 Черепъ, отмѣтка № 6—12, мог. 106; 1 кувшинчикъ черной глины отм. 12—18, мог. 112; глиняный кувшинчикъ, отм. 25—24, мог. 118; камень съ крестомъ, мог. 121; глиняный кувшинчикъ, отм. 38—28, мог. 122; красноглиняная чашка съ клеймомъ, отм. 63—37, мог. 131; кувшинчикъ черной глины, отм. 66—37, тамъ же; стекляный флаконъ, отм. 75—37, тамъ же; кувшинчикъ черной глины, отм. 76—37, тамъ же; черепъ, отм. 114—55, мог. 146; тоже, отм. 115—55, тамъ же; красно-глиняное блюдо, отм. 126—60, мог. 154; глиняный кувшинчикъ, отм. 126—60, тамъ же; тоже, отм. 143—61, мог. 155; черепъ, отм. 144—61, тамъ же; камень со знакомъ, отм. 222—76, мог. 170; камень со знакомъ, отм. 223—78, мог. 172; камень съ крестомъ, отм. 226—80, мог. 174; черепицы, отм. 227—81, мог. 175; обломки

пиеоса, отм. 228—82, тамъ же; черепъ, отм. 232—84, мог. 178; камень съ крестомъ, отм. 214, церковь; тоже, отм. 215, тамъ же; тоже и 4 черепицы, отм. 217—220, тамъ же.

II. Книги.

1. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1906 г., кн. II (Двѣсти семнадцатая). Москва 1906. 4°.

2. Личный составъ Императорскаго Юрьевскаго Университета къ 15 октября 1905 года Юрьевъ 1905 8°.

3. Чтенія въ Церковно-Историческомъ и Археологическомъ Обществѣ при Кіевской Духовной Академіи, выпускъ VII. Кіевъ. 1906. 8°.

4. Топографическое описаніе Владимірской губерніи, составленное въ 1785 году. Съ приложеніемъ одного рисунка. Изданіе Вл. Уч. Арх. Ком. Приложеніе II къ кн VII «*Трудовъ Влад. Уч. Арх. Ком.*» Владиміръ 1905. 8°.

5. *Масановъ, И. Ф.* Библіографія Владимірской губерніи, т. I. Прил. I къ кн. VII «Тр. Влад. Учен Арх. Ком.» Владиміръ. 1905. 8°.

6. Труды Владимірской Ученой Арх Коммиссіи, кн. VII. Владиміръ. 1905. 8°.

7. Журналы засѣданій Совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго Университета за 1904 годъ № 60. С.-Петербургъ. 1905. 8°.

8. Обозрѣніе преподаванія наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ на 1906—1907 учебн. годъ. С.-Петербургъ. 1906. 8°.

9. Записки Классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томъ II, в. 2. С.-Петербургъ. 1906. 8°.

10. *Кондаковъ, Н. П.* Изображенія Русской княжеской семьи въ миніатюрахъ XI вѣка. С.-Петербургъ, 1906 8°.

11. Труды Воронежской Уч. Арх. Ком. В. II. Воронежъ. 1904. 8°.

12. Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, т. XVII, в. 3. С.-Петербургъ. 1906. 8°.

13. Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго Университета. Годъ 14, № 1 и 2. Юрьевъ. 1906. 8°.

14. Извѣстія отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ 1906 г. Т. XI, кн. I. СПБ. 1906. 8°.

15. Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Томъ XXI, в. 5—6; т. XXII, в. 1 и 2. Казань. 1906. 8°.

16. Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи. Выпускъ 17 и прибавленія къ в. 16 и 18. С.-Петербургъ. 1905—1906 гг. 8°.

17. Варшавскія Университетскія Извѣстія 1906 г., I—II. Варшава. 1906 8°.

18. Сборникъ Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. В. 36. Тифлисъ. 1906. 8°.

19. *Лашышевъ, В. В.* Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Т. II. Латинскіе писатели, в. 2-й. С.-Петербургъ. 1906. 8°.

20. *Штернъ, Э. Р. фонъ.* Значеніе керамическихъ находокъ на югѣ Россіи для вы сненія культурной исторіи Черноморской колонизаціи. Одесса. 1899. 8°.

21. Записки Крымско-Кавказскаго Горнаго Клуба 1906. № 3, 4 и 5. Одесса. 1906. 8°.

22. Отчетъ о состояніи и дѣятельности Императорскаго С.-Петербургскаго Университета за 1905 годъ С.-Петербургъ. 1906. 8°.

23. Отчетъ Туапсинскаго научно-промышленнаго музея за 1905 годъ. Туапсе. 1906. 16°.

24. Отчетъ о дѣятельности отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ за 1905 годъ. С.-Петербургъ. 1905. 8°.

25. Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ за 1905 годъ. Москва. 1906. 8°.

26. Отчетъ по Кавказскому Музею и Тифлисской Публичной Библіотекѣ за 1905 годъ. Тифлисъ. 1906. 8°.

27. Обозрѣніе лекцій въ Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. 1905 г., II семестръ. Юрьевъ. 1905. 8°.

28. Извѣстія Кавказскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Географ. Общества, т. XVIII. 1905—1906, № 3. Тифлисъ. 1906. 8°.

29. *Дубянскій, В. В.* Къ геологіи Центральнаго Кавказа. Зап. Кавк. отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. Кн. XXV, в. 5. Тифлисъ. 1906. 8°.

30. *Стрижовъ, И. Н.* Разрѣзъ слоевъ средней части Грозненскаго нефтяного мѣсторожденія. Зап. Кав. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. Кн. XXV, в. 6-й. Тифлисъ. 1906. 8°.

31. Записки Наукового Товариства імени Шєвченка, т. LXXII, 1906, кн. IV, рік XV. У Львові. 1906. 8°.

32. Етнографічний Збірникъ Наук. Тов. імени Шевченка, т. XVIII. У Львові. 1906. 8°.

33. Catalogue illustré de monnaies d'or et de quelques médailles d'or. № XLIV, Amsterdam. 1906. 8°.

34. Atti della R. Accademia dei Lincei. L'anno CCCIII. 1906. Serie quinta, volume III, fascicolo 1 e 2. Roma. 1906.

35. Annual Report of the Smithsonian Institution 1904. Washington City, 1905. 8°.

36. Mémoires de l'Institut National Génevois. T. XIX. 1893 — 1900. Genève. 1901. 8°.

37. Bulletin of the New-Jork Public Library, volume X, № 6, 7—8. New-Jork. 1906.

38. Bericht über das Museum des Königreiches Böhmen für das Jahr 1905. Prag. 1906.

39. Zpráva o Museu Královstvi Českého za rok 1905. V Praze, 1906. 8°

40. Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1905. Hierzu 4 Tafen. Riga. 1906. 8⁰.

41. Musée Royl d'antiquités et d'armures. Musée de Ravestein. Deuxième édition. Bruxelles. 1884.

42. *Edgar de Prelle de la Nieppe.* Catalogue des armes et armures du Musée de la porte de Hal. Bruxelles. 1902. 8⁰.

43. *Destrée, J.* Catalogue des ivoires. Bruxelles. 1902. 8⁰.

44. *Cumont, F.* Catalogue des sculptures et inscriptions antiques (Monuments lapidaires). Bruxelles. 8⁰.

45. Sommaire Guide. Antiquités orientales, grecques-romaines. Bruxelles. 1906.

46. Bulletin des Musées-Royaux des arts decoratifs et industriels à Bruxelles. Première Année,—1901-1902.; 2 année,—1902-1903; 3 années, 1903-1904; 4 année,—1904-1905. Bruxelles. 1902-1905.

47. Византійскій Временникъ. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Т. XI, вып. 1-2 и 3-4. С.-Петербургъ. 1904. 8⁰.

48. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1905. Jurjev-Dorpat. 1906.

Надписи, пріобрѣтенныя Мелекъ-Чесменскимъ музеемъ въ 1905 и 1906 годахъ.

I.

Надгробная плита изъ плотнаго, мелкозернистаго известняка, выш. 0,75 м.; шир. 0,55; толщ. 0,165, съ надписью въ 3 строки подъ рельефнымъ изображеніемъ, отъ котораго сохранились только ноги трехъ фигуръ.

Παπία Παπίου

χαῖρε

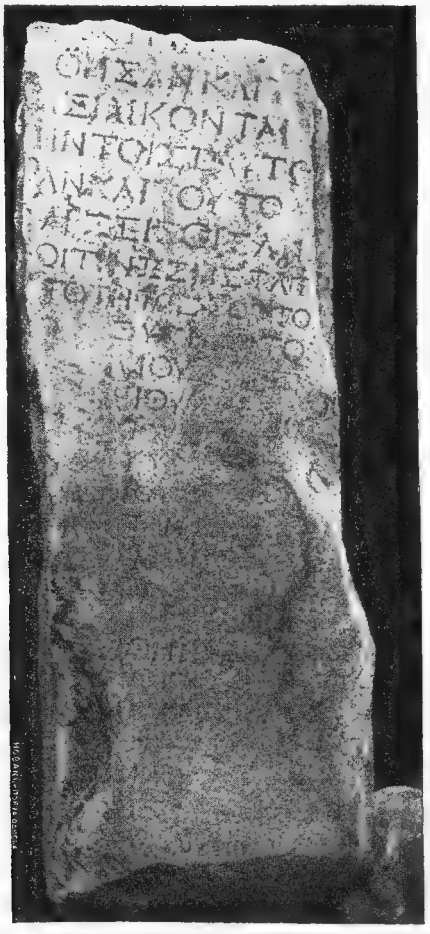
Надпись нацарапана крайне груба и небрежно, безъ линеекъ. Размѣръ буквъ 0,05-0,045.

Имя Παπίας часто встрѣчается въ боспорскихъ подписяхъ. (Inscr. a O. S. P. E. vol II. 19, 72, 29 в. и vol IV. 315, 468).

Надпись куплена 25 февраля 1905 г. у нѣкаго Кучеренки; найдена, по его словамъ, въ Керчи на Глинищѣ.

II.

Мраморная плита выс. 0,68 м, шир. 0,24 и толщ. 0,14, со всѣхъ четырехъ сторонъ обрубленная, съ надписью (высота буквъ 0,015—0,01) въ 25 стр., изъ которыхъ нижнія почти совершенно стерлись, верхнія же сохранились далеко не полностью.



Κυρία?

ὑθησαν καὶ τ

(β)ασιλικὸν ταμ(ιεῖον)

ιν τοῖς ἑαυτῶ

αν καὶ τοῦτο α.

—ἀρσεις οισαν(?)

οἵτινες μετὰ

—τότητος τοῦτο

συγ . . ντο.

Ἰούλ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Ποντ . . . .σ

Ἰουλ . . . .ο

Ἰουλ

Надпись, повидимому, представляетъ актъ государственной важности-упоминается почему-то царское казнохранилище «Βασιλικὸν ταμιεῖον». Начи; ная съ 10 строки идетъ перечень собственныхъ именъ. Разобрать можно: ΙΟΥΛΙ. . и ΠΟΝΤΙ. . , т. е. Ἰούλιος и Ποντικός, имена, довольно часто встрѣчающіяся въ боспорской эпиграфикѣ. Кажется, надпись была датирована.

Камень найденъ въ Тамани у берега моря и 15 мая 1905 г. пріобрѣтенъ С. Головлевымъ для Мелекъ-Чесменскаго Кургана.

III.

Надгробная плита изъ мѣстнаго известняка, обрубленная снизу и съ правой стороны, выс. 0,58 м, шир. 0,29 и толщ. 0,12.

Подъ фронтономъ, сохранившимся только на половину и украшеннымъ слѣва акратеріемъ, надпись въ 3 строки, вырѣзанная довольно тщательно по линейкамъ. Высота буквъ 0,03-0,02. Подъ надписью слѣва розетка съ двойнымъ рядомъ лепестковъ.

И по формѣ стѣны и по стилю буквъ надпись слѣдуетъ отнести къ 4 вѣку до Р. Хр. Имѣя въ виду крайнюю сжатость и лаконизмъ надгробныхъ формулъ этой эпохи, можно предположить, что утрачено только немного буквъ, несмотря на то, что отбитъ довольно большой кусокъ камня. По всей вѣроятности, подпись слѣдуетъ читать такимъ образомъ:

Μητρόδωρος

Αἰσχρίωνος, ἡ δεῖνα

Λίβυος γυνή.

Имя Μητρόδωρος встрѣчается часто какъ въ древнѣйшихъ пантикапейскихъ надписяхъ, такъ и въ позднѣйшихъ римской эпохи (I. o. s. P. E. Latyschev vol II 178, 179, 180, 55, 861 и vol IV. 221.) *Αἰσχρίων* (см. Pape's Wörterbuch der griechischen Eigennamen) до сихъ поръ въ боспорской эпиграфикѣ не встрѣчалось, если не считать Θазосскихъ амфорныхъ ярлыковъ Λίβυς также упоминается здѣсь впервые (Pape's Wörterbuch d. gr. Eig).

Камень найденъ на Глинищѣ и купленъ 20 Января 1906 г. у мѣстнаго торговца древностями I. Пекерева.

IV

Надгробная стела, верхняя и нижняя часть которой отбиты, выс. 0,52 м., шир. 0,58 м. и толщ. 0,185. Подъ рельефомъ, отъ котораго сохранились

только оконечности конскихъ ногъ, надпись римскихъ временъ въ 3 строки, вырѣзанная самымъ тщательнымъ образомъ и состоящая изъ красивыхъ буквъ крупнаго размѣра 0,06—0,04.

Σύμμαχε υἱὲ
Νεικηφόρου.
χαῖρε

Имя Σύμμαχος въ пантикапейскихъ надписяхъ не встрѣчалось; отмѣчено по одному разу въ Ольвійскихъ, Танаисскихъ и Горгинисскихъ (l. o s. P. E. vol. I, 114; vol. II, 448; vol. IV, 436).

Имя Νεικηφόρος или Νικηφόρος въ Insc. a O. S. P. E. не отмѣчено. Слѣдуетъ замѣтить правописаніе Νεικηφόρος вмѣсто болѣе правильнаго и болѣе употребительнаго Νικηφόρος (Pape's Wörterbuch der griech. Eig.).

Камень найденъ на Глинищѣ и купленъ 1 февраля 1906 года у С. Головлева.

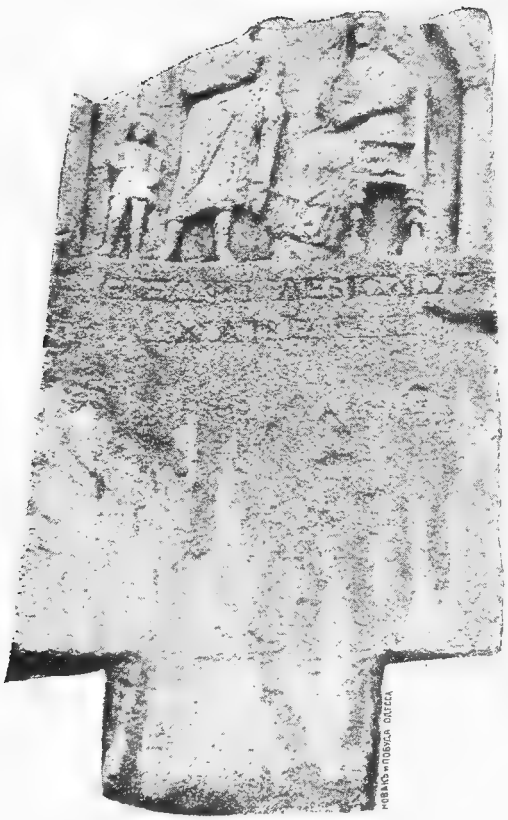
V.

Надгробная стела изъ крупнозернистаго извѣстняка, выш. 1,04 м., шир. 0,54 и толщ. 0,14. Подъ рельефомъ, верхняя часть котораго отбита надпись въ 2 строки; внизу камень по угламъ срѣзанъ.

Рельефъ подъ аркой, опирающейся на колонки съ капителями, представляетъ женщину въ хитонѣ и гиматіонѣ, сидящую на креслѣ съ точенными ножками и опирающуюся ногами на скамеечку.

Передъ женщиной мужчина въ гиматіонѣ и мальчикъ въ короткомъ хитонѣ.

Надпись въ 2 строки вырѣзана по линейкамъ; высота буквъ 0,025 м.



Θεόφιλε Βίωνος

χαῖρε

Имя Θεόφιλος довольно употребительно (I. o. s. P. E. Latyschev. vol. II, 29 в, с. 241, 351 и vol. IV, 343.)

Βίων также встрѣчается неоднократно (I. o. s. P. E. Lat II, 29 с. и 302' и IV, 291 и 286). Правописаніе Βίωνος неясно: ο или ω. Какъ по архитектурѣ памятника, такъ и по стилю буквъ надпись приходится отнести къ римской эпохѣ. Стела найдена на Глинищѣ и куплена у С. Головлева 1 февраля 1906 года.

VI.

Надгробная стела выс. 1,29 м., шир. 0,59 и толщ. 0,15 съ двумя рельефами, изъ которыхъ верхній представляетъ двухъ воиновъ верхами, стоящихъ другъ противъ друга, а нижній—женщину, сидящую въ траурной позѣ на креслѣ; передъ ней стоитъ всадникъ. Подлѣ кресла дѣвочка съ какимъ-то сосудомъ въ рукахъ. На рельефѣ кое-гдѣ сохранились слѣды краски: синяя на стрѣлахъ слѣва, красная на колчанѣ; кромѣ того, повидимому, вся рама вокругъ рельефовъ была краснаго цвѣта.

Подъ нижнимъ рельефомъ надпись въ три строки, невполнѣ сохранившаяся, такъ какъ верхній слой камня мѣстами отвалился. Надпись, высота буквъ которой 0,03, повидимому, была тщательно высѣчена по линейкамъ Срав. изображеніе на слѣдующей страницѣ.

Διόφ . . . предполагаетъ, безъ сомнѣнія, Διόφαντος—имя, неоднократно встрѣчавшееся какъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря вообще, такъ и въ Пантикапеѣ (I. o. s. P. E II, 79, 143 и 358; IV, 282, 300 a, 300в и 304.

Второе имя, тоже невполнѣ сохранившееся, по всей вѣроятности, предполагаетъ женское имя: Καλλίκλ(ε)α.

Ἐπαφρᾶ—можно читать γυνὴ Ἐπαφρᾶ. Въ такомъ сочетаніи имя Καλλίκλεια уже встрѣчалось (I. o. s. P. E. IV, 246). Такимъ образомъ разсматриваемая надпись вполнѣ точно устанавливаетъ имя Ἐπαφρᾶς, предположенное г. Латышевымъ.

Διόφ(ανῖε κα)ι Καλλί-

κλ(εια γ)υ(νὴ) Ἐπαφρᾶ χαί-

ρετε

Надгробная стела найдена на Глинищѣ и куплена 9 марта 1906 года у С. Головлева.

VII.

Надгробная стела изъ твердаго мѣстнаго известняка (дикарный камень), выс. 1,17 м., шир. 0,55, толщ. 0,17. Верхняя часть стелы представляетъ тщательно сработанный фронтонъ, по угламъ украшенный акротеріями въ видѣ изящныхъ пальметокъ, а въ срединѣ выпуклымъ кружкомъ. Кромѣ того, 2 розетки тонкой работы—надъ фронтономъ, три розетки подъ фронтономъ на архитравѣ и 2 по бокамъ стелы.

Рельефный рисунокъ, изображаетъ двухъ всадниковъ, вооруженныхъ стрѣлами и лукомъ, изъ которыхъ одинъ на первомъ планѣ, другой меньшихъ размѣровъ нѣсколько поодаль на нѣкоторой высотѣ, представленный какъ бы перспективно. Передъ всадниками мальчикъ. Какъ рельефъ, такъ и надпись не сохранились вполнѣ

Отъ надписи, высота буквъ которой 0,03—0,03, сохранилось только 5 буквъ въ первой строкѣ и 2 буквы во второй.

Повидимому первое имя было Διογένης, довольно обычное (l. o. s. P. E. II, 55 и IV, 220, 241, 277, 360) въ Пантикапеѣ.

Завѣдующій Мелекъ-Чесменскимъ курганомъ *Ю. Марти.*

Вновь поступившій въ Одесскій музей эпиграфическій матеріалъ.

I.

Лѣтомъ 1906 года А. Л. Бертье-Делагардъ пріобрѣлъ отъ Ермолая Запорожскаго въ Керчи плиту изъ твердаго известняка съ греческой надписью. Размѣръ плиты: выс. 0,79 м., шир. 0,63 м., толщ. 0,15 м., выс. буквъ 0,3 м.

Надпись гласитъ:

Ἰούλιος Ἡλίττας
Πόθῳ Φαρναχί-
ωνος μνήμης
χάριν

Это простое надгробіе имѣетъ извѣстный интересъ. Въ нашей пантикапейской эпиграфикѣ это третій разъ, что Юлій Элиттъ встрѣчается въ качествѣ строителя надгробнаго памятника. Въ 1892 г. на Глинищѣ въ Керчи найденъ былъ камень, изданный В. В. Латышевымъ въ I. o. s. P. E. IV, 350, на которомъ мы имѣемъ слѣдующую надпись:

Ἰούλιος Ἥλίττας
Φαρνάκῃ Νεοκλέους
μνήμης χάριν.

А тремя годами позже, въ 1895, на томъ же Глинищѣ открыто было надгробіе, поставленное тѣмъ-же Юліемъ Элиттомъ въ память Фарнака, сына Аѳинодора. (Срв. В. В. Шкорпилъ, З.О.О. XIX № 7 и В. В. Латышевъ, I. o. s. P. E. IV, 349).

Возникаетъ невольно вопросъ, почему этотъ Юлій Элиттъ является строителемъ памятниковъ для различныхъ людей, которые врядъ-ли могли быть всѣ его близкими родственниками? Объясненіе этому недоумѣнію можно найти, если обратить вниманіе на имена усопшихъ, въ честь которыхъ поставлены эти надгробія.

Имена Πόθος, Φαρνακίων, Φαρνάκης и т. д. весьма часто встрѣчаются въ надписяхъ религіозныхъ обществъ, такъ называемыхъ «тіасовъ», возникшихъ въ римскій императорскій періодъ какъ нейтрализація еврейства и язычества въ греческихъ колоніяхъ юга Россіи (срв. В. В Латышевъ, I. o. s. P. E. IV, 434, 435, 436). Поэтому можно полагать, что Юлій Элиттъ*) занималъ въ организаціи такого тіаса съ его многочисленной іерархіею опредѣленную должность, съ которою связана была обязанность заботиться объ изготовленіи надгробныхъ памятниковъ для умершихъ его членовъ.

Если это предположеніе основательно,—а мнѣ кажется, мы безъ него для объясненія указаннаго факта обойтись не можемъ—то получается новая черта для выясненія своеобразнаго устройства и обычаевъ этихъ религіозныхъ обществъ.

Кстати, еще одно замѣчаніе грамматическаго свойства. Въ этихъ трехъ надписяхъ два раза имя лица, въ честь котораго сооружено надгробіе, поставлено въ дательномъ надежѣ; въ третій разъ (В. В. Латышевъ, I. o. s. P. E. IV 349) встрѣчается винительный падежъ.

Оба оборота такимъ образомъ одновременно употреблялись безъ различія.

II.

Осенью этого года А. Л. Бертье-Делагардъ прислалъ въ даръ Обществу обломанную сверху мраморную плиту, найденную въ окрестности Херсонеса.

---

*) Въ надписи религіознаго тіаса, изданной В. В. Латышевымъ (I. o. s. P. E. IV, 421) встрѣчается имя Ἥλιττα.

На плитѣ, которая имѣетъ въ выш. 0,26 м., въ шир. 0,233 м. и въ толщину 0,6 м., видны ноги отъ двухъ фигуръ, а подъ ними слѣдующая надпись:

Ἀπολλοδώρα) Λαγορεῖ-

Ἀπολλοδώρου) νος Λαμο-

γυνὰ δὲ Λαγορεί) κλέους

νου τοῦ Δαμοκλέους.

Надпись на камнѣ размѣщена такъ, что подъ ногами каждаго изъ двухъ лицъ приходится соотвѣтствующее имя. Чтобы указать, что не слѣдуетъ читать строки слѣва · на право до конца, рѣзщикъ поставилъ на соотвѣтствующемъ мѣстѣ запятыя.

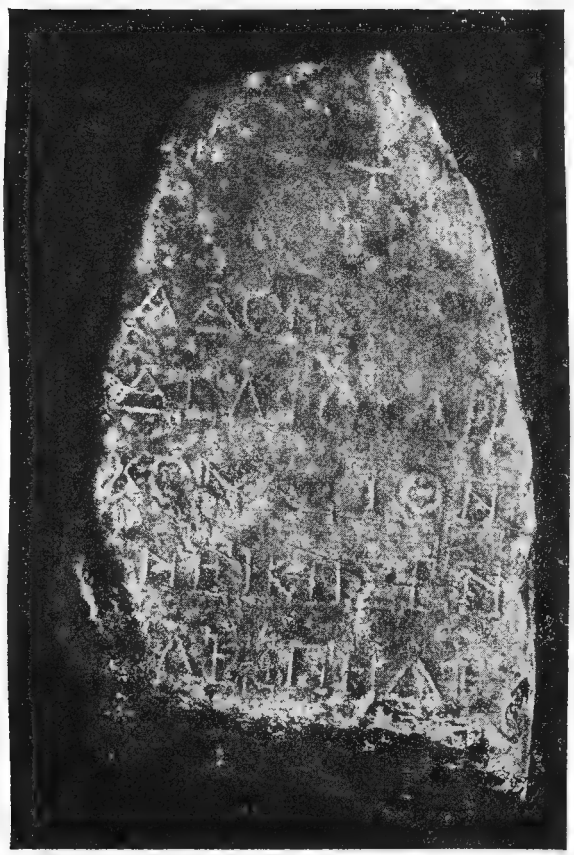
Не знаю, часто-ли встрѣчается этотъ пріемъ размѣщенія именъ и ихъ дѣленія; на надгробіяхъ, которыя хранятся въ нашемъ музеѣ, это первый случай. Имя Аполлодоры по херсонесскимъ надписямъ неизвѣстно: оно встрѣчается въ пантикапейскомъ эпиграфическомъ матеріалѣ (срв. В. В. Латышевъ I. o. s P. E. IV, 364); за то имя ея мужа и отца послѣдняго уже попадалось въ херсонесскихъ надписяхъ. Мы имѣемъ длинное стихотворное надгробіе въ честь Ксанѳа, сына Лагорейна (срв. В. В. Латышевъ, I. o. s. P. E. IV, 110); судя по характеру письма, не исключена возможность, что этотъ Ксанѳъ является сыномъ нашего Лагорейна. Имя Δαμοκλῆς попадается въ извѣстной херсонесской надписи (В. В. Латышевъ, I. o. s. P. E. IV, 82), въ которой мы находимъ приписку, что Поликратъ является ваятелемъ поставленной статуи.

Этотъ памятникъ относится, какъ показываетъ и упоминаніе знаменитаго художника, къ IV вѣку д. Р. и, конечно, этотъ Дамоклъ не можетъ быть отцомъ нашего Лагорейна.

III.

Лѣтомъ этого года, во время моихъ раскопокъ на Березани, я узналъ, что полковникъ Константинъ Милошевичъ Милославлевичъ, коллекціонеръ древностей и монетъ, пріобрѣлъ въ Бейкушѣ, на косѣ Березанскаго лимана, мраморную плиту съ надписью, вытащенную деревенскими дѣтьми изъ воды. Я отправился въ лагерь около Очакова къ полковнику Милославлевичу, чтобы осмотрѣть этотъ камень, и Константинъ Милошевичъ былъ такъ любезенъ, что пожертвовалъ камень нашему музею. Камень, заостренный кверху и отломанный внизу, дѣйствительно долго, повидимому, лежалъ въ водѣ; по бокамъ пристала масса ракушекъ и текстъ надписи разъѣденъ соленой водою, такъ что съ трудомъ читается. Размѣры камня слѣдующіе: высота 0,28 м., ширина вверху 0,16 м., внизу 0,165 м., толщина 0,116 м.

Текстъ надписи гласитъ:



Αδόης

Δέλφου αρ-

χον[τ]εύων

ἐ]νείκησεν

πά]λῃι πηδή-

[ματι]

Переводъ: «Адой, сынъ Дельфа, въ бытность архонтомъ, одержалъ побѣду (въ состязаніяхъ) въ качествѣ борца и въ прыганьи».

Предложенное мною чтеніе едва-ли нуждается въ особенномъ оправданіи: въ третьей строкѣ одна буква совершенно стерта; что она могла быть только «т», ясно изъ контекста; тоже самое слѣдуетъ сказать о прибавленномъ мною приращеніи въ четвертой строкѣ. Въ слѣдующей строкѣ на отбитой поверхности на лѣвой сторонѣ мѣсто для двухъ буквъ; такъ какъ въ концѣ строки ясно читаются буквы πηδη,—которыя могутъ быть дополнены лишь въ πηδή [ματι], то несомнѣнно, что въ предыдущемъ словѣ долженъ былъ быть названъ тоже родъ состязаній; на камнѣ отъ этого слова сохранились три буквы, которыя при первомъ взглядѣ на нихъ читаются какъ ΔΕΙ; но нѣтъ рода состязаній, названіе котораго оканчивалось бы на буквы—δει и если изучить камень тщательнѣе подъ лупой, то замѣчаются послѣ Е еще слѣды вертикальнаго штриха; значитъ на камнѣ было ΔΗΙ; но и Δ не можетъ быть вѣрнымъ чтеніемъ: либо мы имѣемъ ошибку рѣзщика, которая при сходствѣ буквъ Δ и Λ встрѣчается очень часто, либо соединительная черта внизу является случайнымъ поврежденіемъ поверхности камня. Если же на камнѣ стояло ΛΗΙ, то двѣ буквы, которыя пропали передъ этимъ слогомъ, могутъ быть лишь ΠΑ и получается такимъ образомъ названіе рода состязанія—πάλη.

Памятникъ этотъ довольно любопытенъ и долженъ быть разсмотрѣнъ въ связи съ надписью, изданной В. В. Латышевымъ—I. o. s. P. E. I, 77.

Надпись эта, которая найдена очень давно и издана много разъ и которая хранится въ нашемъ музеѣ, представляетъ собою посвященіе Ахиллу Понтарху со стороны ольвійскихъ архонтовъ. Въ концѣ надписи мы имѣемъ приписку, исполненную меньшими въ сравненіи съ посвященіемъ буквами, въ которой сообщается, что два изъ этихъ пяти архонтовъ одержали побѣду въ состязаніяхъ: Пуроѳэй Пуроѳэевъ копьемъ и дискомъ —и Евресивій *Адоевъ* въ бѣгѣ и прыганьѣ. Итакъ, мы знаемъ, что ольвійскіе архонты не только сооружали посвященія Ахиллу Понтарху, но и устраивали въ его честь состязанія, въ которыхъ сами принимали участіе.

Если имѣть въ виду этотъ фактъ, смыслъ нашей надписи становится вполнѣ яснымъ. Она, повидимому, представляетъ собою тоже приписку къ посвященію Ахиллу Понтарху; за это говоритъ уже мѣсто ея находки: при изданіи посвятительныхъ надписей въ честь Ахилла я уже имѣлъ случай указать, что всѣ онѣ найдены на берегу моря около Тилигульскаго и особенно Березанскаго лимана. Плита-колонна была разбита, и ея нижній конецъ съ этой припиской былъ по бокамъ обтесанъ и кверху заостренъ для какихъ-нибудь надобностей моряка или рыбака: на верхней части видны слѣды тренія проволоки или шнурка.

Побѣдитель Авдой, сынъ Дельфа, по всей вѣроятности, является отцомъ Евресивія Авдоева, который упоминается въ только-что приведенной надписи; послѣдній занималъ не только ту-же должность, что отецъ,

но унаслѣдовалъ отъ него и физическую ловкость: оба одержали побѣду въ прыганьѣ.

Πάλη – борьба – въ ольвійскихъ состязаніяхъ здѣсь упоминается впервые; какъ родъ состязаній въ Херсоннесѣ она была намъ уже извѣстна (ср. В. В. Латышевъ, I. o. s. P. E. I, 228).

Д. ил. Э. фонъ-Штернъ.

376 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества исторіи и древностей

1 ноября 1906 года.

Присутствовали; подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, дѣйствительные члены: *А. А. Кочубинскій*, *М. Ѳ. Никановъ*, *А. В. Лонгиновъ*, *Г. И. Перетятковичъ*, *К. О. Лысаковскій*.

Слушали:

Письмо завѣдывающаго крѣпостью Судака о предложеніи мѣстнаго лѣсничаго провести проѣзжую дорогу отъ морского берега къ Судакской колоніи мимо воротъ крѣпости и заключеніе Совѣта, что дорога эта пройдетъ черезъ нижнюю крѣпость и такимъ образомъ грозитъ сохранности крѣпостныхъ стѣнъ.

Постановили: согласно съ заключеніемъ Совѣта рѣшительно отказать.

2. Предложеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія о томъ, что Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ на принятіе отчетовъ за 1904 и 1905 гг. и XXVI томъ Записокъ Общества.

Постановили: занести въ протоколъ.

3. Телеграмму Великаго Князя Александра Михайловича съ благодарностью за любезную присылку Его Императорскому Высочеству отчета за 1905 годъ и XXVI тома Записокъ Общества.

Постановили: занести въ протоколъ.

4. Докладъ д. чл. Э. Р. фонъ-Штерна: Нѣсколько замѣтокъ по поводу труда Hampel'я „Древности ранняго средневѣковья въ Венгріи".

Постановили: напечатать въ протоколѣ.

5. Заявленіе хранителя музея о вновь поступившихъ предметахъ древностей.

Постановили: записать въ инвентарь музея.

6. Заявленіе секретаря о вновь поступившихъ книгахъ.

Постановили: занесть въ каталогъ библіотеки.

7. Представленіе Совѣту объ избраніи Ильи Егоровича Миннза дѣйствительнымъ членомъ Общества.

Постановили: выборъ произвести въ слѣдующемъ засѣданіи.

Къ засѣданію поступили:

I. Предметы древности.

Пожертвованія: отъ поч. чл. *А. Л. Бертье-Делагарда*: 1 черно лаковый сосудъ (Керчъ); 1 терракотта, стоящій Эротъ (Майкопъ); 2 стеклянныхъ арабскихъ сосуда (Кубань); терракоттовая голова Пана; обломокъ византійскаго образка, рѣзаннаго въ стеатитѣ, XII вѣка; 4 свинцовыхъ печати (Херсонесъ); чернолаковый сосудъ съ фигурами (Керчъ); верхъ бронзовой курильницы, съ фигурами (Ольвія); бронзовая головка (Ольвія); свинцовый голубь (Ольвія); 2 свинчатки отъ праща (Ольвія.)

Монеты.

Отъ поч. чл. *А. Л. Бертье-Делагарда*:

ÆR. *Ольвія*, Деметра и дельфинъ 1
» *Іерусалимъ* 1
Æ. *Ольвія*, Деметра и орелъ 1
» *Тиръ*, Каракалла 1
» » автономная, Деметра и конь 1
» » Комодъ и Гераклъ 1
» » Юлія Мамея и Кибелла 1
» *Пантикапей*, Левкона, Гераклъ и оружіе 1
» » Левкона, Паллада и молнія 1
» *Филиппополь*, Фаустинъ и Деметра 1
» *Понтъ*, неизвѣстныя 2
» *Шведская* 1767 года 1

Отъ чл.-кор. *Н. И. Рѣпникова*:

Æ. *Фанагорія*, Артемида и олень . . . . . 1.

Отъ д. ч. *П. П. Щелкова*.

Æ. *Византія, Льва III Константина V*, въ судакѣ.

II. Книги.

1. Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ, тт. 78, 79, 80, (1905 г.); 81 (1906 года). С.-Петербургъ

2. Извѣстія Императорскаго Томскаго Университета, книги XXV и XXVI. Томскъ 1905 г.

3. Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, книга IX года LXXIII сентябрь; книга X года LXXIII октябрь. Къ 9 и 10 книгамъ по два приложенія.

4. *Пантусовъ, Н. П.* Таарихъ и Эмэніе. Исторія владѣтелей Кашгаріи. Казань 1905.

5. Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета № 3. Юрьевъ 1906.

6. Извѣстія Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи. Выпускъ 52. Тамбовъ 1906.

7. Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, т. XXII, вып. 3. Казань 1906.

8. Извѣстія Историко-Филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. XXII. Нѣжинъ 1906.

9. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, кн. 3. 1906 года (Двѣсти восемьнадцатая). Москва 1906.

10. *Козловъ, Л. Е.* Краткій очеркъ переселенческихъ участковъ Черноморской губерніи. Записки Кавказскаго отд. Императорскаго Рус. Географ. Общ. Кн. XXV, вып. 7-й. Тифлисъ 1904 г.

11. *Фонъ-Дервизъ, Н. В.* Сухумскій округъ. Записки Кавказскаго отдѣла Император. Рус. Географ. Общ. Кн. XXV, вып. 8-й (и послѣдній). Тифлисъ 1906.

12. Московская Церковная Старина. Труды Коммиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской епархіи, т. 2-й. Москва 1906.

13. Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи (годъ двадцатый), № 39. Симферополь 1906.

14. Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, хранящихся въ архивахъ губ. г. Владиміра, часть I (1720—1855 гг.). Приложеніе I къ кн. VIII „Труд. Влад. Учен. Арх. Ком.“. Владиміръ 1905 г.

15. Краткое описаніе рукописей церковно-историческаго древлехранилища при братствѣ Св. Бл. Вел. Кн. Александра Невскаго, вып. I. Владиміръ 1906 г. Прилож. II къ книгѣ VIII „Труд. Влад. Учен. Арх. Ком.“.

16. Монастыри, соборы и приходскія церкви Владимірской епархіи, построеннаго до начала XIX столѣтія, часть I. Монастыри губ. г. Владиміра 1906 г. Прилож. III къ книгѣ VII „Труд. Влад. Уч. Арх. Ком.“.

17. *Рѣпниковъ, Н. И.* Нѣкоторые могильники области крымскихъ готовъ, I. Могильникъ «Суукъ-Су». СПБ. 1906.

18. *Рѣдинъ, Е. К.* XIII-й Археологическій Съѣздъ въ г. Екатеринославѣ. Обзоръ его Трудовъ. СПБ. 1906.

19. *Рѣдинъ, Е. К.* Портретъ Козьмы Индикоплова въ русскихъ лицевыхъ спискахъ его сочиненія. СПБ. 1905.

20. *Рѣдинъ Е. К.* Профессоръ Николай Ѳеодоровичъ Сумцовъ. Харьковъ. 1906.

21. *Рѣдинъ, Е. К.* Искусство и Археологія. Библіографія. СПБ. 1906.

22. *Бертье-Делагардъ, А. А.* Значеніе монограммъ на монетахъ Херсонеса. СПБ. 1906.

23. Отчеты Александровской Публичной Библіотеки въ Самарѣ за 1904 и 1905 гг. Самара 1906.

24. Die antiken Münzen Nord-Griechenlands. Herausgegeben von der Kgl. Akademie der Wissenschaften Band. III. Makedonia und Paionia. I Abteilung. Berlin 1906.

25. *Guilelmus Dahms.* Curae Hirtianae. Berolini MCMVI.

26. *Carolus Paepcke.* De Pergamenorum Litteratura. Rostochii MDCCCCVI.

27. *J. Schulman.* Catalogue illustré de monnaies d'or et de quelques médailles d'or. Amsterdam.

28. Bullettino di Archeologia et Storia Dalmata. Anno XXVIII, №№ 9, 10, 11, 12. Zara. 1905.

29. Bullettino di Archeologia et Storia Dalmata. Anno XXIX. Spalato 1906, №№ 1—7.

30. *Tade Smiciklas.* Nacrt zivota i djelâ Biscupa J. J. Strossmayera. I. Zagreb. 1906.

31. Vjesnik Kr. Hrvatsko-Slavonsko-Dalmatinskoga zemaljskoga Arkiva. Godina VIII, Sveska 2. 13. Zagreb. 1906.

32. Ljetopis Iugoslavenske Akademije Znavosti i umjetnosti zagodinu 1906. Zagreb 1906.

33. Rad Jugoslavenske Akademije znavosti i umjetnosti. Knjiga 164. Zagreb 1906.

34. Памятники українсько-руськоі мови і літератури. Томъ V. Львів 1906.

35. Матеріяли до українсько-руськоі етнольогіі. Наукове Товариство м. Шевченка у Львові. Комісія етнографічна. Томъ VIII. Львов. 1906.

36—37. Kwartalnik Historyczny zakozy: Xawery Liske. Roscznik XX. Zesyt 3—4. We Lwowie 1906.

38. Atti della R. Accademia dei Lincei. Anno CCCII. Notizie degli scavi di antichita. Volume II. Roma. 1905.

39. Atti della R. Accademia dei Lincei. Anno CCCIII. Notizie degli scavi di antichita. Volume III. Fascicolo 3. Roma 1906.

40. *G. Morchio.* Catalogo di monete antiche e moderne. Serie V. Num. 49. I Juglio 1906. Monete italiane ed estere. Venezia. 1906.

41. *G. Morchio.* Catalogo di monete antiche e moderne. Serie V. Num. 50.—1 Juglio 1906. Medaglie—Decorazioni—Gettoni. Venezia. 1906.

42. Atti della Società Ligure di Storia Patria. Volume XXXVII. Genova. MCMV.

43—44. Bulletin of the New-York Public Library Astor Lenox and Tilden fondations. September 1906. Volume X. Number 9. October 1906. Volume X. Number 10. New-York. 1906.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Нѣсколько замѣтокъ по поводу труда Hampel'я „Древности ранняго средневѣковья въ Венгріи".

Позволяю себѣ обратить вниманіе гг. членовъ Общества на вышедшій въ 1905 году обширный трудъ извѣстнаго венгерскаго археолога Hampel'я, озаглавленный „Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn". Первый томъ (853 стр. и 2350 изображеній въ текстѣ) посвященъ систематическому изслѣдованію ранне-средневѣковыхъ древностей въ Венгріи, второй томъ (1006 стр. съ массою рисунковъ) содержитъ описаніе отдѣльныхъ находокъ и раскопокъ, а третій томъ даетъ на 532 таблицахъ наглядную и полную иллюстрацію къ помѣщеннымъ во второмъ томѣ описаніямъ.

Эта громадная работа представляетъ спеціально для русскаго археолога особенный интересъ. Нашъ югъ Россіи составляетъ въ раннемъ средневѣковіи съ венгерской равниною одно нераздѣльное цѣлое въ культурномъ отношеніи: тѣ же племена, которыя въ своемъ движеніи съ востока на западъ заселяли Венгрію, отчасти раньше жили въ нашихъ степяхъ, отчасти проходили черезъ нихъ; и какъ населеніе нашего юга, такъ и народности, занявшія Дунайскую низменность и Семиградію, одинаковымъ образомъ испытывали на себѣ вліяніе и воздѣйствіе сначала поздне-античной, а затѣмъ византійской культуры. Находки въ Венгріи, предметы, добытые тамъ изъ нѣдръ земли лопатою и киркою, систематическое изслѣдованіе тамошнихъ могильниковъ должны, поэтому, способствовать разъясненію культурной исторіи юга Россіи, освѣщать разные спорные въ этой области вопросы и съ этой точки зрѣнія жизненный трудъ Hampel'я является для насъ особенно важнымъ.

На первомъ мѣстѣ, конечно, приковываютъ къ себѣ вниманіе систематическія разъясненія Hampel'я въ первомъ томѣ его труда. На нихъ я остановлюсь здѣсь вкратцѣ. Авторъ раздѣляетъ обширный археологическій матеріалъ, который былъ въ его распоряженіи, на четыре группы и каждую изъ нихъ пріурочиваетъ опредѣленной народности; онъ устанавливаетъ германскую, сарматскую, аварскую и венгерскую группы, между ними распредѣляетъ отдѣльные находки и могильники и старается выяснить характерныя особенности культуры каждой изъ этихъ народностей, являющихся главнымъ составнымъ элементомъ населенія Венгріи въ данный періодъ. Эта попытка въ историческомъ отношеніи весьма интересна; она составляетъ, такъ сказать, центръ всего изслѣдованія въ первомъ томѣ и обусловливаетъ и въ дальнѣйшихъ томахъ разграниченіе и распредѣленіе матеріала.

Я долженъ замѣтить, что такое соединеніе культурно-археологическихъ и этнологическихъ вопросовъ, если не имѣется другихъ данныхъ, кромѣ нѣмыхъ культурныхъ остатковъ, вообще требуетъ очень большой осторожности, въ данномъ же случаѣ, въ силу разныхъ соображеній, по моему, прямо невозможно установить опредѣленную связь между характеромъ извѣстной культуры и національностью ея представителей. Hampel считаетъ себѣ вправѣ различать германскую и сарматскую группу. Но обѣ эти народности живутъ наслѣдіемъ поздне-античнаго міра: культура античности налагаетъ на всю ихъ промышленность свою характерную печать; обѣ эти народности живутъ одновременно въ Венгерской равнинѣ, причемъ еще, по дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ, германскія племена иногда заселяютъ мѣстности, которыя раньше заняты были сарматами. Критерій, которымъ Hampel, повидимому, руководствовался при разграниченіи германскаго отъ сарматскаго населенія главнымъ образомъ, а именно тѣмъ, что у германцевъ фибулы были въ употребленіи, а у сарматовъ нѣтъ, для данной цѣли является мало пригоднымъ. Вѣдь греки, несомнѣнно, употребляли фибулы, а кто раскапывалъ ихъ могильники лишь здѣсь, на югѣ Россіи, тотъ знаетъ, какъ сравнительно рѣдко эти фибулы попадаются въ гробницахъ. При такомъ положеніи дѣлъ, я не рѣшился бы говорить о германской и сарматской группѣ древностей, а считалъ бы болѣе правильнымъ соединить эти двѣ группы въ одну,—въ группу, которая находится въ тѣсной зависимости отъ культуры античной, при чемъ, конечно, возможно отмѣтить, что представителями этой культуры являются на почвѣ Венгріи, между прочимъ, несомнѣнно не германскія и сарматскія племена. Относительно хода и пути распространенія этого античнаго культурнаго вліянія, относительно мѣста возникновенія этого своеобразнаго стиля въ произведеніяхъ художественной промышленности поздне-античнаго міра мы находимъ у Hampel'я (I, 478) довольно сбивчивыя и неопредѣленныя предположенія. Правда, содержаніе богатыхъ готскихъ могильниковъ около Гурзуфа, раскопанныхъ Н. И. Рѣпниковымъ и А. Л. Бертье-Делагардомъ, не могло быть ему извѣстно: но и до раскрытія этихъ могильниковъ вопросъ о такъ называемыхъ „готскихъ" фибулахъ и о „готскомъ" стилѣ въ золотыхъ дѣлъ мастерствѣ трактовался въ русской литературѣ на основаніи сдѣланныхъ у насъ находокъ: важная работа А. А. Спицина о „готскихъ" фибулахъ и раіонѣ ихъ распространенія въ Россіи, мое изслѣдованіе о „готскомъ" стилѣ по поводу одной могильной находки въ Керчи остались автору неизвѣстными, а между тѣмъ относительно послѣдней работы онъ даже не имѣлъ обычнаго, хотя уже давно устарѣлаго, извиненія: „rossica non leguntur", такъ какъ она опубликована не только на русскомъ, но и на нѣмецкомъ языкѣ въ „Prussia Jahrbücher". Я упоминаю объ этомъ не изъ-за задѣтаго авторскаго самолюбія, мнѣ вполнѣ чуждаго, не изъ-за обиженнаго патріотизма, а лишь потому, что въ интересахъ правильнаго и полнаго освѣщенія даннаго вопроса необходимо было Hampel'ю привлечь результаты археологическихъ изысканій на почвѣ Россіи. Пренебреженіе этимъ матеріаломъ тѣмъ болѣе непонятно, что авторъ самъ, повидимому, былъ на вѣрномъ пути къ рѣшенію проблемы; поль-

зуйся онъ этимъ матеріаломъ, онъ могъ бы вмѣсто догадокъ основываться на фактахъ.

Третью группу ранне-средневѣковыхъ древностей въ Венгріи авторъ называетъ аварскою, четвертую—венгерскою. И здѣсь можно спорить противъ правильности этихъ этнологическихъ обозначеній: характернымъ признакомъ для культуры третьей группы является вліяніе Византіи; во время этого культурнаго воздѣйствія (отъ VI—IX или X вѣка) смѣлые наѣздники Авары представляютъ собою лишь одинъ, хотя и важный, составной элементъ пестраго въ этнологическомъ отношеніи населенія Венгріи; врядъ-ли притомъ эти дикіе завоеватели принесли много своего собственнаго въ культуру занятой ими страны. Въ виду всего этого я предпочелъ бы, еслибъ авторъ придерживался другого распредѣленія своего богатаго матеріала и различалъ въ хронологическомъ порядкѣ всего три группы: группу наслѣдія античнаго міра, группу вліянія Византіи и группу, въ которой замѣчается скорѣе воздѣйствіе культуры запада и сѣвера. При такомъ распредѣленіи легче было-бы оріентироваться въ громадной массѣ находокъ, совершенно аналогичная въ группахъ I и II керамика была бы трактована вмѣстѣ, а не разрознена, какъ теперь, авторъ избѣжалъ бы опасности на основаніи довольно проблематическихъ признаковъ рѣшать этнологическіе вопросы и наконецъ, имѣлъ бы возможность правильнѣе освѣтить значеніе тѣхъ бѣдныхъ и простыхъ по содержанію могильниковъ, которые попадаются во всѣхъ установленныхъ имъ группахъ и генетическое развитіе которыхъ имъ, въ виду принятаго распредѣленія, не могло быть настоящимъ образомъ выяснено.

Не соглашаясь такимъ образомъ съ авторомъ въ вопросѣ о распредѣленіи матеріала по этнологическимъ группамъ, я, однако, долженъ подчеркнуть, что анализъ этого матеріала, какъ съ точки зрѣнія назначенія предметовъ, такъ и съ точки зрѣнія его стилистическихъ особенностей и его орнаментики, проведенъ съ большимъ знаніемъ дѣла и съ большой археологической опытностью. Изъ этого анализа явствуетъ, что авторъ много видѣлъ и тщательно изучалъ древности своей родины, но ихъ изучалъ съ точки зрѣнія археолога-практика; въ области такъ называемой высшей стилистической критики онъ, повидимому, не чувствовалъ подъ ногами твердой почвы, ему недостаетъ надлежащей исторической перспективы и, поэтому, его изложеніе о составныхъ элементахъ ранняго средневѣковаго искусства является довольно шаткимъ. Встрѣчаясь въ этомъ основномъ вопросѣ съ діаметрально противоположнымы взглядами Riegl'я и Стржиговскаго (Strzygowski), авторъ поступаетъ по извѣстному принципу „не нашимъ, не вашимъ", а этимъ ходомъ,—не рѣшеніемъ проблемы, врядъ-ли кто-нибудь удовлетворяется. За то вышеуказанныя положительныя качества автора—его практическая опытность, его тщательность въ собираніи матеріала и его превосходное знаніе венгерскихъ древностей, сослужили ему свою службу, при составленіи втораго и третьяго томовъ его труда. Его „Fundberichte" во второмъ томѣ являются образцовыми по полнотѣ и аккуратности изложенія и матеріалъ для многочисленныхъ таблицъ третьяго тома подобранъ и опубликованъ съ большимъ умѣніемъ.

Такимъ образомъ трудъ Hampel'я, несмотря на выше отмѣченные недостатки, представляетъ собою цѣнный вкладъ въ археологическую литературу. Онъ избавляетъ насъ отъ необходимости странствовать по разнымъ маленькимъ венгерскимъ музеямъ, даетъ намъ въ удобной формѣ сводку весьма большого, тщательно провѣреннаго матеріала, на которомъ можно основываться при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, и во многихъ отношеніяхъ замѣтно двинулъ впередъ изученіе ранней средневѣковой культуры въ одномъ изъ любопытнѣйшихъ ея центровъ.

Особенно мы, русскіе археологи, имѣемъ полный поводъ быть благодарными автору этого капитальнаго труда При вышеуказанной близости культуры Дунайской низменности съ культурою нашего юга въ концѣ античнаго періода и въ началѣ ранняго средневѣковія, изданіе и изслѣдованіе Hampel'я должно отнынѣ служить для каждаго изъ насъ настольною книгою.

Д. ч. Э. *фонъ Штернъ.*

377 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

14-го ноября 1906 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *А. Л. Бертье-Делагарда*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, дѣйствительные члены: *А. А. Кочубинскій*, *А. В. Лонгиновъ*, *Е. А. Шуманскій*, *В. Н. Мочульскій*, *Э. Р. фонъ-Штернъ*, *В. М. Истринъ*, *Х. П. Ящуржинскій*, *А. Е. Егоровъ*, *С. Д. Пападимитріу*, *Г. И. Перетятковичъ*, *М. Ѳ. Никановъ*, *К. О. Лысаковскій*, графъ *А. А. Мусинъ-Пушкинъ* и *П. А. Маврокордато*; члены-сотрудники: *Е. Г. Кагаровъ*; гости: *Б. Э. фонъ-Штернъ* и профес. *Г. И. Танфильевъ*.

Слушали:

Засѣданіе открылось рѣчью г. вице-президента, *А. Л. Бертье-Делагарда*, привѣтствовавшаго Общество съ наступленіемъ 68-й годовщины его существованія и пожелавшаго ему будущую годовщину встрѣтить уже въ расширенномъ помѣщеніи, по праву долженствующему къ нему перейти послѣ перемѣщенія Городской Публичной Библіотеки въ новое зданіе. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь зданіе Публичной Библіотеки и Музея Общества, до 1882 года существовалъ небольшой музей Общества на землѣ города, по Высочайшему повелѣнію отданной въ 1842 году Обществу Любителей Исторіи и Древностей,—такъ именовалось тогда наше Общество—для построенія музея. Музей росъ медленно и вотъ въ 1882 году тогдашній составъ Общества, увлеченный мыслью послужить просвѣтительнымъ цѣлямъ города и, по медленности накопленія археологическихъ богатствъ, не думавшій, на сколько нужно ему въ будущемъ мѣста, согласился на предложеніе города построить новое большое зданіе на принадлежащемъ Обществу мѣстѣ съ тѣмъ, чтобы нижній, первый этажъ этого зданія служилъ музею, верхній—городской библіотекѣ, считая такое совмѣщеніе въ одномъ зданіи съ музеемъ и библіотеки даже полезнымъ для своихъ научныхъ работъ. Теперь Вы видите послѣдствія такого рѣшенія, такого совмѣщенія: стѣсненная библіотека принуждена была выбраться изъ этого помѣщенія, музею негдѣ размѣстить свои богатства: всѣ тѣ таблицы, которыя Вы видите лежащими на окнахъ и витринахъ не могутъ найти себѣ надлежащаго мѣста въ витринахъ, такъ какъ мѣста для новыхъ витринъ нѣтъ. Это тѣ

драгоцѣнные фрагменты, которые дали нашему почтенному сочлену, хранителю музея, проф. Э. Р. фонъ-Штерну, возможность построить новую теорію распространенія неолетической культуры Греціи не съ юга на сѣверъ, какъ думали до сихъ поръ, а съ сѣвера на югъ, изъ нашей русской равнины между Дунаемъ и Днѣпромъ. Первые свѣтила западной науки признали серьезность того матеріала, на которомъ Э. Р. фонъ-Штернъ строитъ свою теорію, а у насъ, имѣющихъ эти реальные документы, для нихъ не находится мѣста. Я льщу себя надеждою, что столица юга, Одесса, пойметъ то значеніе, какое имѣетъ для юга Россіи и для всего культурнаго міра нашъ музей и, внемля просьбѣ нашего Общества, обращенной къ городскому управленію, возвратитъ, послѣ выхода изъ нынѣшняго помѣщенія Публичной Библіотеки, ея помѣщеніе Музею Общества и даже позаботится о приведеніи его въ надлежащій порядокъ въ ясномъ сознаніи, что задачей города, считающаго себя культурнымъ, создавать даже вновь, а не только поддерживать такія просвѣтительныя учрежденія, какъ нашъ музей. Посмотрите на Кіевъ, на Екатеринославъ, на какой-то нынѣ ничтожный, славный своимъ прошлымъ Владиміръ, создавшіе музеи, и Вы поймете, что иначе быть не можетъ въ столицѣ юга. Я буду счастливъ привѣтствовать Васъ въ будущемъ году въ новомъ, расширенномъ и благоустроенномъ помѣщеніи, въ своемъ собственномъ домѣ.

1. Краткій отчетъ секретаря Общества о дѣятельности Общества въ 1905—1906 отчетномъ году.

Въ отчетномъ году, въ виду истеченія срока полномочій состава Совѣта и выбора члена Совѣта, *А. А. Павловскаго* въ секретари, членами Совѣта на новое трехлѣтіе 16-го мая истекшаго года избраны прежніе члены *Э. Р. фонъ-Штернъ*, *А. В. Лонгиновъ* и *Г. И. Перетятковичъ* и вновь д. членъ Общества *М. Ѳ. Никановъ*.

21-го февраля членами Издательской Коммиссіи—д. чл. *А. А. Кочубинскій*, *М. Г. Попруженко* и *И. А. Линниченко*.

Въ томъ же засѣданіи вновь избранъ казначеемъ Общества прежній казначей, *П. А. Маврокордато*, а завѣдующимъ Судакской крѣпостью д. чл. *И. П. Щелковъ*.

Дѣйствительными членами Общества въ истекшемъ году избраны: графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ, Ю. Н. Щербачевъ, проф. И. И. Ивановъ и Р. Х. Лёперъ; членами-сотрудниками—Е. Г. Кагаровъ и К. П. Шумскій.

Въ отчетномъ году Общество понесло утрату въ лицѣ трехъ своихъ членовъ,—завѣдывавшаго Судакской крѣпостью С. Г. Романовскаго, Н. И. Ленца и проф. И. В. Помяловскаго, и одного члена-сотрудника, приватъ-доцента Новороссійскаго Университета, Б. А. Вахевича, память которыхъ и была почтена вставаніемъ. Особенно подчеркнулъ секретарь утрату въ лицѣ И. В. Помяловскаго, старѣйшаго изъ скончавшихся членовъ, выдающагося ученаго и глубокосимпатичнаго человѣка, всегда съ необыкновенною сердечностью относившагося ко всѣмъ научнымъ начинаніямъ и къ молодымъ, начинающимъ ученымъ. Онъ всегда готовъ былъ пойти имъ на

встрѣчу своимъ авторитетнымъ словомъ, своимъ вліяніемъ. Прекрасный классикъ, положившій въ Россіи начало изученію латинской эпиграфики, онъ много потрудился и въ области археологіи и Палестиновѣдѣнія. Нѣкоторое время онъ былъ секретаремъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества въ Петербургѣ, а послѣдніе года предсѣдателемъ отдѣленія классической и византійской археологіи этого общества, при чемъ во время его предсѣдательствованія, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, «Записки» этого отдѣленія стали представлять серьезный научный интересъ, такъ какъ, кромѣ небольшихъ работъ, въ нихъ стали тогда помѣщаться крупныя изслѣдованія, богато иллюстрируемыя рисунками, причемъ цѣлый рядъ этихъ изслѣдованій далъ ихъ авторамъ докторскія степени. Словомъ, личность этого ученаго въ археологической наукѣ представляется слишкомъ крупной, чтобы въ годъ смерти И. В. Помяловскаго можно было обойти молчаніемъ эту потерю. Всѣ, имѣвшіе какое-либо отношеніе къ покойному, не могутъ не пожелать ему вѣчнаго покоя и пухомъ землю, въ увѣренности, что память его не умретъ въ потомствѣ.

Въ отчетномъ году Общество имѣло 7 засѣданій, на которыхъ было доложено, по крайней мѣрѣ, по одному реферату, не только членовъ Общества, но и постороннихъ ему лицъ, какъ напримѣръ въ этомъ году профессора Университета, Б. М. Ляпунова—О рукописи евангельскихъ чтеній Музея Общества. Большинство этихъ докладовъ, сообразно ихъ величинѣ, было напечатано въ протоколахъ засѣданій.

Въ отчетномъ году Общество выпустило 26-й томъ своихъ Записокъ и почти закончило печатаніемъ 27-й томъ.

Кромѣ того, въ отчетномъ году Общество выпустило въ свѣтъ еще 3-й выпускъ своего Музея, посвященный Ѳеодосіи и найденнымъ тамъ керамическимъ фрагментамъ въ обработкѣ своего дѣйствительнаго члена, хранителя Одесскаго музея, проф. Э. Р. фонъ-Штерна. Въ этомъ трудѣ проф. фонъ-Штернъ не только далъ подробное обстоятельное описаніе предметовъ изслѣдованія, ихъ классификацію, но и очеркъ исторіи Ѳеодосіи и установилъ исторію и хронологію восточной и византійской керамики.

Дѣйствительный членъ Общества проф. Э. Р. фонъ-Штернъ и въ этомъ году, по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, велъ раскопки на островѣ Березани, о результатахъ которыхъ сообщитъ сегодня. Предметы, находимые въ этихъ раскопкахъ, поступаютъ обыкновенно въ нашъ музей, сильно обогащая его и давая возможность обстоятельнаго знакомства съ распространеніемъ греческой культуры на югѣ Россіи въ періодъ VI и V вѣковъ до Р. Х.

Благодаря этимъ пріобрѣтеніямъ, благодаря пожертвованіямъ цѣлаго ряда лицъ, интересующихся древностью и судьбою нашего музея, среди которыхъ мы можемъ упомянуть въ этомъ году имена дѣйств. член. Е. А. Шуманскаго, П. А. Маврокордато, чл.-сотр. Н. И. Рѣпинскаго и постороннихъ лицъ: І. Л. Конельскаго, С. Н. Лигина, Б. Д. Галая и И. К. Глобенко, музей нашъ замѣтно обогащается съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе представляя крупный научный интересъ для изслѣдователей, не толь-

ко русскихъ, но и западно-европейскихъ. Говоря о жертвователяхъ въ музей, сознательно я умолчалъ о нашемъ вице-президентѣ, имя котораго фигурируетъ почти во всѣхъ протоколахъ, такъ какъ рѣдко выпадаетъ мѣсяцъ, въ который бы чего-нибудь не поступило отъ него въ нашъ музей, его любимое дѣтище. Въ отчетномъ году онъ для обогащенія музея не ограничился покупками, а предпринялъ на свой счетъ спеціальныя съ этой цѣлью раскопки готскаго кладбища въ имѣніи г-жи Соколовой Суукъ-Су въ Крыму. Найденныя въ этихъ раскопкахъ предметы поступили въ нашъ музей, а описаніе раскопокъ, снабженное массою рисунковъ на счетъ того же А. Л. Бертье-Делагарда, членъ-сотрудникъ нашего Общества, производитель раскопокъ, Н. И. Рѣпниковъ печатаетъ въ 27-мъ томѣ записокъ.

Музей Общества обогащается и покупкою на скудныя средства Общества и, какъ можно видѣть изъ массы таблицъ, размѣщенныхъ здѣсь, въ залѣ, на витринахъ, столахъ и окнахъ, не имѣетъ достаточно мѣста для того, чтобы помѣстить всѣ свои богатства подобающимъ образомъ, въ витринахъ. Эти таблицы далеко не содержатъ въ себѣ всего того богатства, которое накопилось за истекшій годъ. Это только то, что удалось усиленнымъ, упорнымъ трудомъ разобрать, классифицировать, а сколько еще фрагментовъ вазъ, сколько другихъ предметовъ лежатъ еще неразобранными, несклеенными въ нижнемъ, подвальномъ помѣщеніи нашего музея, гдѣ на полу, за неимѣніемъ мѣста, хранятся обыкновенно и эти интересныя въ научномъ отношеніи таблицы и предметы, вынесенные на свѣтъ Божій, сюда, въ залъ засѣданій, только на сегодняшній, торжественный для Общества, день для того, чтобы присутствующіе здѣсь могли познакомиться съ ними, но здѣсь они прикрываютъ собою не менѣе цѣнные предметы, заполняющіе витрины, они заполняютъ столы, спеціально на сегодня загромождающіе залъ и мѣшающіе всякому движенію по нему, они покрываютъ подоконники оконъ, мѣшая закрыть ставни, и по этому послѣ засѣданія эти новые предметы должны будутъ вернуться на свои мѣста, на полу комнатъ подвальнаго этажа, гдѣ мѣста для свободнаго прохода не существуетъ. Пройдите же въ этотъ подвальный этажъ, полюбуйтесь на имѣющіяся тамъ богатства и посмотрите на ту обстановку, въ которой хранятся эти богатства, на ту обстановку, въ которой эти красивыя таблицы составляются, въ которой цѣлыми часами работаютъ надъ собираніемъ фрагментовъ въ одно цѣлое самоотверженные труженники науки и, я увѣренъ, Вы содрогнетесь. Въ сыромъ подвалѣ, годномъ развѣ для склада дровъ и храненія угля, въ сырости и холодѣ, на бетонномъ полу, въ полусвѣтѣ, цѣлыми часами сидятъ эти люди, подбирая одинъ кусочекъ вазы къ другому, чтобы составить нѣчто цѣлое. Эти условія людей науки, преданныхъ дѣлу, не пугаютъ, не останавливаютъ, и съ рискомъ для своего здоровья они продолжаютъ начатое ими дѣло, но тѣмъ, кто пользуется ихъ трудами, кто получаетъ отъ этихъ трудовъ не только удовольствіе, но и серьезное поученіе, время позаботиться, чтобы эти условія были измѣнены и чтобы сокровища, которыми дорожили бы во всякой другой культурной странѣ, во всякомъ истинно культурномъ городѣ даже и у насъ, въ Россіи, получили надлежащее по-

мѣщеніе, а труженниковъ, надъ ними работающихъ, поставили бы въ другія условія работы. Въ настоящее время Городская Публичная Библіотека, въ 1882 году получившая гостепріимный пріютъ на мѣстѣ, отданномъ Обществу на все время его существованія, переходитъ въ новое зданіе и я позволяю себѣ вѣрить, что столица юга, Одесса, найдетъ благовременнымъ и приличнымъ возвратить Обществу то, что ему принадлежитъ по праву, и не задумается надъ тѣмъ, чтобы, и въ свою очередь, пойти на встрѣчу нуждамъ его, болѣе шестидесяти лѣтъ трудящагося надъ просвѣщеніемъ населенія Одессы, въ подобающей отдѣлкѣ для помѣщенія музея той части зданія, гдѣ мы находимся, въ которой имѣла 25 лѣтъ пріютъ городская библіотека.

Моя увѣренность получается изъ того количества посѣщеній, которое насчитываетъ музей ежегодно. Въ отчетномъ году его посѣтили 7600 человѣкъ, не считая учениковъ разныхъ учебныхъ заведеній, посѣщавшихъ музей цѣлыми группами подъ руководствомъ преподавателей, причемъ объясненія этимъ группамъ всегда давались хранителемъ музея, проф. Э. Р. фонъ-Штерномъ. Въ отчетномъ году въ музеѣ были ученики коммерческаго училища Императора Николая I, Одесской IV мужской гимназіи, II мужской гимназіи, Кадетскаго корпуса, частныхъ училищъ Байеръ, Кандыбы, гимназій Березиной, Малиновской, Юнгмейстера, училища Трудъ и Водопроводной школы.

Я думаю, все вышеизложенное даетъ Обществу право расчитывать, что Одесское городское управленіе, къ которому еще въ маѣ мѣсяцѣ Общество обратилось съ просьбою о передачѣ ему бывшаго помѣщенія Городской Библіотеки, найдетъ необходимымъ подумать о своемъ нормальномъ отношеніи къ нуждамъ Общества и его музея.

Постановили: напечатать въ протоколѣ.

2. Докладъ д. чл. *Э. Р. фон-Штерна* о раскопкахъ его на о. Березани лѣтомъ отчетнаго года.

Раскопки на Березани въ 1906 году.

Согласно плану работы, представленному мною въ Импер. Археологическ. Коммиссію, главная задача 3-го года раскопки на Березани состояла въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи античнаго поселенія и въ раскрытіи кургана, лежащаго на восточной сторонѣ острова между раскопанной частью поселенія и пунктами $Б^5$ и $Б^6$, изслѣдованными въ предыдущихъ годахъ.

Важнымъ въ археологическомъ отношеніи казалось на первомъ мѣстѣ выяснить планъ и характеръ устройства этого древняго поселенія: такъ какъ это поселеніе, судя по всѣмъ даннымъ находокъ, прекратило свое существованіе въ началѣ V-го столѣтія, то это единственный у насъ, на югѣ Россіи, случай, гдѣ мы можемъ изучить характеръ и культуру такого древнегреческаго городка въ вполнѣ чистомъ видѣ; никакихъ позднѣйшихъ наслоеній, которыя могли бы измѣнить первоначальный видъ домовъ и улицъ, тамъ не оказывается, и поэтому необходимо воспользоваться этимъ, вообще весьма рѣдкимъ и благопріятнымъ положеніемъ дѣлъ, чтобы

какъ можно шире и основательнѣе изслѣдовать всю площадь, занятую нѣкогда этимъ поселеніемъ. Въ виду этого мнѣ казалось необходимымъ не только продолжать раскопъ А, въ которомъ уже въ продолженіи двухъ лѣтъ производятся работы для изслѣдованія этого поселенія, но и раскрытіемъ кургана $К^2$ установить, продолжается ли это поселеніе безпрерывно до $Б^6$, гдѣ въ прошломъ году найдены были аналогичныя стѣны, какъ въ раскопѣ А.

Работы начались 2 іюня и продолжались до 30-го того же мѣсяца. Внѣшнія условія для производства раскопокъ на Березани остались по прежнему весьма затруднительными. За то, благодаря просвѣщенной предупредительности командующаго войсками Одесскаго округа, барона А. В. Каульбарса, рабочій вопросъ былъ рѣшенъ въ благопріятномъ для меня смыслѣ и, такъ какъ Им. Арх. Коммиссія была такъ любезна, что предоставила вагонетки и рельсы въ мое распоряженіе, то работы шли въ общемъ успѣшно впередъ и удалось раскопать и вполнѣ очистить болѣе значительную площадь, чѣмъ въ предыдущихъ годахъ

Въ раскопѣ А (городокъ) раскопанъ въ этомъ году рядъ новыхъ стѣнъ и расчищены 23 ямы. Всей площади А придана такимъ образомъ форма правильнаго четырехугольника и, такъ какъ при помощи вагонетокъ удалось подальше отвести землю, то съ большей наглядностью выступили очертанія античныхъ построекъ. Всѣ стѣны и очищенныя воронкообразныя ямы тщательно измѣрены, срисованы и сфотографированы, такъ что имѣются всѣ данныя для возстановленія полнаго плана античнаго поселенія. Раскопки этого года вполнѣ подтвердили вѣрность сдѣланнаго уже въ прошломъ году вывода, что мы должны различать два періода въ строительной дѣятельности Березанскаго поселенія: большая часть обнаруженныхъ стѣнъ стоитъ прямо на материкѣ или на тонкомъ слоѣ въ 4 вершка золы и утрамбованной глины, положенномъ подъ фундаменты строеній; другая, меньшая часть стѣнъ воздвигнута прямо на насыпи, и ихъ основаніе отстоитъ отъ материка иногда до двухъ аршинъ; особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи двѣ стѣны; онѣ проведены прямо надъ ямою и на аршинъ подъ одной изъ нихъ стоитъ выброшенная въ яму часть большой сѣроглиняной амфоры.

Эта стѣна могла быть построена только послѣ того, какъ яма уже была засыпана и надъ поверхностью ея образовался довольно толстый наносный слой (въ 2арш.)Но, между тѣмъ, и эта стѣна, и всѣ остальныя, построенныесыпи, принадлежали еще концу VI, самое позднее, къ началу V вѣка. Ни надъ ними, ни около нихъ, ни въ прилегающихъ къ нимъ ямахъ не найдено ни одного предмета, который относился бы къ болѣе позднему времени. Получается такимъ образомъ тотъ выводъ, что городокъ или факторія заселена была приблизительно впродолженіе столѣтія и что подъ конецъ этого періода, когда приходилось строить новые дома вмѣсто сгорѣвшихъ или обвѣтшавшихъ и разрушенныхъ, новыя постройки сооружались прямо на планированномъ культурномъ слоѣ. Характеръ находокъ и способъ строенія показываютъ, что промежутокъ между этими двумя періо-

дами исторіи городка не могъ быть особенно продолжительнымъ; едва ли ошибемся, если опредѣлимъ его въ 25—50 лѣтъ.

Этотъ фактъ двухкратнаго заселенія мѣстности или, вѣрнѣе сказать, сооруженія построекъ въ два отдѣленныхъ другъ отъ друга извѣстнымъ промежуткомъ времени пріема объясняетъ существованіе такой массы воронко-образныхъ ямъ для отбросовъ и множества колодцевъ на близкомъ разстояніи другъ отъ друга.

Что касается этихъ ямъ, то, при сравнительно небольшой ихъ глубинѣ (въ среднемъ онѣ не глубже, чѣмъ на два аршина, врѣзаны въ материкъ), онѣ должны были довольно скоро заполняться разными отбросками, золой, битой посудою и т. д., и потому для каждаго хозяйства требовалось имѣть нѣсколько такихъ ямъ; впрочемъ, повидимому, не всѣ ямы служили для означенныхъ цѣлей: въ нѣкоторыхъ ямахъ кромѣ песку ничего не оказалось; онѣ и не были воронко-образными, а почти одинаковыхъ размѣровъ наверху и внизу и врѣзаны были въ материкѣ ступеньки, чтобы удобнѣе спускаться въ нихъ; очевидно, эти ямы служили погребами или кладовками для храненія разныхъ припасовъ.

Невольно возникаетъ вопросъ, почему жители этого поселенія считали вообще необходимымъ устраивать такія сорныя ямы около своихъ домовъ, разъ подъ рукою было море, куда легко можно было выбрасывать все ненужное?

Однако, надо имѣть въ виду во первыхъ, что устройство такихъ ямъ совершенно той-же воронко-образной формы, какъ показываютъ аналогіи въ Ольвіи и въ Керчи, вообще соотвѣтствовало привычкѣ древнихъ грековъ, а извѣстно, какъ твердо и стойко придерживаются такихъ привычекъ и тамъ, гдѣ онѣ, при измѣненныхъ условіяхъ жизни, утратили свой raison d'être; во вторыхъ нельзя упускать изъ виду и того, что вопросъ о близости моря для тѣхъ временъ долженъ рѣшаться иначе: такъ какъ впродолженіе послѣдняго столѣтія островъ кругомъ уменьшился приблизительно на 12 саженей, то въ столѣтіи до Р. Х. раскапываемое нынѣ мѣсто навѣрное отстояло отъ моря на полъ версты и больше; мель и камни, которые тянутся гораздо больше, чѣмъ на версту по направленію къ материку, доказываютъ, что это предположеніе вполнѣ основательно.

Что касается колодцевъ, то помимо открытаго въ прошломъ году античнаго колодца, при раскопкахъ настоящаго года найдены еще три; два изъ нихъ вычищены до водоноснаго слоя, одинъ раскопанъ лишь на половину за недостаткомъ времени. Три изъ нихъ имѣютъ цилиндрическую форму, одинъ четырехугольную; всѣ они весьма тщательно выдолблены въ природной скалѣ.

Фактъ присутствія столькихъ колодцевъ на сравнительно ограниченномъ районѣ естественнѣе всего объясняется предположеніемъ о разновременномъ ихъ устройствѣ; по крайней мѣрѣ относительно двухъ колодцевъ, которые отстоятъ другъ отъ друга всего на нѣсколько шаговъ, это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующемъ наблюденіи. Въ колодцѣ, который былъ раскопанъ въ прошломъ году, между найденными

черепками большинство составляетъ фрагменты аттической чернолаковой и чернофигурной посуды, въ колодцѣ же, который былъ выдолбленъ почти рядомъ и который раскопанъ въ настоящемъ году, ни одного аттическаго черепка не оказалось, за то на глубинѣ 9-ти аршинъ въ немъ найдена поразительная масса черепковъ «милетскихъ» мисокъ (всего 1624 фрагмента) Это наблюденіе позволяетъ утверждать, что послѣдній колодецъ устроенъ раньше, чѣмъ раскопанный въ прошломъ году, и что онъ, по всей вѣроятности, былъ уже засоренъ и засыпанъ, когда принялись за выдалбливаніе новаго колодца рядомъ съ нимъ.

Еще на одинъ вопросъ, который впервые возникъ при раскопкахъ нынѣшняго года, я позволяю себѣ обратить вниманіе: обнаружены нынче фундаменты какихъ-то круглыхъ построекъ. Трудно сказать, для какой цѣли служили эти маленькія зданія круглой формы, но если невольное предположеніе, что они представляютъ собою остатки древне-греческаго «θόλος» является правильнымъ, то эти «Rundbauten» заслуживаютъ особеннаго вниманія. Замѣчу еще, что фундаменты этихъ построекъ относятся къ первому періоду города. Что касается вещественныхъ находокъ, сдѣланныхъ въ раскопѣ А, то и въ этомъ году преобладаютъ керамическія. Характеръ раскопанныхъ черепковъ остался въ общемъ тотъ же, что и въ предыдущихъ годахъ, т. е. найдены фрагменты сосудовъ древне-милетскихъ, сосудовъ типа «Naukratis», чернофигурныхъ аттическихъ и образцы коринѳской и протокоринѳской керамики. Но, помимо этихъ извѣстныхъ по прежнимъ раскопкамъ типовъ, найдено нѣсколько черепковъ, которые представляютъ собою замѣтныя разновидности: я былъ бы склоненъ ихъ считать продуктами древневіотійскихъ фабрикъ, если бы мысль о торговыхъ связяхъ съ Віотіею могла найти какую нибудь опору. Отмѣчу, что въ этомъ году цѣлыхъ сосудовъ и лампочекъ найдено больше, чѣмъ въ прошломъ; въ одной ямѣ было двѣ цѣлыхъ амфоры, одна древнѣйшаго типа, а въ насыпи три цѣлыхъ, болѣе грубыхъ сосуда. Особенно интересными являются черепки изъ колодца (26); они всѣ (всего ихъ больше 1600) принадлежатъ мискамъ, которыя снаружи желтой или сѣро-глиняной краски въ разныхъ нюансахъ съ красными или темными ободками, между тѣмъ какъ внутри покрыты весьма различнымъ лакомъ или различной матовой краскою, при чемъ преобладаютъ цвѣта: красный, черный, темно-бурый и шоколадный въ различныхъ оттѣнкахъ, послѣдній цвѣтъ всегда матовый. Бываютъ случаи, что на одной и той же мискѣ окраска различна,-одна сторона, напр., красная, другая бурая, и, соотвѣтственно съ этимъ, и ободки на внѣшней сторонѣ на половину красные, на половину темные. Чтобы разнообразить внутренній видъ этихъ мисокъ, гончары на всѣхъ безъ исключенія нарисовали разноцвѣтные ободки или обручи, которые размѣщены слѣдующимъ образомъ: одинъ около внутренняго края, второй въ серединѣ миски, а третій на самомъ донышкѣ. Форма и величина этихъ мисокъ весьма различны: имѣются толстостѣнныя глубокія миски и рядомъ тонкія, какъ бы изъ бумаги, плоскія чашечки. Работа составленія мисокъ изъ этихъ, иногда очень мелкихъ, фрагментовъ продолжается въ Одесскомъ Музеѣ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ и еще не

окончена; совершенно цѣлыхъ сосудовъ эта чрезвычайно кропотливая работа не даетъ, потому что нѣтъ ни одного случая, чтобы всѣ куски отъ той или другой миски сохранились, но всетаки удается возстановить нѣсколько десятковъ этихъ мисокъ настолько, чтобы выяснить ихъ первоначальную форму и способъ ихъ орнаментаціи, а это послѣднее въ научномъ отношеніи весьма важно. Роспись этихъ мисокъ съ внутренней стороны указываетъ въ своихъ основныхъ началахъ на связь этой керамики съ характернымъ производствомъ въ Навкратисѣ и такимъ образомъ предположеніе, что исходнымъ пунктомъ всей этой своеобразной гончарной промышленности является Милетъ, получаетъ довольно прочное подтвержденіе. Во всякомъ случаѣ «Березанская керамика» заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія: она намъ даетъ ключъ для разъясненія многихъ темныхъ еще вопросовъ въ области культурныхъ сношеній греческаго міра въ VI вѣкѣ до Р. Х. Кромѣ сосудовъ найдено еще нѣсколько терракоттовыхъ статуэтокъ къ сожалѣнію, безъ головъ. Любопытно, что эти сидящія женскія фигуры въ типѣ извѣстныхъ милетскихъ статуй. Между «graffiti», которые нацарапаны на черепкахъ, особенно замѣчательно одно. На донышкѣ отъ простого чернаго сосуда, которое найдено около стѣны тщательно вырѣзана острымъ инструментомъ въ іоническомъ алфавитѣ VI вѣка слѣдующая надпись ΜΗΔΕΙ ΣΜΕΚΛΕΨΕΙ.

Можно согласиться съ владѣльцемъ сосуда, что изъ за этого простого кувшина не стоило стать воромъ

Изъ остальныхъ находокъ, кромѣ обычныхъ стрѣлъ и «ольвійскихъ рыбокъ», отмѣчу, бронзовую головку быка, къ сожалѣнію, сильно окислившуюся, которая внутри наполнена какой-то бѣлой массой и которая, по видимому, служила ручкой для какого нибудь сосуда или котла, бронзовую круглую фибулу «Scheibenfibel» и большую раковину, которая привезена была изъ средиземнаго моря. Въ заключеніе этой части своего отчета укажу еще на одинъ, не лишенный интереса, фактъ. Въ прошломъ году въ одной изъ воронкообразныхъ ямъ найденъ былъ фрагментъ верхней части весьма тонкаго аттическаго лекиѳа съ черными фигурами на бѣломъ фонѣ. Въ этомъ году найдены были въ другой ямѣ, на разстояніи по крайней мѣрѣ сажень на 10 отъ раскопанной въ прошломъ году, два обломка такого же лекиѳа, и, къ крайнему моему удивленію, эти два куска вплотную пришлись къ найденному въ прошломъ году фрагменту, такъ что имѣется теперь почти половина лекиѳа. Изъ этого факта вытекаетъ, что до окончанія раскопокъ на Березани слѣдуетъ всѣ черепки хранить вмѣстѣ и сосредоточить ихъ въ одномъ музеѣ, ибо не исключена возможность, что дальнѣйшія раскопки дадутъ недостающія части отъ самыхъ любопытныхъ сосудовъ и что, въ концѣ концовъ, удастся изъ груды черепковъ возстановить первоклассныя произведенія античной гончарной промышленности.

Кромѣ раскопа А, гдѣ работала бо́льшая часть имѣвшихся въ моемъ распоряженіи солдатъ, другая партія ихъ занята была срытіемъ кургана К,[2] лежащаго между А и раскопомъ Б[5] и Б[6].

Начали это срытіе съ подошвы на западной сторонѣ и сдѣлали выемку четырехугольника въ 6 сажень въ ширину и 10 въ длину. За недостаткомъ рабочихъ рукъ, а главнымъ образомъ вагонетокъ и рельсовъ нельзя было отвезти всю землю: въ виду этого раскапываемая площадь раздѣлена была на нѣсколько четырехугольниковъ; послѣ окончательной очистки перваго изъ нихъ до материка, оставленъ былъ узкій гребень и принимались за раскопку слѣдующаго четырехугольника, земля изъ котораго перебрасывалась на уже раскопанную площадь и т. д.

При такомъ способѣ работы не получается, правда, въ концѣ раскопки полной картины всей очищенной площади, однако изслѣдованіе можно вести тѣмъ не менѣе вполнѣ систематически при сбереженіи средствъ и рабочихъ силъ.

Это изслѣдованіе повело къ слѣдующимъ результатамъ:

Въ насыпи кургана на глубинѣ отъ 2 вершковъ до 1 аршина отъ поверхности обнаруженъ цѣлый рядъ погребеній: три изъ шести костяковъ повидимому, принадлежатъ еще классической древности; около одного найдена плоская стрѣла, у двухъ было по ольвійской рыбкѣ въ рукахъ. Остальные три костяки были совершенно безъ придатковъ: возможно было лишь установить слѣды истлѣвшихъ деревянныхъ гробовъ или досокъ, а также слѣды вполнѣ разложившихся желѣзныхъ гвоздей.

Далѣе къ центру кургана, на глубинѣ 12 вершковъ, обнаружена вторая группа погребеній; три скелета лежали почти рядомъ другъ съ другомъ; они оріентированы на востокъ, одна рука положена на грудь, другая вытянута внизъ по бедру; въ ногахъ подъ первымъ лежалъ дѣтскій скелетъ; судя по зубамъ, ребенку не было болѣе 5—6 лѣтъ. Наконецъ, въ восточной сторонѣ площади найденъ еще скелетъ, кости котораго оказались въ полномъ безпорядкѣ; вырытая ямка обложена была камнями, вокругъ лежали лошадинныя кости, а въ западномъ углу раскопанной площади на глубинѣ $^3/_4$ аршина обнаружена урна съ дѣтскимъ скелетомъ, согласно обычаю древнихъ „terra clauditur infans et minor igne rogi“ (Iuvenal XV, 180); ср. Plinius h. n. VII, 72: hominem prius quam genito dente cremari mos gentium non est“

Итакъ, въ этой насыпи искусственнаго холма мы имѣемъ, на одинаковой почти глубинѣ, погребенія различныхъ, повидимому, эпохъ. Изъ наслоеній земли вполнѣ ясно, что всѣ эти могилы врѣзаны въ существовавшую уже насыпь, и что этой мягкой почвой пользовались для похоронныхъ цѣлей уже съ древнихъ временъ.

Такимъ образомъ получается выводъ, что курганъ K^2 уже существовалъ въ теперешнемъ видѣ, когда жители или посѣтители острова перешли отъ практиковавшагося у іонянъ трупосожженія къ аттическому трупоположенію. Изъ находокъ, сдѣланныхъ въ первомъ году раскопокъ, можно заключить, что это совершилось еще въ началѣ V вѣка до Р. Х. И дальше можно было установить, что тѣ впадины, которыя теперь замѣчаются съ наружной стороны кургана, не происходятъ отъ какихъ-нибудь позднѣйшихъ попытокъ разграбленія кургана, а вызваны лишь этими погребеніями.

Подъ каждой впадиной почвы обязательно находится могила, а ниже этихъ могилъ правильность и послѣдовательность культурныхъ наслоеній не нарушены.

Копая въ указанномъ четырехугольникѣ кургана до материка и пробравшись черезъ насыпь, содержащую массу фрагментовъ простыхъ урнъ, черепки чернофигурныхъ аттическихъ вазъ, а ниже милетскихъ сосудовъ, и кромѣ того изобиліе костей домашнихъ животныхъ и рыбъ, рабочіе дошли до двухъ ямъ, широко и глубоко врѣзанныхъ въ материкѣ.

Верхніе края этихъ воронко-образныхъ ямъ, вслѣдствіе давленія земли, отчасти обрушились и чистка ямъ была поэтому довольно затруднительна: въ ямахъ оказалось нѣсколько амфоръ въ раздавленномъ видѣ (одна изъ сѣровато-бурой глины съ различными ручками), фрагменты милетскаго кратера съ двумя фризами животныхъ и много разныхъ культурныхъ остатковъ.

Въ насыпи кургана, въ аршинахъ $1^1/_2$ отъ материка, найденъ фундаментъ длинной и толстой стѣны, сложенный изъ большихъ обтесанныхъ плитъ: длина этой стѣны 6 саженъ, толщина 1 ар. 13 вер.; размѣры отдѣльныхъ плитъ 1 арш. длины, 11 верш. высоты.

Къ этой большой стѣнѣ примыкаютъ двѣ поперечныя: ихъ длина 2 арш. 15 вер., толщина 13 вер.

Непосредственно подъ капитальной стѣной, на $1^1/_2$ аршина ниже, на самомъ уже материкѣ, обнаружены незначительная стѣнка: длина 1 арш. 4 вер., шир. 10 вер., высота 8 верш., а также на самомъ материкѣ фундаменты изъ хорошо обтесанныхъ плитъ круглой постройки, діаметръ 2 ар. 13 верш., высота 8 верш. Разобравъ часть этой круглой стѣнки, подъ ней нашли: одну бронзовую стрѣлу (плоскую), одинъ чернолаковый и одинъ іоническій черепокъ. Рядомъ съ этой круглой стѣнкой, ближе къ стѣнѣ «в», на материкѣ былъ четырехугольный глиняный, хорошо затромбованный полъ.

За капитальной стѣною, между двумя поперечными, оказалась весьма глубокая яма: высота отъ поверхности до подошвы ямы 2 сажени; она содержала много хорошихъ и интересныхъ черепковъ и, между прочимъ, нѣсколько кусковъ отъ того милетскаго кратера, части котораго найдены были въ первыхъ ямахъ кургана. Сравнительно съ этой ямой, содержаніе третьей ямы, обнаруженной въ юго-западной части раскапываемой площади, было бѣдное: отмѣчу лишь нѣсколько кусковъ сосуда типа «Naukratis и сосуда съ орнаментомъ изъ плющевыхъ листьевъ.

Изъ изложеннаго получается слѣдующій выводъ: мы ясно можемъ различить два строительныхъ періода: къ первому относятся 4 ямы, фундаменты круглой постройки, маленькая стѣна, глинобитный полъ; ко второму большая капитальная стѣна и примыкающая къ ней четвертая. Но и этотъ второй періодъ падаетъ на конецъ VI и начало V вѣка; надъ этими стѣнами и около нихъ найдены лишь остатки керамики VI вѣка; нѣтъ ни одного краснофигурнаго аттическаго черепка; въ верхнихъ слояхъ преобладаютъ аттическіе чернофигурные сосуды, въ нижнихъ слояхъ черепки отъ милетскихъ вазъ.

Заслуживаетъ вниманія, что около капитальной стѣны былъ толстый пластъ морской травы, что слой холмика въ 6 вершковъ состоитъ изъ ракушекъ и что между найденными костями въ кухонныхъ отброскахъ было довольно много костей молодыхъ оленей Cervus elephas L, по опредѣленію профес. Ласкарева.

Э. фонъ Штернъ.

378 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

21-го декабря 1906 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, дѣйствительные члены: *А. А Кочубинскій, Е. А. Шуманскій, С. Д. Пападимитріу, А. В. Лонгиновъ, Г. И. Перетятковичъ*; члены-сотрудники: *А. В. Рыстенко, Е. Г. Кагаровъ* и *М. С. Мончевскій* и гости: профес. *А. П. Доброклонскій* и *Б. Э. фонъ-Штернъ*.

Слушали:

1. Докладъ дѣйств. чл. А. В. Лонгинова о письмѣ Голенищева-Кутузова 1794 года къ Попову съ упоминаніемъ о Гаджибеѣ, посланное изъ Бѣлграда-Днѣстровскаго.

Постановили: Напечатать въ протоколѣ. Благодарить докладчика.

2. Докладъ члена-сотрудника А. В. Рыстенко—Славяно-русскія рукописи библіотеки ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Постановили: Благодарить докладчика, Докладъ напечатать въ протоколѣ, а подробное описаніе рукописей въ Запискахъ.

3. Заявленіе хранителя Музея о вновь поступившихъ древностяхъ.

Постановили: передать въ музей.

4. Заявленіе библіотекаря о вновь поступившихъ книгахъ.

Постановили: передать въ библіотеку и записать въ каталогъ.

Къ засѣданію поступили

I. Книги.

1) *Короленко, П. П.* Церковныя древности Кубанскихъ казаковъ. Москва 1905 г., 4⁰.

2) *Короленко, П. П.* Войсковой архивъ Кубанскаго казачьяго войска. Москва, 1905 г., 4⁰.

3) XI археологическій съѣздъ. Кіевъ, 1 –20 Августа 1899 г.

4) Правила четырнадцатаго археологическаго съѣзда въ Черниговѣ въ 1908 г. Москва, 1906, 4⁰.

5) *Покрышкинъ, П. П.* Отчетъ о капитальномъ ремонтѣ Спасо-Нередицкой церкви въ 1903 и 1904 годахъ. Мат. по Археол. Рос. Изд. Имп. Арх. Ком.. № 30, СПБ. 1906. 4⁰.

6) Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Им. Казан. Унив., т. XXII, в. 4. Казань. 1906 г. 8⁰.

7) Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императ. Акад. Наукъ 1906 г., т. XI-го, книжка 2-я. СПБ. 1906. 8⁰.

8) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. XXII и XXIII. 1905, СПБ.

9) Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи. в. 13, 18, 19 и прибавленіе къ вып. 19-му, СПБ., 1906 г. 8⁰.

10) *Севастіянъ* іеромонахъ. Жизнь и дѣятельность преосвященнаго Димитрія Сулимы до вступленія его въ самостоятельное управленіе Кишиневскою Епархіею. Одесса. 1906 г. 8⁰.

11) Записки Наукового товариства имени Шевченка, т. LXXIII, Р. 1906, кн. V, Рік. XV.

12 Труды Троицко-Кяхтинскаго Отдѣленія Пріамурскаго Отдѣла Император. Рус. Географическаго Общ., т. VII, в. 3. 1904. СПБ., 1905 г., 8⁰.

13) Обзоръ Эстляндской губерніи за 1905 годъ. (Приложеніе къ всеподданнѣйшему отчету). Ревель, 1906 г. 8⁰.

14) *Штейнгель, Ф. Р.* баронъ. Отчетъ Городского Музея Волынской губерніи. Кіевъ, 1905 г., 8⁰.

15) Отчетъ Подольскаго церковнаго Историко-Археологическаго Общества за 1905 годъ. Каменецъ-Подольскъ, 1906 г., 8⁰.

16) Отчетъ Самарскаго Город. Пуб. Музея и Зала Имп. Александра II за 1902 и 1903 г.г. съ приложеніями. Самара, 1905 г., 8⁰.

17) Отчетъ о дѣятельности Западно-Сибирскаго отдѣла Император. Рус. Геог. Общ. за 1905 и 1904 г.г. Омскъ, 1905 и 1906 г.г., 8⁰.

18) Часопись правнича і економічна, Рік VI., т. IX. У Львові, 1906, 8⁰.

19) Записки Восточнаго Отдѣленія Императ. Рус. Арх. Об., т. XVII, в. I. СПБ., 1906 г., 8⁰.

20) Записки Крымско-Кавказскаго горнаго клуба, № 6, 7, и 8. Одесса, 1906 г.

21) Сообщенія Императ. Правосл. Палестин. Общ. т. XVII, в. 4. СПБ., 1906 г.

22) Етнографічный Збірникъ видае етнографічна комісія Наукового Товариства імени Шевченко т. XXI. У Львові, 1906 г., 8⁰.

23) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Императ. Археологическою Коммиссіею, т. XIII. СПБ., 4⁰.

24) Записки Западно-Сибирскаго отдѣла Императ. Рус. Геогр. Общества, кн. XXXII. Омскъ, 1906 г., 8⁰.

25) *Рѣдинъ, Е. К.* Профессоръ Николай Ѳеодоровичъ Сумцовъ, Харьковъ, 1906 г., 8⁰.

26) *Рѣдингъ, Е. К.* Искусство и Археологія. Библіографія. СПБ., 1906.

27) *Бертье-Делагардъ, А. Л.* Значеніе монограммъ на монетахъ Херсонеса. СПБ. 1906 г., 8⁰.

28) *Котошихинъ, Григорій.* О Россіи въ царствованіи Алексѣя Михайловича. Изд. четвертое. СПБ. 1906, 8⁰.

29) Селеніе Морошино. Матеріалы для исторіи возникновенія церквей въ Александрійскомъ уѣздѣ.

30) Способъ поддѣлки древнихъ Босфорскихъ монетъ М. Сазоновымъ, разсказанный имъ самимъ. Изъ архива Керченскаго музея древностей. Керчь. 1906 г. 8⁰.

31) Atti della R. Accademia dei Lincei. Anno CCCIII 1906, serie quinta, volume III—fascicolo 4, 5, 6. Roma, 1906, 8⁰.

32) *Regling, Kurt.* Ferina, Sechsundsechzigtes Programm zum Winckelmannsfeste der Archeologischen Gesellschaft zu Berlin. Berlin. 1906, 4⁰.

33) Pamatkj Archaeologické a Mistopisné. Dilu XXII, sesit I—II, 1906, v Praze, 1906, 8⁰.

34) Bulletin of the New-Jork Public Library. November 1906. Volume X, № 11. New-Jork, 1906, 8⁰.

35) Sitzungsberichte der Altertumforschenden Gesellschaft zu Pernau. Vierter Band. Pernau. 1906, 8⁰.

36) *Hewett Edgar L.* Antiquities of the Jemez Plateau, New Mexico. Washington, 1906, 8⁰.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо Голенищева-Кутузова.

22 августа.

Милостивый Государь
Василій Степановичъ.

Хотя я на сихъ дняхъ и не имѣлъ отъ Осипа Михайловича особливо писма но курьеръ отъ меня посыланный возвратился вчерашнего дни поутру ко мне, и хотя не привезъ никакого писменного ответа на мое уведомленіе, но словесно сказывалъ, что онъ отправяся съ флотиліею 18-го въ вечеру оставилъ тамъ все спокойно и сверхъ того прилагаю вашему превосходительству летучую цыдулу севастополкую послѣднюю, которая прошла 19-го числа и Осипомъ Михаиловичемъ надписана благополучно.

Рапорты чрѣзъ меня къ его светлости можетъ Осипъ Михайловичъ отправлять удобно, ибо давно уже есть между нами и курьерская и летучая почта, я обо всемъ съ Осипомъ Михаиловичемъ сего дни же снесусь, и для сего не худо будетъ ежели прибавить отъ полку Кумшацкого козаковъ на Телигулъ и Гаджибей, непріятелскіе мелкіе суда креисируютъ къ берегамъ весма близко, могутъ вздумать захадить и за водою, то не худо

ежели будетъ такое число казаковъ которое бъ этакую маленкую лодку на берегъ приставшую озаботило.

Здѣсь все спокойно, сегодни на разсвете велелъ я ехать морскому греческому офицеру на ту сторону лимана, къ такому мѣсту гдѣ непріятелской флотъ можетъ быть виденъ яснее, ежели чистота воздуха ему позволитъ, то онъ зделаетъ замечаніе о силе непріятелской обстоятельнее нежели мы на сей сторонѣ зделать могли.

Остаюсь вашего превосходительства Милостиваго Государя покорнѣйшій слуга Михаила Галенищевъ Кутузовъ.

Въ 2 часа пополуночи.
ч. 21 Августа 1790 года.
Белградъ Днестровскій.

III. Славяно-русскія рукописи библіотеки Имп. Од. Общ. Ист. и Древностей.

Славяно-русскія рукописи библіотеки Имп. Од. Общ. Ист. и Др. можно для удобства обозрѣнія раздѣлить на четыре отдѣла: 1) а) Богословіе.—Исторія церкви.—Житія свв.—Біографіи іерарховъ; ихъ переписка.—Духовно-нравственныя сочиненія; в) Философія. 2) Исторія и вспомогательныя науки.—Біографіи.—Воспоминанія. 3) Географія и этнографія, путешествія и статистика и 4) Рукописи разнаго содержанія.

Въ каждомъ отдѣлѣ на ряду съ рукописями, имѣющими большое значеніе, имѣются менѣе важныя, напр., просто копіи позднѣйшей, современной намъ руки.

Настоящій *конспектъ* отнюдь не претендуетъ на полноту, и потому, о многихъ рукописяхъ упомянуто будетъ лишь вскользь.

Въ *первомъ* отдѣлѣ мы находимъ весьма цѣнную рукопись XII ст., написанную гдѣ-то въ области южно-русскихъ говоровъ. Она содержитъ въ себѣ евангельскія чтенія (подробное описаніе ея сдѣлано проф. Ляпуновымъ въ Зап. Общества; извлеченіями изъ доклада проф. Ляпунова я и пользуюсь здѣсь).

Древнѣйшій текстъ рукописи представляетъ памятникъ русскаго письма съ оттѣнками діалектическими, напр., типичное *ѣ* вм. *е*, *ти* вм. *ть* передъ *и* и др.*).

Къ числу древнѣйшихъ памятниковъ можно отнести и пергаменный листокъ Евангелія. Правописаніе представляетъ слѣды смѣшенія юсовъ: гла (1 л. ед. ч.), сащии и т. п.

Изъ рукописей уже поздняго происхожденія выдѣляются: четвероевангеліе XVI—XVII в. (деффектный экземпляръ), южно-русская рукопись XVIII в. со службами «святымъ непразднуемыхъ» и житіями свв., южно-

*) Подробное изслѣдованіе и изданіе этой рукописи предпринято профессоромъ Ляпуновымъ.

русскій сборникъ поученій, житій свв. и апокрифовъ XVIII в.; Зрячая Пасхалія XVII—XVIII в., нотные стихирарь и октоихъ начала XVIII в. и др.

Церковно-историческіе матеріалы заключаются въ рукописяхъ, каковы: раскольничьи (числомъ 4) матеріалы по вопросу о миропомазаніи, приведшему къ разрыву между стародубовскими и рогожскими старообрядцами; рукописи архіепископа Гавріила съ богатымъ матеріаломъ для исторіи и статистики Новороссійскаго края, его монастырей и т. п.—въ 3-хъ громадныхъ сборникахъ in F-o*); сборники и связки писемъ архіеп. Иннокентія, новомиргородскаго епископа Антонія и др. іерарховъ къ прот. Перепелицыну; письма митр. Евгенія Кіевскаго; епархіальныя распоряженія по кіевской епархіи (1743—1752 г. г.); матеріалы для исторіи духоборовъ—„Исповѣданіе" ихъ, написанное ими для Каховскаго (съ *дополненіями* противъ напечатаннаго Тихонравовымъ въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др. 1871 г.) и др.

Изъ позднѣйшихъ рукописей интересны: копія съ первой печатной книги Новороссійскаго края: „Канонъ вопіющія во грѣхахъ души ко Спасителю" etc., соч. Потемкина-Таврическаго; повѣсть о Бизюковомъ монастырѣ іером. Геннадія (1835 г.) и нѣкоторыя др.

Изъ мистическихъ сочиненій интересенъ переводъ сочиненія Сведенборга: „Увеселенія премудрости о любви супружеской"; это сочиненіе до сихъ поръ, судя по словамъ В. С. Соловьева, не было издано; другая рукопись содержитъ: „Теорію науки о духахъ" Штиллинга (Theorie der Geisterkunde). Переводъ Лабзина (1805 г.) носитъ видоизмѣненное заглавіе: „Приключенія по смерти"; наша же рукопись—буквальное.

Къ отдѣлу историческихъ матеріаловъ можно отнести свыше сорока №№, конечно, какъ сказано, неодинаковой цѣнности. Здѣсь имѣются копіи съ печатныхъ изданій (учебникъ исторіи проф. Дилтея, изданный въ 1762, Синопсисъ, Дѣянія Петра Великаго соч. Голикова—о Полтавской битвѣ и др.); но рядомъ съ этимъ важный статейный списокъ о походѣ къ Азову XVII в. (есть печатныя изданія), записки о русско-персидской войнѣ 1722—35 г. Ладыженскаго (1827 г.), свѣдѣнія о русско-турецкой войнѣ 1806—1812 г.г. ген. Пущина (1823 г.) и мн. др.

Немаловажное значеніе имѣютъ копіи изъ архивовъ кн. Потемкина—письма разныхъ лицъ къ Петемкину, письма М. Дерибаса, М. В. Каховскаго и др., журналъ секретнымъ бумагамъ Потемкинской канцеляріи, копіи разныхъ указовъ Екатерины II и Потемкина, приказовъ кн. Прозоровскаго, копіи старыхъ письменныхъ актовъ Новороссійскаго края по исторіи и статистикѣ его, такія же копіи по исторіи Таврич. и Екатеринослав. губерній; сборникъ различныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Новороссіи, Запорожскаго и Донского войскъ; большой сборникъ матеріаловъ изъ архива крѣпости св. Дмитрія (1704—1797 г.г.**) и цѣлый рядъ другихъ разной цѣнности.

---

*) Срв. Иконниковъ, Истор., I, 922; но здѣсь указано только 2 тт.

**) На многіе матеріалы обратимъ вниманіе Иконниковъ, op. cit., 998.

Изъ этихъ матеріаловъ часть напечатана полностью, часть въ извлеченіяхъ; многіе же остаются въ рукописяхъ.

Къ этому же отдѣлу отношу: Ольвійскій сборникъ П. И. Кеппена, гдѣ, между прочимъ, содержится опытъ исторіи Ольвіи—первый на русскомъ языкѣ, бывшій извѣстнымъ только по имени акад. Латышеву; здѣсь же автографы Кеппена и митр. Евгенія. Въ другихъ рукописяхъ (почти всѣ второй половины XIX ст.) находятся сочиненія и матеріалы для исторіи и археологіи странъ и мѣстностей, сопрѣдѣльныхъ съ Ю. Россіей: Дакіи, Кавказа и др.

Изъ числа мемуаровъ необходимо указать—Записку Вигеля о Керчи и Бессарабіи (съ интереснымъ сообщеніемъ о судьбѣ Вигелевой „Записки о Бессарабіи“ М. К. Зозулина, видоизмѣняющимъ показанія самого Вигеля) и одинъ изъ многочисленныхъ, ходившихъ въ свое время по рукамъ, экземпляровъ „Записокъ“ И. В. Лопухина, (рук. первой четверти XIX в.)

Сюда же можно отнести грамоты и документы: сербскія, молдавскія и др., автографы Екатерины II, Павла I и др. лицъ.

Къ третьему отдѣлу—географіи, этнографіи etc.— относится рядъ важныхъ рукописей. Большой, in F-o, сборникъ заключаетъ въ себѣ: 1) описаніе путешествія Г. А. Мандельсло въ Индію, 2) описаніе путешествія на Востокъ Юрья Андреева и 3) „Персидскаго деревнаго саду“ окончаніе I-ой книги и остальныя девять.

Первая и третья статьи—unicum'ы. Начало I-ой книги „Персидскаго сада“ имѣется въ одной рук. И. П. Б. Наша рукопись является непосредственнымъ продолженіемъ той части, которая, оторвавшись отъ книги, попала въ И. П. Б.

Много въ этомъ отдѣлѣ топографическихъ матеріаловъ: „Топографическое описаніе доставшимся по мирному трактату отъ Оттоманской Порты во владѣніе Россіи землямъ“ (было напечатано), описаніе замка Кинбурна (XVIII в.), матеріалы для описаніи Березани, описаніе городовъ и уѣздовъ Екатеринославскаго намѣстничества (напеч.) и др. Большой интересъ представляютъ многочисленные этнографическо-статистическіе матеріалы, касающіеся селъ и деревень Херсонской губерніи (1882 г.)

Изъ числа рукописей „разнаго содержанія“ любопытно остановиться на слѣдующихъ: рук. XVIII в.: «Гисторія о персидскомъ царевичѣ Аммогосѣ»—единственный экземпляръ (нѣтъ въ указателяхъ Пыпина и Сиповскаго); рукопись «Пчелы» т. н. 44-главной (4-ый экземпляръ, представляющій интересныя разновидности сравнительно съ тѣми тремя, кои были извѣстны Семенову), пѣсенникъ Елизаветинскаго времени; сборники разныхъ статей членовъ Общества Ист. и Др. въ Одессѣ и др.

Изъ конспективнаго обозрѣнія, конечно, невозможно получить отчетливое представленіе о славяно-русскихъ рукописяхъ библіотеки Общества. Полный отчетъ какъ объ этихъ, такъ и о греческихъ, еврейскихъ и восточныхъ рукописяхъ могъ бы составить задачу спеціальнаго описанія рукописей библіотеки Общества.

379 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

30-го Января 1907 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, дѣйствительные члены: *В. М. Истринъ, Х. П. Ящуржинскій, Е. А. Шуманскій, А. В. Лонгиновъ, М. Ѳ. Никановъ, П. А. Мавроюрдато, К. О. Лысаковскій, Г. И. Перетятковичъ, С. Д. Пападимитріу*; члены сотрудники: *Е. Г Кагаровъ, А. В. Рыстенко, М. С. Мончевскій.*

Слушали:

Докладъ д. чл. С. Д. Пападимитріу — Сербо-византійское обручальное кольцо.

Постановили: напечатать въ протоколѣ въ сокращенномъ видѣ.

2. Докладъ д. чл. П. А. Маврогордато о его поѣздкѣ въ Керчь.

Постановили: напечатать въ протоколѣ.

3. Письмо завѣдывающаго Ѳеодосійскимъ музеемъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ музея.

4. Заявленіе библіотекаря о вновь поступившихъ книгахъ.

Постановили: записать въ каталогъ библіотеки.

5. Предложеніе Совѣта объ избраніи въ дѣйствительные члены проф. С.-Петербургскаго Университета Михаила Ивановича Ростовцева и члена-сотрудника Общества Александра Васильевича Рыстенко.

Постановили: баллотировать въ настоящемъ засѣданіи. По баллотировкѣ—оба получили всѣ бѣлые шары и такимъ образомъ избраны единогласно.

Къ засѣданію поступили:

I. Книги.

1. *Постниковъ, І.* Необычайное ночное происшествіе. СПБ. 1906, 8⁰.

2. *Эварницкій, Д. И.* Извлеченіе изъ отчета раскопокъ, произведенныхъ имъ лѣтомъ 1897 года близъ села Михайлово-Апостолово, Херсонской губерніи и уѣзда.

3. Отчетъ Тверскаго Епархіальнаго Историко-Археологическаго Комитета за время съ 1-го сентября 1904 г. по конецъ 1906 г. Тверь 1906 г. 16⁰.

4. *Воеводинъ, Л. Е.* 45 Народныхъ старинныхъ пѣсенъ въ заводахъ Пермской губерніи. Изд. Пермской Уч. Арх. Ком. Пермь 1905. 8⁰.

5. Каталогъ собранія древностей Графа Алексѣя Сергѣевича Уварова. Отд. IV—VI. Москва. 1907. 8°.

6. Донскія дѣла. Книга 2. Русская Историческая Библіотека, т. XXIV. СПБ. 1906. 8.

7. Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, годъ LXXIV. 11 кн. ноябрь и 12 кн. декабрь. Казань. 1906. 8°.

8. Варшавскія Университетскія Извѣстія. Варшава 1906. III—IV. 8.

9. Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. XVII, в. II—III. СПБ. 1906. 8°.

10. Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Т. LXXIV. Рік. XV. Львовъ. 1906. 8°.

11. Збірник Математично-Природописно-Лікарскоі Секці Наукового Товариства імени Шевченка. Том. XI. У Львові. 1907. 8°.

12. Українсько-Руській Архів видае Історично-Фільосафічна Секція Наукового Тов. ім. Шевченка. Т. I. Рукописи Львівских Збірокъ, в. I. 1906. и т. II Громадські Шпіхлірі в Галичині 1784—1840 р. У Львові. 1907. 8°.

13. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1906 г., кн. 4. 219. Москва. 1906. 8°.

14. Памятники Древней Письменности и Искуства т. п. CLIX—*Волковой, С. С.* О древнерусскихъ церковныхъ напѣвахъ; т. CLXI,— *Симони, Павла.* Къ исторіи обихода книгописца, переплетчика и иконнаго писца при книжномъ и иконномъ строеніи; т. CLXII—*Яцимирскаго, А. И.* Изъ исторіи славянской письменности въ Молдавіи и Валахіи XV—XVII в.в.; т. CLXIII — *Яцимирскаго, А. И.* Изъ исторіи славянской проповѣди въ Молдавіи; CLXIV.—*Ильинскаго, Р. А.* Грамота Банакулина, опытъ критическаго изданія текста съ комментаріями; т. CLXV—*Будде, Е. Ѳ.*, проф. Посланіе шведскаго полковника Александра Лесли къ царю Михаилу Ѳеодоровичу изъ Нарвы; т. CLX—Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго Общества любителей древней письменности въ 1904—1905 г. Изданія 1906. 8°.

15. Bulletin of the New-York Public Library. December 1906, v. X, № 12; January 1907, v. XI, № 1. New-York. 1906, 1907. 8°.

16. Pamàtky Archaeologické A Méstopisne Dila XXII. Seśil I—II. 1906. v Praze, 1906.

17. Collections. Février 1907.

18. Cwartalnik historyczny. Rocznik XXI. 1907. Zeszyl I. Lvov. 1907.

19. Imhoof-Blumer, F. Die Antiken Münzen Nord-Griechenlands.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Сербо-византійское обручальное кольцо.

Поводъ къ настоящему сообщенію даетъ полученная нами недавно работа Крумбахера, подъ заглавіемъ „Ein Serbisch-Byzantinischer Verlobungsring“ — отдѣльный оттискъ статьи, напечатанной въ изданіи Мюнхенской Академіи Наукъ „Sitzungsberichte der philos.-philol. und histor. Klasse der Kng. Bayer. Akademie der Wissenschaften. 1906 Heft III.

Крумбахеръ, получивъ отъ одного знакомаго фотографическій снимокъ надписи, находящейся на перстнѣ, съ просьбою объяснить ее и дать свое заключеніе, передалъ изслѣдованіе надписи своимъ ученикамъ, принимающимъ участіе въ практическихъ занятіяхъ византійскаго кабинета. Молодые работники науки взялись съ усердіемъ за объясненіе ея, и послѣ того какъ каждый представилъ результатъ своего изслѣдованія, вопросъ обсуждался въ виз. кабинетѣ, причемъ возникли пренія и дебаты. Послѣ такого обсужденія вопроса самъ Крумбахеръ рѣшилъ результаты этого изслѣдованія сообщить въ засѣданіи Мюнхенской Академіи Наукъ 3-го ноября 1906 года, а затѣмъ и напечаталъ свое сообщеніе на страницахъ оффиціальнаго органа этой Академіи.

Человѣкъ, прочитавшій статью, приходитъ въ удивленіе, какъ такая краткая надпись могла дать въ результатѣ такую научную работу. Обращено вниманіе на описаніе самого перстня, на палеографическое объясненіе надписи, на языкъ, на самыя слова и выраженія, на метрическую форму, на другіе памятники подобнаго рода, затѣмъ идетъ рѣчь о времени введенія обручальнаго кольца вообще и, наконецъ, что составляетъ главную задачу статьи, о пріуроченіи собственныхъ именъ, фигурирующихъ въ надписи, къ опредѣленнымъ лицамъ.

Такъ какъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ мы расходимся съ мнѣніемъ, принятымъ Крумбахеромъ, то мы и рѣшаемся предложить вашему вниманію настоящее сообщеніе.

I. Надпись состоитъ изъ двухъ византійскихъ ямбическихъ триметровъ, и чтеніе ея не представляетъ особенныхъ затрудненій, какъ въ этомъ убѣдится каждый, обративъ вниманіе на фотографическій снимокъ.

т. е. ΜΝΗΣΤΡΟΝ ΣΤΕΦΑΝΟΥ ΔΟΥΚΙΚΙΣ ΡΙΖΙΣ ΚΛΑΔΟΥ
ΚΟΜΗΝΟΦΥΙΣ ΤΕΝ ΧΕΡΟΙΝ (?) ΑΝΝΑ ΔΕΧΟΥ.

Съ палеографической точки зрѣнія, однако, представляетъ нѣкоторое затрудненіе черта (лигатура) надъ буквами ΟΙ слова χεροῖν и во-вторыхъ форма конечной буквы ν того-же слова (т. е. Η=слав. форма). Эти два обстоятельства дали поводъ Крумбахеру и его сотрудникамъ искать объясненія въ аналогичныхъ примѣрахъ. По нашему мнѣнію, окончаніе слова χεροῖν не есть ον, а просто σιν, написанное не прописными буквами, а строчными (Minuskel), и въ этомъ находитъ себѣ объясненіе и то, и другое палеографическое затрудненіе. Но за то на лицо другого рода недоумѣніе:

почему, во первыхъ, граверъ прибѣгаетъ къ такому странному пріему, и во вторыхъ, какъ объяснить соединеніе τὲν χερσὶν (въ двойств числѣ членъ, а имя во множ. ч.). Послѣднее обстоятельство можно считать недосмотромъ гравера, а первое все таки трудно объяснимо. Можетъ быть, граверъ дѣйствовалъ здѣсь подъ вліяніемъ бывшаго въ обиходѣ шрифта. Во всякомъ случаѣ для человѣка, который имѣлъ въ рукахъ рукописи XII-го стол., чтеніе σιν не подлежитъ никакому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что и вторая вертикальная палочка буквы ν не доведена до конца, что именно даетъ буквѣ форму, извѣстную въ рукописяхъ, когда эта буква находится въ концѣ слова.

II. Другое обстоятельство, которое бросается въ глаза читателю надписи—это принятая орѳографія, или, какъ справедливо выражается Крумбахеръ—анорѳографія: δουκικὶς ῥίζις—κομνηνοφυὶς—τεν. Конечно такое явленіе мы очень часто встрѣчаемъ въ византійской эпиграфикѣ; не только надписи на камнѣ и на ткани, но и моливдовуллы очень часто даютъ намъ примѣры удивительнаго освобожденія отъ грамматическихъ предубѣжденій. Это фактъ давно извѣстный, но объясненіе его еще не найдено. Крумбахеръ склоненъ принимать, что параллельно съ строгой, принимаемой въ школѣ, орѳографіей, которая съ гуманистическаго времени перешла и къ намъ, въ практической жизни существовалъ и другой, совершенно эмансипированный пріемъ орѳографіи, который имѣется во многихъ памятникахъ. Входить въ настоящее время въ подробности этого вопроса я не считаю возможнымъ; но мнѣ кажется, что объясненіе слѣдуетъ искать въ другомъ. Прежде всего слѣдуетъ раздѣлить отклоненія отъ орѳографическихъ правилъ на двѣ группы, а именно на безсознательныя и сознательныя. Отрицать, что въ византійское время существовали люди, не имѣвшіе никакого отношенія къ грамматикѣ, намъ кажется немыслимымъ. Не смотря, напр., на образованіе, которымъ отличается XII-ое столѣтіе, въ самой столицѣ, и еще гораздо больше въ провинціи, была на лицо масса чуждыхъ элементовъ, которые служили въ арміи и на разныхъ административныхъ мѣстахъ (турки, армяне, славяне и разные европейцы) и которые съ грамматикой греческаго языка ничего общаго не имѣли. Слѣдовательно, неудивительно, если мы встрѣчаемъ безграмотно написанный моливдовуллъ какого-нибудь спаѳарія или какого-нибудь коммеркіарія (таможеннаго чиновника). То, что сказано по поводу XII-го столѣтія, имѣетъ силу и для другихъ столѣтій и въ большемъ размѣрѣ для такихъ, въ которыхъ и общая культура находилась въ упадкѣ. Изъ этого выходитъ, что отрицать существованіе безсознательныхъ ошибокъ въ письменныхъ памятникахъ немыслимо. Стараться-же искать объясненіе по поводу такого рода погрѣшностей—трудъ излишній, потому что единственное объясненіе—это безграмотность.

Другой теперь вопросъ — объяснить сознательныя отклоненія отъ обычной орѳографіи. По нашему мнѣнію здѣсь слѣдуетъ поступать осторожно и стараться въ каждомъ случаѣ поискать особаго объясненія по возможности. Когда-же рѣчь идетъ объ орѳографіи, принятой въ надписяхъ или моливдовуллахъ, приходится посмотрѣть, не способствовали-ли и здѣсь этому обстоятельству какіе-нибудь стенографическіе мотивы или

стараніе гравера, приспособляясь къ характеру прописныхъ буквъ, избѣгать всего, что могло бы сдѣлать написаніе неяснымъ. Въ такомъ случаѣ на лицо будетъ licentia stenographica. Этимъ вопросомъ, конечно, слѣдуетъ заняться отдѣльно и обратить вниманіе на обширный имѣющійся матеріалъ, но, намъ кажется, въ разсматриваемомъ случаѣ все дѣло было въ тѣснотѣ мѣста, результатомъ которой были лигатуры и орѳографія.

III. Однако, все это не такъ важно. Болѣе важенъ вопросъ опредѣленія личностей, т. е. жениха и невѣсты, упоминаемыхъ въ надписи кольца. Въ переводѣ надпись значитъ «Анна, происходящая изъ семьи Комниновъ, получи на руки обручальное кольцо Стефана, потомка семьи Дуковъ». Слѣдовательно, передъ нами женихъ Стефанъ Дука и невѣста Анна Комнина. Молодые изслѣдователи, ученики Крумбахера, пришли къ заключенію, что Стефанъ Дука—краль сербскій, Стефанъ Радославъ (1228—1234), а Анна Комнина — его жена, дочь Солунскаго короля (императора) Ѳеодора, который принадлежалъ, правда, къ семьѣ Ангеловъ, но деспоты Эпира и Солуни предпочитали называть себя Комнинами. На этомъ остановился и самъ Крумбахеръ, считая вопросъ окончательно рѣшеннымъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

Рѣшеніе загадочной надписи, говоритъ Крумбахеръ, мы находимъ въ одной грамотѣ короля Солунскаго Мануила Ангела Комнина Дуки, въ которой онъ даруетъ разныя привилегіи жителямъ города Рагузы, мотивируя это слѣдующимъ образомъ: εὐγνώμονες γὰρ καὶ αὐτοὶ ἐφάνησαν περὶ τὴν βασιλείαν μου, καὶ καλῶς καὶ εὐνοϊκῶς καὶ εὐσπλάγχνως διετέθησαν περὶ τὰ παιδία τῆς βασιλείας μου, ἤγουν τὸν ὑψηλότατον ῥῆγα Σερβίας καὶ περιπόθητόν μου γαμβρὸν κὺρ Στέφανον τὸν Δούκαν, καὶ τὴν ἐγχάρδιόν μου ἀνεψιὰν τὴν ῥήγαιναν, κυρὰν Ἄνναν τὴν Δούκαιναν [1]) т. е. «ибо и они (Рагузяне) оказались благодѣтелями моему царству, и вѣжливо и любезно и милосердно отнеслись къ дѣтямъ моего царства, а именно къ высочайшему королю Сербіи, а любезному моему зятю, господину Стефану Дукѣ, и къ моей любимой племянницѣ королевѣ, госпожѣ Аннѣ Дукенѣ». Получаемыя здѣсь свѣдѣнія о названіи короля сербскаго «Стефаномъ Дукой» подтверждаются еще однимъ греческимъ источникомъ, а именно письмомъ архіепископа Болгарскаго, Димитрія Хоматіана, въ которомъ адресатомъ является тотъ-же сербскій король Стефанъ Радославъ: ἐρωτήσεις τοῦ πανευγενεστάτου ῥηγὸς Σερβίας κυροῦ Στεφάνου τοῦ Δούκα διάφοροι.

Изъ приведенныхъ цитатъ выходитъ, что Стефанъ назывался Дукой, но въ одно и то же время выходитъ, что жена его называлась Анной Дукеной, а никакъ не Анной Комниной.

Къ этому привели греческіе источники. Но Крумбахеръ, не ограничиваясь этимъ, обратился къ человѣку, знающему сербскую исторію, профессору Иречеку въ Вѣну, для того, чтобы получить подтвержденіе своего мнѣнія Профессоръ Иречекъ передаетъ ему между прочимъ слѣдующее: «Перворожденнымъ сыномъ Стефана сербскаго, который первый усвоилъ титулъ короля, отъ греческой принцессы Евдокіи былъ Стефанъ Радо-

[1]) Fr. Miklosich et J. Müller, Acta et diplomata graeca vol. 3 (1865) 66.

славъ. Отецъ хотѣлъ женить его на Ѳеодорѣ, дочери умершаго деспота Эпира, Михаила I, и обратился съ вопросомъ по поводу этого къ архіепископу Іоанну Охридскому [1]), считаетъ-ли онъ бракосочетаніе возможнымъ по церковнымъ канонамъ или нѣтъ. Послѣ того, однако, какъ архіепископъ узналъ, что сынъ жупана происходитъ отъ жены его Евдокіи (ἀπὸ τῆς κυρᾶς Εὐδοκίας), онъ воспретилъ этотъ бракъ въ виду родства седьмой степени; когда-же братъ Михаила, Ѳеодоръ, сталъ самымъ сильнымъ человѣкомъ на полуостровѣ, всѣ препятствія были забыты и Радославъ женился на дочери великаго Ѳеодора, который въ Солунѣ получилъ и званіе императора, а именно на Аннѣ Дукенѣ. Послѣ смерти отца Стефанъ Радославъ сталъ королемъ сербскимъ. Какъ сынъ и мужъ византійскихъ императорскихъ дочерей, онъ желалъ считаться грекомъ и подписывался погречески Στέφανος ῥὴξ ὁ Δούκας. Въ такомъ видѣ находится его подпись въ одной грамотѣ, составленной на сербскомъ языкѣ и обращенной къ жителямъ Рагузы (Miklos. Mon. Serb. 19—20. Въ самомъ текстѣ грамоты онъ фигурируетъ какъ Стефанъ Радославъ). Такъ называется онъ въ греческихъ источникахъ (см. выше)... Его царствованіе было непродолжительно (1228—1234).

Кромѣ того Крумбахеръ обращаетъ вниманіе и на одинъ моливдовуллъ съ надписью: Κύριε βοήθη τῇ σῇ δούλῃ Ἄννῃ σεβαστῇ τῇ Δουκαίνᾳ и готовъ приписать и его той-же Аннѣ сербской. Только названіе σεβαστὴ нѣсколько мѣшаетъ ему, но и это препятствіе онъ устраняетъ, опираясь на то, что другой моливдовуллъ съ надписью: σώζοις ἁγνή με τὴν σεβαστὴν Μαρίαν приписывается П. Ламбросомъ дочери деспота Эпира Никифора, и выводитъ изъ этого, что дочери деспотовъ Эпира носили титулъ севасты. Судя по этому, онъ заключаетъ, что моливдовуллъ Анны относится ко времени до ея свадьбы! Названіе-же Δούκαινα, продолжаетъ Крумбахеръ, она могла носить тогда-же въ виду именно того, что и ея отецъ былъ Δούκας и называлъ себя просто Θεόδωρος ὁ Δούκας.

Окончательное заключеніе Крумбахера состоитъ въ слѣдующемъ. О лицахъ, упоминаемыхъ въ надписи кольца, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; это Стефанъ Радославъ, называемый Дука, и Анна Комнина, дочь императора Солунскаго, Ѳеодора Ангела Комнина Дуки. Генеалогія семействъ Комниновъ и Дуковъ намъ извѣстна до самыхъ мелкихъ развѣтленій. Нигдѣ мы не встрѣчаемъ другую пару: Стефанъ Дука и Анна Комнина. Къ этому приходится прибавить еще слѣдующее. Имя Стефанъ въ византійской царствующей семьѣ встрѣчается очень рѣдко. Упоминается только одинъ Стефанъ Дука въ 10-мъ столѣтіи и одинъ, мало извѣстный, μέγας δρουγγάριος Στέφανος Κομνηνός (XII-ое стол.) Между тѣмъ въ Сербіи и Босніи найдется цѣлая дюжина лицъ, носившихъ такое названіе. Если-бы даже мы не имѣли никакихъ свѣдѣній изъ источниковъ, то все-же мы должны были-бы искать упоминаемаго въ надписи кольца Стефана въ Сербіи или-же въ Венгріи.

---

[1]) Dem. Chomatianos, ed. Pitra X col. 51—52.

Съ заключеніемъ Крумбахера я не могу согласиться. Я нарочно привелъ подробно всѣ его аргументы для того, чтобы каждый могъ убѣдиться въ томъ, насколько мои возраженія правильны. Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ только одно, что женихомъ, давшимъ это кольцо, могъ быть Стефанъ сербскій, но никоимъ образомъ не то, что и невѣстой могла быть его жена Анна. Ибо разными приведенными документами доказано только то, что она также называлась Анной Дукеной, а не Анной Комниной, какъ до свадьбы, такъ и послѣ свадьбы, и я не могу понять, какъ Крумбахеръ не обратилъ вниманія на это. Вѣдь дядя ея Мануилъ въ грамотѣ называетъ ее Анной Дукеной, отецъ ея называетъ себя Θεόδωρος ὁ Δούκας, и такъ подписывается, Анной Дукеной называетъ ее Иречекъ до свадьбы, такъ склоненъ называть ее до свадьбы и самъ Крумбахеръ, опираясь на моливдовуллъ, упомянутый выше. Какъ эта общепризнанная Анна Дукена становится въ обручальномъ кольцѣ Анной Комниной, этого затрудненія нисколько Крумбахеръ не старается удалить. Онъ намъ говоритъ только, что, по мнѣнію Дюканжа, потомки семьи Ангеловъ, бывшіе въ Эпирѣ и Солуни, предпочитали называть себя Комнинами. Если, однако, документы доказываютъ, что кто-то изъ нихъ не предпочитаетъ называть себя Комниномъ, а наоборотъ — Дукой, какъ это дѣлаетъ Ѳеодоръ, то какое мы имѣемъ право съ предпочтеніемъ придавать ему и его дочери названіе Комнина? Если бы мать Анны принадлежала къ семьѣ Комниновъ, то мы имѣли-бы право дочери ея, Аннѣ, приписать по предпочтенію названіе семьи матери. Но въ данномъ случаѣ и это невозможно, такъ какъ мать Анны была изъ семьи Петралифы.

Итакъ, благодаря приведеннымъ документамъ, можно пока считать доказаннымъ только одно, а именно, что Стефанъ Радославъ сербскій можетъ подходить къ лицу, упоминаемому въ надписи кольца, но нельзя сказать то же самое и по отношенію къ его женѣ Аннѣ. Въ надписи кольца, по документамъ, и она должна фигурировать не какъ Καμνηνοφυής, а только какъ Δουκοφυής. Однако, если Анна, жена сербскаго короля, не можетъ имѣть ничего общаго съ упоминаемой Анной въ надписи, то eo ipso и самъ король сербскій Стефанъ Радославъ также ничего общаго не имѣетъ съ Стефаномъ Дукой, упоминаемымъ въ надписи.

Въ виду того, что мнѣ пока не удалось дойти до какого-нибудь положительнаго результата, я могъ-бы остановиться здѣсь. Но такъ какъ и другія соображенія убѣждаютъ меня въ невозможности принятаго Крумбахеромъ предположенія, я долженъ еще обратить ваше вниманіе на слѣдующіе находящіеся въ связи съ этимъ вопросы.

Прежде всего надо обратить вниманіе на пріемы, обычные при изслѣдованіи остатковъ подобнаго рода мелкой литературы. Каждый согласится со мною, что надпись кольца можно сравнить съ надписями моливдовулловъ. Она также представляетъ изъ себя одну простую двустишную эпиграмму, какъ и надписи моливдовулловъ, которыя написаны стихами, представляютъ обыкновенно двустишія, иногда трехстишія или даже четырех-

стишія. Такимъ образомъ въ нашемъ распоряженіи богатый матеріалъ для сравненія.

Какіе-же пріемы вообще приняты для объясненія и опредѣленія этихъ краткихъ надписей? Нельзя сказать, чтобы филологія византійская и здѣсь положила какія-нибудь строго научныя основы. Вообще и здѣсь господствуетъ большой произволъ, и приходится сдѣлать еще многое. Обратимъ, напр., наше вниманіе на нѣкоторые примѣры.

А. Возьмемъ вышеприведенную Крумбахеромъ эпиграмму, въ которой опредѣленіе личности установлено.

Σώζοις ἁγνή με τὴν σεβαστὴν Μαρίαν

П. Ламбросъ (съ нимъ соглашается и Шлумберже Sigill. 427) приписываетъ моливдовуллъ съ такой надписью Маріи, дочери деспота Эпира Никифора. Я спрашиваю, на какомъ основаніи? Здѣсь говорится только, что лицо называется Марія и носитъ титулъ севасты. Слѣдовательно, каждое лицо, имѣющее эти два аттрибута, имѣетъ полное право считаться хозяиномъ этой печати. Только въ одной семьѣ Комниновъ имѣется (по нашему списку) шесть лицъ съ именемъ Маріи и вмѣстѣ съ тѣмъ носившихъ титулъ севасты.

1) Марія Комнина, дочь импер. Алексія, жена Григорія Габры.

2) М. К., дочь багрянороднаго Андроника (сына Іоанна), жена І. Кантакузена.

3) М. К., дочь Іоанна Ангела и Ѳеодоры, супруга Каммици.

4) М. К., дочь севастократора Исаакія (сына Іоанна), жена Стефана Венгерскаго.

5) М. К., дочь императора Мануила.

6) М. К, дочь императора Іоанна, жена кесаря І. Рогерія.

Однако, надо имѣть въ виду, что титулъ севасты не представлялъ изъ себя какую-нибудь рѣдкость. Кромѣ царской семьи въ Византіи существовали многія семьи, удостоенныя этого званія. Въ одномъ соборѣ, напр., конца XI-го стол., по Никитѣ Хоніяту (θησαυρὸς Ὀρθοδοξίας, Patrol. Migne t. 127 col. 972), севастами называются Палеологъ, Таронитъ, Маніаки, Неаполитъ, Гумбертъ, въ другихъ-же актахъ соборовъ, имѣвшихъ мѣсто при императорѣ Мануилѣ, тотъ-же Никита (Patrol. t. i 40 col. 177, 236, 252) исчисляетъ между севастами Кондостефана, Каматира, Цикандили, Петралифу, много Дуковъ, Рогерія, Ламбарду, Вріеннія, Арвантина, Камитера, Врану, Комнина (прост.). Если теперь предположить, что нѣкоторыя изъ женъ этихъ севастовъ носили имя Маріи (а это безусловно должно было быть въ городѣ, который по преимуществу былъ Θεοτοκολάτρις), то получаются и другія претенденгки на присвоеніе имъ вышеприведеннэй печати Маріи севасты.

В) Въ такомъ-же затрудненіи мы находимся при опредѣленіи лица другой печати, также приведенной Крумбахеромъ: κύριε βοήθη τῇ σῇ δούλῃ Ἄννῃ σεβαστῇ τῇ Δουκαίνῃ. Крумбахеръ не затрудняется приписать эту печать Аннѣ, королевѣ сербской. Но развѣ только она одна и была Анна Ду-

кена (севаста-ли она, или нѣтъ, вопросъ)? Анной Дукеной могла быть дочь импер. Алексія Ангела, Анна, впослѣдствіи супруга Ѳеодора Ласкариса (σεβαστή безусловно). Но намъ болѣе извѣстна Анна Дукена и вмѣстѣ съ тѣмъ севаста, сестра императрицы Ирины Дукены и супруга севаста Георгія Палеолога.

Г) Возьмемъ и слѣдующую надпись моливдовулла

Ζωήν με νύμφην Κομνηνῆς Θεοδώρας
πορφυρογεννοῦς, ὦ θεοῦ λόγε, σκέποις.

Шлумберже (Sigill. 554), не понимая значенія слова νύμφη, объясняетъ это французскимъ fille d'honneur и, опираясь только на эту печать, принимаетъ существованіе такого женскаго титула въ Византіи, ни откуда намъ неизвѣстнаго. Слово νύμφη имѣетъ и въ данномъ случаѣ обыкновенное значеніе «невѣстка». Слѣдовательно лицо, которому печать принадлежала, Зоя, была невѣсткою багрянородной Ѳеодоры по выраженію надписи, не подлежащему сомнѣнію. И такъ какъ у императора Алексія была дочь Ѳеодора, какъ и у импер. Іоанна, то трудно опредѣлить, которая именно имѣется въ виду здѣсь. Если не будетъ намъ извѣстно изъ другого источника, что сынъ первой или второй женился именно на Зоѣ, то для насъ останется навсегда этотъ вопросъ неразрѣшеннымъ. Во всякомъ случаѣ и изъ этого видно, *что генеалогія семейства Комниновъ далеко намъ не извѣстна до самыхъ мелкихъ развѣтвленій.*

Д) Наконецъ я приведу только еще одинъ примѣръ: Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Ἰωάννῃ σεβαστῷ τῷ Κομνηνῷ. Кто можетъ быть этотъ севастъ Іоаннъ Комнинъ? Я, занимаясь въ продолженіи многихъ лѣтъ именно этимъ періодомъ, долженъ признаться, что я здѣсь нахожусь въ затрудненіи и долженъ повторить то, что уже давно высказалъ по поводу этого вопроса (Объ авторѣ дидактическаго стихотворенія Σπανέας, Одесса 1900 стр. 21 сл.), а именно, что и по поводу фамиліи Комниновъ мы знаемъ очень мало и stemma Comnenicum Дюканжа намъ помогаетъ часто мало потому, что не доводитъ до конца всѣхъ отраслей Комниновыхъ фамилій. Итакъ, кто же здѣсь можетъ быть севастъ Іоаннъ Комнинъ? Намъ извѣстны 8 лицъ, носившихъ имя Іоанна Комнина (но ихъ несомнѣнно было больше), а именно слѣдующія.

1) Іоаннъ Комнинъ κουροπαλάτης καὶ μέγας δομέστικος, отецъ императора Алексѣя.

2) Императоръ Іоаннъ Комнинъ.

3) Іоаннъ Комнинъ, сынъ кесаря Никифора Вріеннія и Анны Комниной.

4) Іоаннъ Комнинъ, сынъ севастократора Андроника, протосевастъ.

5) Іоаннъ Комнинъ, сынъ императора Андроника.

6) Іоаннъ Комнинъ, сынъ севастократора Исаакія, брата Іоанна.

7) Іоаннъ Комнинъ, сынъ Стефана Кондостефана.

8) Іоаннъ Комнинъ, министръ импер. Іоанна Комнина.

За исключеніемъ импер. Іоанна, для котораго титулъ севаста оказывается не подходящимъ, всѣ остальныя лица носили названіе севаста и, слѣдовательно, всѣ они могутъ имѣть претензію на вышеприведенную печать. Такимъ образомъ изслѣдователь, который хорошо знаетъ обстоятель-

ства, находится въ безвыходномъ положеніи такъ какъ единственный способъ рѣшенія въ такихъ случаяхъ—прибѣгнуть къ жребію

При наличности столькихъ затрудненій я хотѣль какъ-нибудь найти точку опоры для объясненія подобныхъ вопросовъ. Я замѣтилъ, что въ несвязанной рѣчи, въ историческихъ, напр., произведеніяхъ, авторы, при наличности многихъ лицъ изъ императорской семьи съ тѣмъ-же названіемъ, не пропускаютъ указывать, кромѣ титула каждаго лица, на степень родства, называя того—племянникомъ, другого—двоюроднымъ братомъ императора, третьяго—сыномъ дяди его, четвертаго—зятемъ и т. п. Наконецъ, я обратилъ вниманіе и на то обстоятельство, что болѣе точному опредѣленію личности помогаютъ много и титулы, какъ севастократоръ, сынъ севастократора, багрянородный, сынъ багрянороднаго, протосевастъ, кесарь сынъ кесаря и т. п. Благодаря этому, въ литературѣ вообще получается нѣчто точное. Но какъ Византійцы поступаютъ въ произведеніяхъ мелкой литературы?

И здѣсь приходится различать двѣ отдѣльныя группы: 1) надписи, написанныя несвязною рѣчью или прозаическія, въ которыхъ обыкновенно фигурируютъ всѣ нужные аттрибуты, могущіе служить къ опредѣленію данной личности, и 2) надписи, написанныя стихами, гдѣ составитель ради размѣра иногда жертвуетъ главною цѣлью, опредѣленіемъ личности. Нельзя отрицать, что и въ первомъ, и во второмъ случаѣ авторъ стѣсненъ мѣстомъ и долженъ выразить вкратцѣ все, что ему нужно, т. е. самое главное. Но во всякомъ случаѣ онъ болѣе стѣсненъ при составленіи метрической надписи. Поэтъ, составитель эпиграммы, долженъ сумѣть въ зависимости отъ мѣста въ двухъ стихахъ передать намъ все, что нужно для опредѣленія такого-то лица. И такъ и въ мелкой литературѣ есть стараніе по возможности опредѣлять личности, и можно указать на множество случаевъ, гдѣ это въ дѣйствительности достигается. Тамъ, гдѣ имѣется на лицо какой-нибудь аттрибутъ высшаго достоинства, какъ напр. багрянородный, севастократоръ, кесарь и т. п., то это выдвигается впередъ. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, ограничиваются простымъ названіемъ севаста. Слѣдовательно, если мы встрѣчаемъ какого-нибудь Іоанна Комнина, даже безъ аттрибута севаста, то мы должны искать эту личность между тѣми потомками семьи Комниновъ, которые очень уже далеко стоятъ отъ лица, стоящаго во главѣ государства, и не имѣютъ никакого отличительнаго званія. Къ этой категоріи принадлежитъ министръ импер. Іоанна, который у Хоніата называется (ed. Bonn. p. 13) просто Іоанномъ Комниномъ. Это тѣмъ болѣе понятно, что въ Византіи при переходѣ отъ одного поколѣнія къ другому положеніе членовъ семьи императорской мало по малу понижалось, сынъ императора напр. (2-ое поколѣніе) былъ прежде всего багрянороднымъ, а затѣмъ василевсомъ или севастократоромъ, сыновья-же севастократоровъ (3-е поколѣніе) были уже простыми севастами, а сыновья послѣднихъ (4-ое поколѣніе) не имѣли даже титула севаста (если не за личное отличіе) и такимъ образомъ они дѣлались простыми Комнинами. Слѣдовательно, если намъ приходится опредѣлить встрѣчаемаго въ

моливдокуллахъ Михаила Комнина протоспаѳарія (Sigill. 643), мы должны искать эту личность въ кругахъ очень уже отдаленныхъ отъ царской семьи.

Послѣ длинной рѣчи extra causam я долженъ перейти къ своей главной задачѣ, къ толкованію надписи нашего кольца. Здѣсь авторъ надписи, собственно говоря, указываетъ въ двухъ стихахъ на пять разныхъ моментовъ: 1) кольцо обручальное, 2) Стефана, 3) Дуки, 4) предназначенное Аннѣ, 5) Комниной.

μνῆστρον Στεφάνου Δουκικῆς ρίζης κλάδου,
Κομνηνοφυὴς ταῖν χεροῖν, Ἄννα, δέχου

и намъ кажется, что надпись вышла совсѣмъ не въ сжатомъ видѣ, а наоборотъ, въ распространенномъ. Вѣдь всякій увидитъ, что слово ταῖν χεροῖν могло-бы совершенно отсутствовать безъ ущерба, затѣмъ перефразъ фамиліи жениха словами Δουκικῆς ρίζης κλάδου вмѣсто одного слова Δούκας также показываетъ, что авторъ надписи старается заполнить мѣсто въ надписи ненужными словами.

Кстати придется здѣсь замѣтить и объ одномъ пріемѣ, на который не обращено еще достаточно вниманія, а именно о томъ, что составители эпиграммъ достигали метрической формы словами написанными сокращенно. Правда, въ сборникѣ моливдовулловъ Шлумберже (Sigillogr. 644.25) приводится надпись

Δομεσ- μεγάλου Μιχαὴλ γραφῶν κῦρος,
Αὐγουσταδέλφης συζύγου Θεοδώρας,

гдѣ имѣется отмѣтка, что ради метрической надобности пропускаются два послѣднія слова δομεστίκου, но это единственное мѣсто, гдѣ упоминается о подобномъ пріемѣ. Между тѣмъ мнѣ пришлось и въ другихъ примѣрахъ обнаружить повтореніе того-же пріема, хотя пока не могу сказать, чтобы такихъ примѣровъ было много. На стр. 642,15 напр. читается

Ἰω- σεβαστὸς καὶ μέγας δομέστικος,

гдѣ опять читается Ἰω- вм. Ἰωάννης для того, чтобы получить правильный стихъ. Подобнымъ образомъ на стр. 585,2

Πάναγε κόρη μητρὸς ἐξ Εὐδοκίας
Εὐδοκίαν σκέποις με τὴν σὴν οἰκέτιν
σεβαστοκρατόρισσαν ἐκ βασι- κλάδου.

Сюда слѣдуетъ еще отнести и печать Михаила Атталіата (Sigill. 624)

Μιχαὴλ ἀνθύπατ- ὁ Ἀτταλειάτης,

а современемъ, можетъ быть, окажется большее число подобныхъ примѣровъ.

Слѣдовательно, и автору надписи нашего кольца возможно было прибѣгнуть къ такому пріему. Онъ имѣлъ-бы мѣсто такъ или иначе прибавить еще новое званіе или чинъ. Но разъ этого онъ не дѣлаетъ, значитъ онъ не имѣлъ такового. Исходя изъ такой точки зрѣнія, приходится принять, что Стефанъ перстня не былъ ни севастомъ, ни протосевастомъ, ни чѣмъ другимъ, а просто Стефаномъ изъ семьи Дуковъ. Какимъ образомъ теперь подъ этимъ простымъ Стефаномъ Дукой можно подразумѣвать Стефана короля сербскаго? Неужели званіе короля сербскаго или-же наслѣдника сербскаго престола стоитъ ниже простого званія Дуки? Намъ ка-

жется, если-бы женихъ имѣлъ такое высокое мѣсто, хотя-бы и въ другомъ, относительно маленькомъ государствѣ, то непремѣнно это обстоятельство выдвинуто-бы было впередъ и не былъ-бы женихъ обозначенъ такимъ сухимъ названіемъ, тѣмъ болѣе, что мѣста въ стихахъ было достаточно для этой цѣли. Вѣдь вездѣ, гдѣ упоминается Стефанъ сербскій въ греческихъ текстахъ, упоминается не просто Στέφανος Δούκας, а всегда Στέφανος ῥῆξ ὁ Δούκας, и никто не сомнѣвается въ томъ, что званіе ῥῆξ стоитъ болѣе высоко нежели Δούκας.

Но, говорятъ, имя Стефанъ въ фамиліяхъ Дуковъ и Комниновъ встрѣчается очень рѣдко. Это такъ, но все-же уже въ X-мъ столѣтіи одинъ изъ предковъ фамиліи Дуковъ, Стефанъ, отличился и имѣлъ претензію даже на престолъ. Неужели въ потомствѣ его не оказалось ни одного Стефана? Затѣмъ въ XII-мъ столѣтіи существовалъ Стефанъ Комнинъ μέγας δρουγγάριος, который женился на дочери великаго доместика, Іоанна Аксуха, Евдокіи, при патріархѣ Николаѣ Музалонѣ (1147—1151 ср. Patrol. Mign. 119 col 765). Затѣмъ былъ еще Стефанъ Кондостефанъ, близко по родству стоявшій къ семьѣ Комниновъ. Наконецъ Стефаномъ назывался и сынъ Антіоха, который по матери былъ родственникомъ семьи Комниновъ [1]). Такъ что и въ этомъ случаѣ аргументъ Крумбахера неособенно проченъ. Однако, и въ томъ случаѣ, когда-бы не оказалось ни одного Стефана въ семьѣ Дуковъ или Комниновъ, и тогда мы не имѣли-бы права сказать, что такого нѣтъ, потому что наши знанія очень ограниченны. Въ литературѣ, напр., намъ неизвѣстенъ Георгій Комнинъ, имя Георгій не встрѣчается въ семьѣ Комниновъ, тѣмъ не менѣе въ виду того, что моливдовуллы даютъ намъ такое названіе, мы должны принять его въ наши списки, хотя ничего больше и не знаемъ. Тоже самое надо сказать и о Михаилѣ Комнинѣ и объ X-Комнинѣ, который завтра окажется въ какомъ либо памятникѣ.

Итакъ въ виду того, что кольцо не имѣетъ никакого отличительнаго названія, которое давало-бы намъ право приписать его сербскому королю, можно съ увѣренностью утверждать, что кольцо ничего общаго съ Стефаномъ Радославомъ не имѣетъ.

С. Пападимитріу.

[1]) Cod. Marc. XI 22 (ἐπιτάφιος ἐπὶ τῷ Ἀντιόχῳ τελευτήσαντι fol. 74v —76v) fol 76r ст. 308, 315 и 316.

380 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

26-го Марта 1907 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта *Э. Р. фонъ-Штерна,* при секретарѣ *А. А. Павловскомъ,* дѣйствительные члены: *Г. И. Перетятковичъ, К. О. Лысаковскій, С. Д. Пападимитріу, А. Е. Егоровъ, П. А. Мавроюрдато, Х. П. Ящуржинскій, А. В. Лонгиновъ, М. Ф. Никановъ, А. В. Рыстенко;* члены сотрудники: *Е. Г. Кагаровъ;* гости: *К. С. Старицкій.*

Слушали:

1. Отчетъ о движеніи суммъ общества за 1906 г. и смѣту приходовъ и расходовъ общества на 1907 г.

Постановили: смѣту утвердить, а для провѣрки отчета избрать въ ревизіонную коммиссію д. чл. А. Е. Егорова, Х. П. Ящуржинскаго и С. Д. Пападимитріу.

2. Отчетъ о состояніи Ѳеодосійскаго музея Общества за 1906 годъ.

Постановили: напечатать въ общемъ отчетѣ.

3. Предложеніе предсѣдательствующаго выразить благодарность гласнымъ, высказавшимся въ интересахъ Общества по вопросу о назначеніи прежняго помѣщенія Городской Публичной Библіотеки.

Постановили: благодарить.

4. Докладъ д. чл. Э. Р. фонъ-Штерна—о серебряномъ медальонѣ изъ Ольвіи въ коллекціи г. Конельскаго въ Одессѣ.

Постановили: благодарить докладчика.

5. Предложеніе завѣдывающаго Мелекъ-Чесменскимъ музеемъ (Курганомъ) Ю. Ю. Марти о пристройкѣ второго навѣса для памятниковъ древности, что будетъ стоить 120 руб. и о принятіи половины этой суммы на счетъ Общества и заключеніе совѣта о назначеніи на это 50 рублей.

Постановили: согласиться съ заключеніемъ Совѣта.

6. Отчетъ о дѣятельности и состояніи Мелекъ-Чесмекскаго Музея за 1906 годъ.

Постановили: напечатать въ общемъ отчетѣ.

7. Письмо г. Гампеля съ предложеніемъ обмѣна изданіями Общества съ изданіями Будапешскаго Музея.

Постановили: начать обмѣнъ съ XVI тома.

8. Заявленіе завѣдывающаго музеемъ о вновь поступившихъ древностяхъ.

Постановили: передать въ музей.

9. Заявленіе библіотекаря о вновь поступившихъ книгахъ.

Постановили: передать въ библіотеку и внести въ каталогъ.

Къ засѣданію поступили:

I. Предметы древности.

Пожертвованія: отъ д. чл. *И. П. Щелкова*: 15 Боспорскихъ монетъ, найденныхъ въ Судакѣ, а именно:

4 монеты Рискупориса V (541—244, 545—248, 546—249 и 551—254).

Рискупориса VI, 7 монетъ (559—262), 2 монеты (560—263, 561—264), 2 монеты (563—266, 564—267).

1 монета Савромата (571—275).

2 монеты Ѳоѳорса (581—284, 586—289) и

одна римская императора Валерія Лициніа.

Отъ чл.-сот. *Ю. Ю. Марти*:

1 Терракоттовая маска Медузы (съ змѣями).

2. Терр. фигурки (женщина и мальчикъ)

1 Простой, остроконечный сосудикъ съ головой барана

1 Свѣтильникъ съ поддѣльнымъ верхомъ.

Отъ *П. В. Зубова*:

Ⱥ. Статиръ Савромата — 495.

Ⱥ. 2 Тетрадрахмы Лисанбріи.

Æ. Боспор. Гипопиры (Гипопирія).

II. Книги.

1. *Ретовскій О.* Генуэзско-татарскія монеты, СПБ., 1906 г.

2. *Макаренко, Николай.* Серебряная чашка музея Оренбургской Уч. Арх. Ком. Труды Оренб. Уч. Арх. Ком. вып. XVII Оренбургъ, 1907 г.

3. Описаніе жизни іерея Іоанна Антоновича Соловьева, составленное имъ самимъ. Тверь, 1905 г.

4. Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Император. Казанскомъ Университетѣ, т. XXII, вып. 5. Казань, 1906.

5. Исторія о первомъ патріархѣ Іовѣ Московскомъ. Изд. Тверского Епархіальнаго Историко-Археологическаго Комитета. Тверь, 1905.

6. Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета. Юрьевъ, 1907 г., № 1.

7. Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Рус. Археол. Общ., т. VIII, в. I. СПБ., 1906 г.

8. Сообщенія Императ. Православнаго Палестинскаго Об. т. XVIII в. I СПБ., 1907 г.

9. Записки нумизматическаго отдѣленія Императорскаго Рус. Археологическаго Общ., т. I, в. I. СПБ., 1906.

10. Записки Наукового Товариства імени Шевченка т. LXXV. 1907, кн. I.

11. Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XLII, вып. II—III. СПБ., 1906 г.

12. Извѣстія Отдѣленія Рус. Языка и Словесности Императорск. Академіи Наукъ. 1906 г., т. XI-го, кн. 3-я. СПБ., 1906.

13. Историко-Юридическія Матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ Центральномъ Архивѣ въ Вильнѣ. Вып. 32. Витебскъ, 1906 г.

14. Варшавскія Университетскія Извѣстія 1906, V—VI. Варшава, 1906 г.

15. Каталогъ собранія Древностей Графа Алексѣя Сергѣевича Уварова. Отд. IV—VI. Москва, 1907 г.

16. Труды Московскаго Предварительнаго Комитета по устройству 14-го Археологическаго съѣзда, вып. 1-й. Москва 1906 г.

17. Альбомъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ отчетахъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1882—1898 годы. СПБ., 1906 г.

18. Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1903 годъ. СПБ., 1906 г

19. Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. т. X. Софія, 1905.

20. Абоба-Плиска (Атласъ). Изданіе Рус. Археолог. Института въ Константинополѣ. 1906 г.

21. Записки Крымско-Кавказскаго Горнаго Клуба, № 9, 10, 11 и 12. Одесса, 1906 г.

22. Труды Полтавской Уч. Арх. Ком. вып. 3. Полтава 1907 г.

23. Труды Оренбургской Уч. Арх. Ком. вып. XVI. Оренбургъ, 1906 г.

24. Отчетъ Виленской Публичной Библіотеки и Музея за 1905 и 1906 годъ. Вильна, 1907 г.

25. Atti della R. Accademia dei Lincei, anno CCCIII. 1906 (Serie quinta, volume III, fascicoli 7, 8, 9, 10. Roma, 1906.

26. Památky Archaeologické o Mistopisné. Dilu XXII, sesit IV. 1906. V Praze, 1906.

27. Analele Academiei Romane. Seria II,tomul XXVIII. 1905-1906.

Приходъ. Смѣта о приходѣ и раеходѣ суммъ Императорекаго Од

I	На текущемъ счету въ Обществѣ Взаимнаго Кредита въ г. Одессѣ	606	99
II	На рукахъ у казначея	355	51
III	Высочайше дарованнаго пособія	2500	—
IV	Процентовъ съ капитала Общества	193	80
V	Процентовъ по текущему счету Общества въ Одес. Общ. Взаимнаго Кредита	15	—
VI	Членскихъ взносовъ.	30	—
VII	Отъ продажи изданій Общества	125	—
VIII	Отъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли за аренду берега Судакской крѣпости . .	450	—
IX	За аренду въ Аккерманской крѣпости	100	—
X	За выпасы при Судакской крѣпости отъ сельскаго Общества	50	—
	Итого	4426	30

Казначей Общества

I	Жалованіе служащимъ	1392	—
II	Наградные служащимъ	90	—
III	Отопленіе музея	50	—
IV	Освѣщеніе музея	160	—
V	Печатаніе записокъ и изданій Общества . . .	300	—
VI	Ремонтъ Судакской крѣпости и наградн. сторожу.	130	—
VII	Витрины и другія столярныя работы	200	—
VIII	Покупка древностей.	600	—
IX	Изготовленіе клише, таблицъ и фотографій . .	40	—
X	За клейку древностей.	30	—
XI	Почтовые и телеграфные расходы.	80	—
XII	Портретъ покойнаго поч. чл. А. А. Скальковскаго.	300	—
XIII	Канцелярскіе и мелкіе расходы	40	—
XIV	Хозяйственные расходы	40	—
XV	Переплетъ книгъ	100	—
XVI	Экстренные расходы и командировки	125	—
XVII	Расходы по ремонту помѣщенія общества . . .	100	—
XVIII	Непредвиденные расходы	649	30
	Итого	4426	30

Петръ Мавроогдато.

381 ЗАСѢДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

12 Мая 1907 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, дѣйствительные члены: *Г. И Перетятковичъ*, *К. О. Лысаковскій*, *М. Ф. Никановъ*, *М. Г. Попруженко*, *Х. П. Ящуржинскій*, членъ-сотрудникъ: *М. С. Мончевскій*.

Слушали:

1. Докладъ д. чл. М. Г. Попруженко—по вопросу о Новороссійской казенной школѣ.

Постановили: благодарить докладчика.

2. Докладъ д. чл. Э. Р. фонъ-Штерна—о послѣднихъ раскопкахъ въ Херсонесѣ и Крыму.

Постановили: благодарить докладчика.

3. Заявленіе хранителя музея о помѣщеніи музея.

Постановили: уполномочить Совѣтъ войти въ Городскую Думу съ ходатайствомъ объ осуществленіи постановленія Думы по вопросу о передачѣ зданія Обществу и о ремонтѣ, хотя бы въ существенныхъ его частяхъ.

4. Заявленіе хранителя музея о вновь поступившихъ предметахъ древности.

Постановили: предметы передать въ музей, жертвователей благодарить.

5. Заявленіе библіотекаря о вновь поступившихъ книгахъ.

Постановили: занесть въ инвентарь и карточный каталогъ.

6. Заявленіе предсѣдательствовавшаго о смерти д. чл. Г. Г. Маразли.

Постановили: почтить вставаніемъ.

7. Сообщеніе Императорскаго Палестинскаго Общества о празднованіи 25—лѣтняго юбилея 21 мая сего года.

Постановили: послать привѣтственную телеграмму.

Къ засѣданію поступили:

I. Предметы древности.

Пожертвованія: отъ почетнаго чл. *А. Л. Бертье-Делагарда*: чернолаковая лекана, 2 серебр. браслета и греческая амфора южно-италійской фабрикаціи.

Отъ братьевъ *А. А.* и *Б. А. Анатра*: сторублевый кредитный билетъ поддѣльный, прорѣзанный трехрублевый кредитный билетъ японской поддѣлки и старинный 50-франковый кредитный билетъ.

От *Ш. Гохмана*: рядъ гипсовыхъ украшеній отъ саркофага.

От №№:

5 Тираскихъ монетъ.
15 Турецкихъ.
13 Русскихъ.
4 Китайскихъ.
2 Австрійскихъ.
1 Американская.
2 Игральныя марки.
3 коп. серебромъ 1840 е. м. Н.
1 Penni 1893 г. А. III.
Гривенникъ 1745 г. Елисавета.
¼ коп. 1892 г. спв. А. III.
½ коп. 1896 г. спв. Н. II. (Два экземп.)
1 коп. 1855 г. Н. I.
1 коп. е. м. 1856 г. А. II.
2 коп. н. м. 1811 г. А. I.
1 коп. а. а. к. м. 1819 г. А. I.
2 коп. 1757 г. Елис. П.
2 коп. 1818 г. К. М.

Покупкою: 1 серебр. флакончикъ, разноцвѣтный стекляный флакончикъ, мѣдная рукоятка отъ меча, 2 миски краснолаковыя (одна съ graffito). 1 коринфская чаша, 1 черный кувшинъ о двухъ ручкахъ, украшенный въ стилѣ мегарскихъ кубковъ.

II. Книги.

1. Сибирскія лѣтописи. Изд. Имп. Арх. Ком. СПБ. 1907 г. 4.

2. *Титовъ, А. А.* Рукописи славянскія и русскія, вып. VI. Москва 1907 г. 4.

3. Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. VI серія, № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8. СПБ. 1907. 8.

4. Извѣстія Императорскаго Томскаго Университета, кн. XXVII и XXVIII. Томскъ 4 1905 и 1907 г.г.

5. Записки Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго СПБ. университета, часть LXXXI, LXXXII, LXXXIII и приложеніе къ LXXXI части. СПБ. 1907 и 1906 г.г. 8.

6. Акты, издаваемые Виленскою коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, томъ XXXII. Вильна, 1907 г. 4^0.

7. Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи № 40. Симферополь, 1907 г. 8^0.

8. Отечественная война 1812 года, томъ VII, СПБ. 1907 4^0.

9. Извѣстія Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XVIII. 1905—1906. Тифлисъ, 1906 г. 8^0.

10 Записки Крымско-Кавказскаго Горнаго Клуба. № 1, 2 и 3. Одесса, 1907 г. 8^0.

11. Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета. Юрьевъ, 1907 г. № 2.

12. Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императ. Казанскомъ Университетѣ, т. XXIII, вып. 1. Казань, 1907 г. 8⁰.

13. Труды Туапсинскаго научно-промышленнаго музея, кн. 1, 1904—1906 г. Туапсе, 1907 г. 8⁰.

14. Отчетъ Церковно-Историческаго и Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи за 1906 годъ. Кіевъ 1907 г.

15. *Булаевскій П.* Красный Крестъ въ развитіи международнаго права, часть I. Томскъ 1907 г. 4⁰.

16. Краткій Историческій Очеркъ Виленской Коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ. 1864—1906 г. Вильна, 1906 г. 8⁰.

17. Bulletin of the New-Jork Public Library, volume XI, № 2, 3 и 4. New-Jork, 1907. 8⁰.

18. *Hammann, H.* Briques Suisses ornèes de basreliefs du XIII-e siècle Genève et Bale 1868, 4⁰.

19. Memoires de l' Institut National Genevois, tome treizième 1869—1877 tome neuvième 1862—1863. Genève 1863 et 1877. 4⁰.

382 ЗАСѢДАНІЕ.

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

25 Сентября 1907 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, дѣйствительные члены: *М. Г. Попруженко, С. Д. Пападимитріу, Р. Х. Лёперъ, В. Н. Мочульскій, А. В. Іонгиновъ, М. Ѳ. Никановъ, А. Е. Егоровъ, К. О. Лысаковскій, Г. И. Перетятковичъ, Е. А. Шуманскій, Х. П. Ящуржинскій*; члены сотрудники: *М. С. Мончевскій и Е. Г. Кагаровъ.*

Слушали:

1. Предложеніе Совѣта, по поводу постановленія Одесской Городской Думы отъ 18 іюня о передачѣ Обществу для музея изъ помѣщенія Городской Публичной Библіотеки только читальной залы во временное пользованіе, войти въ Городскую Думу съ предложеніемъ соглашенія на условіяхъ: а) уступки Обществу, кромѣ читальной залы, еще дамской читальной комнаты, отдѣленія Борзенкова и комнаты между вестибюлемъ и послѣднимъ отдѣленіемъ, б) ремонта уступаемыхъ комнатъ соотвѣтственно потребностямъ музея 6) изолированія помѣщенія музея отъ управскихъ помѣщеній для устраненія опасности отъ пожара и г) сохраненія своихъ правъ на пользованіе всѣмъ зданіемъ на все время существованія Общества, согласно Высочайшему повелѣнію 1842 года.

Постановили: согласиться съ предложеніемъ Совѣта, увеличивъ минимумъ требованій помѣщеніями подъ отдѣленіемъ Борзенкова, подъ вестибюлемъ и читальнымъ заломъ, что требуется въ видахъ противопожарныхъ мѣръ и необходимаго помѣщенія для склада вещей, а также въ видахъ полной изоляціи помѣщенія музея.

2. Заявленіе секретаря объ изготовленіи художникомъ К. К. Костанди портрета А. А. Скальковскаго.

Постановили: принять и повѣсить въ залѣ музея.

3. Сообщеніе дѣйствительнаго члена М. Г. Попруженко—«Музеи Сербіи и Болгаріи».

Постановили: благодарить докладчика

4. Заявленіе секретаря о вновь поступившихъ книгахъ.

Постановили: передать въ библіотеку и внести въ каталогъ.

5. Заявленіе хранителя музея о вновь поступившихъ предметахъ древности.

Постановили: внести въ инвентарь музея.

6. Заявленіе предсѣдателя объ открытіи 23-го сентября въ Москвѣ Археологическаго Института.

Постановили: привѣтствовать и выслать свои изданія.

7. Благодарность Правленія Крымскаго Горнаго Клуба за содѣйствіе устройству ученическихъ экскурсій.

Постановили: внести въ протоколъ.

Къ засѣданію поступили:

I. Предметы древностей.

Пожертвованія: Отъ *Императорской Археологической Коммиссіи* золотая монета Императора Юстиніана, найденная въ Артекѣ.

Покупкою: Ольвійскій ассъ—изображеніе головы Деметры; на оборотѣ орелъ надъ дельфиномъ; надписи нѣтъ, найденъ въ лагерѣ около Очакова при очисткѣ сугроба.

1 маленькая Ольвійская монета серебр. и 1 маленькая золотая.

Пріобрѣтено для музея въ Керчи хранителемъ музея на Мелекъ-Чесменскомъ Курганѣ: 1 чернофигурная аттическая чаша съ рисункомъ животныхъ (VI вѣка) и 1 чернолаковый киликсъ съ изображеніемъ внутри головы Медузы (начала V вѣка); обѣ чашки найдены въ Тамани.

II. Книги.

1. *Шмитъ, Ѳ. И.* Кахріэ-Джами. I. Исторія монастыря Хоры. Архитектура мечети. Мозаика нарѳиковъ, съ альбомомъ въ 92 таблицы. Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, томъ XI. София, 1806 г. 4⁰.

2. Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, VI серія, 1907 г. № 9, 10, 11. С.-Петербургъ. 8.

3. Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, томъ XXIV. 1906 г. Историко-Филологическое отдѣленіе. С.-Петербургъ. 8⁰.

4. Извѣстія Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ, тома XI-го 1906 г. книжка 4-я и т. XII-го 1907 г. кн. 1-я СПБ. 8⁰.

5. Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, томъ XXIII, вып. 2 и 3. Казань, 1907 г. 8⁰.

6. Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XIX, № 1 и 2-й. Тифлисъ, 1907 г. 8⁰.

7. Чтенія въ Церковно-историческомъ и Археологическомъ Обществѣ при Кіевской Духовной Академіи, в. VIII. Кіевъ, 1907 г. 8⁰.

8. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1907 г., кн. 1 и 2, № 220 и 221. Москва, 4⁰.

9. *Ернштедтъ. В. К.* Выдержки Паисія Лигарида изъ бесѣдъ патріарха Фотія. Записки Император. Ак. Наукъ, т. XII, № 8. СПБ. 1906 г. 4⁰.

10. *Куникъ, А. А.* О трехъ спискахъ Фотіевыхъ бесѣдъ 865 года. Записки Императ. Академіи Наукъ, т. VII, № 8. СПБ. 1906 г.

11. Записки Императорской Академіи Наукъ, т. VIII, № 1, 2, 3 и 4. С.-Петербургъ, 1906 г. 4⁰.

12. *Розенталь, Э.* Сопостановленіе наблюденій надъ моремъ съ атмосферными условіями надъ сушею. Записки Им. Ак. Наукъ. СПБ. 1906 г. 4⁰.

13. Записки Классическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. IV. С.-Петербургъ, 1907 г. 4⁰.

14. Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, книжка XXVI, вып. 1, 2 и 3. Тифлисъ, 1907 г 8⁰.

15. Записки Читинскаго Отдѣленія Пріамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, выпускъ II 1897. Чита 1897; вып. III. Чита 1898 и вып. IV. Чита 1901 г. 8⁰.

16. Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LXXVI, кн. II; т. LXXVII, кн. III и т. LXXVIII, кн. IV.

17. Ученыя Записки Императорскаго Московскаго Университета. Отдѣлъ Историко-Филологическій. Выпуски 35, 36 и 37. Москва 1905, 1906 и 1907 г. 8⁰.

18. Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета 1907 г. № 3. Юрьевъ, 8⁰.

19. *Дмитріевскій, А. А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его дѣятельность (1882—1907 г.г.). С.-Петербургъ, 1907 г. 8⁰

20. Русскія учрежденія въ Святой Землѣ и почившіе дѣятели Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. С.-Петербургъ, 1908. 4⁰

21. Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 57-й. СПБ. 1907 г. 8⁰.

22. Систематическій Каталогъ библіотеки Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, т. 1, отдѣлы А—М. С.-Петербургъ, 1907 г. 8⁰.

23. Отчетъ Кишиневской Городской Общественной Библіотеки за 1905 г. (28 г. существованія). Кишиневъ 1907 г. 8⁰.

24. *Кондаковъ, Н. П.* Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ за 1906 годъ. С.-Петербургъ, 1906 г.

25. Обозрѣніе лекцій въ Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ 1906 г., II семестръ, и 1907 г., I семестръ. Юрьевъ 1906 и 1907 8⁰.

26. Отчетъ о дѣятельности Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленію за 1906 г. С.-Петербургъ, 1906 г. 8⁰.

27. Труды Троицко-савско-Кяхтинскаго Отдѣленія Пріамурскаго Отдѣла Император. Рус. Географ Об-ва, т. VIII, в. I, II и III. 1905 г. С.-Петербургъ, 1906 г. 8⁰.

28. Труды Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи, кн. VIII. Губ. гор. Владиміръ, 1906 г. 8⁰.

29. *Трегубовъ, М. И.* Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Владимирской губ. Прилож. IV къ кн. VIII «Тр. Влад. Учен. Арх. Ком.». Владиміръ губ. 1905 г. 8⁰.

30. Древности. Труды Коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, т. I. Москва, 1906 г. 4⁰.

31. Матеріалы по Археологіи Кавказа. В. XI. Москва 1907 г. 4⁰.

32. Древности. Труды Славянской Коммиссіи Императ. Мос. Археол. Об-ва, т. IV, в. I. Москва, 1907 г. 4⁰.

33. Памятники Славяно-Русской Письменности. I. Великія Минеи Четіи. Декабрь, дни 18—23. Изд. Им. Археол. Ком. Москва. 1907 г. 4⁰.

34. Лѣтопись занятій Императорской Археографической Коммиссіи за 1904 годъ, в. 17. С.-Петербургъ, 1907 г. 8⁰.

35. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. В. 37. Тифлисъ, 1907 г. 8⁰.

36. Варшавскія Университетскія Извѣстія 1907 г. I—II. Варшава 1907 г. 8.

37. Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, томъ XVIII, в. 2. С.-Петербургъ, 1907 г. 8⁰.

38. Византійскій Временникъ. Изд. при Императ. Ак. Наукъ, т. XII вып. I—IV и т. XIII, в. I и II. СПБ, 1906 г. 8⁰.

39. Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1906 годъ. Москва 1907 г. 8⁰.

40. Отчетъ Одесской Городской Публичной Библіотеки за 1906 г. 76-й годъ существованія. Одесса, 1907 г. 8⁰.

41. Обозрѣніе преподаванія наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ на 1907—1908 учебный годъ. С.-Петербургъ, 1907 г.

42. Личный Составъ Императорскаго Юрьевскаго Университета 1906, г. Юрьевъ, 1906 г.

43. *Стуковъ, Г. А.* Очеркъ флоры восточнаго Забайкалья. В. VIII 1907 годъ. Читинское отд. Пріамурск. отд. Импер. Рус. Геогр. Об. Чита, 1907 г.

44. Наказъ Императрицы Екатерины II, данный коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. С.-Петербургъ, 1907 г. 8⁰.

45. Етнографічний Збірникъ Наукового Товариства імени Шевченка, т. XIX. У львові, 1907, 8⁰.

46. *Стуковъ, Г. А.* Народныя лекарственныя травы Забайкалья. В. VI 1905 г. Читинское отд. Пріамур. от. Императ. Русскаго Географическаго Об. Чита, 1905 г. 8⁰.

47. *Багашевъ, Ин.* Минеральные источники Забайкалья. Москва 1905. 8⁰.

48. *Томкевичъ, священ. Валентинъ.* Судакъ Таврическій. (Краткій очеркъ). Симферополь, 1907 г. 8⁰.

49. *Орловъ, К.* Іовъ. Первый патріархъ Московскій и Всероссійскій. Тверь, 1907 г. 8⁰.

50. *Соловьевъ, іерей Іоаннъ Антон.* Описаніе жизни, составленное имъ самимъ. Тверь, 1905 г.

51. *Ronald By. Burrows M.* The discoveries in Crete. London, 1907. 8⁰.

52. Bulletin of the New-Jork Public Library. Volume XI, № 5, 6, 7, 8—9. 1907. New-Jork, 8⁰.

53. Bullettino d'archeologia e storia Dalmata. An. XXIX. Spalato, 1906. 8°.

54. Supplemento al «Bullettino d'archeologia e storia Dalm». n. 1—4. Spalato, 1907. 8°.

55. Museumskunde. Band III, Heft 1, 2 und 3. Berlin, 1907. 8°.

56. Atti della R. Accademia dei Lincei .Anno CCCIII. v. III, fasc. 11—12. Roma, 1906; v. IV, fasc. 1—2 Roma, 1907. 4°.

57. Vjesnik Hrvatskoga Arheoloskoga Drustva, sveska IX. 1906—1907. Zagreb, 1907. 8°.

58. Vjesnik Kr. Hrvatsko-Slavansko-Dalmatinsoga Zemaljskoga Arkiva godina IX, s. 1 i 2. Zagreb. 1907. 8°.

59. Mémoires de l'Institut National Genevois. T. VIII (1861 1862), T. X. (1864 - 1865), T. XII. (1867—1868). Genève. 1869. 4°.

60. Mitteilungen der Literarischen Gesellschaft «Masovia». 12 Heft. Lötcen 1907. 8°.

61. Rad Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti, kn. 166—168. U Zagreba, 1906—1907. 8°.

62. Ljetopis Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti. Za godinu 1906. 21 suczak. U Zagreba 1907. 8°.

63. Kungl Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Manadsblad. 1903—1905. Stockolm, 1907. 8°.

64. Archaeologiai Értesito.

VII	kötet.	1. 2, 3, 4	und	5.	Szàm.	Budapest.	1887.	8°.
VII	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1888	»
IX	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1889.	»
X	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1890.	»
XI	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1891.	»
XII	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1892.	»
XIII	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1893.	»
XIV	»	1, 2, 3. 4	»	5	»	»	1894.	»
XV	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1895.	»
XVI	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1896.	»
XVII	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1897.	»
XVIII	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1898.	»
XIX	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1899.	»
XX	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1900.	»
XXI	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1901.	»
XXII	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1902.	»
XXIII	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1903.	»
XXIV	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1904.	»
XXV	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1905.	»
XXVI	»	1, 2, 3, 4	»	5	»	»	1906.	»
XXVII	»	1, 2, 3, 4			»	»	1907.	»

383 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

22-го октября 1907 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта *Э. Р. фонъ-Штерно*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, дѣйствительные члены: *М. Г. Попруженко*, *С. Д. Попадимитріу*, *Х. П. Ящуржинскій*, *А. В. Лонгиновъ*, *М. Ѳ. Никановъ*, *П. А. Мавродордато*, *А. Е. Егоровъ*, *К. О. Лысаковскій*, *Г. И. Перетятковичъ*; члены-сотрудники: *Е. Г. Кагаровъ* и *М. С. Мончевскій*.

Слушали:

1. Докладъ чл.-сотр. Ю. Ю. Марти—„Новый эпиграфическій матеріалъ г. Керчи".

Постановили: напечатать въ протоколѣ.

2. Докладъ дѣйствительнаго члена Э. Р. фонъ-Штерна—„Къ вопросу о мѣстоположеніи древняго Херсонеса".

Постановили: благодарить докладчика и докладъ напечатать въ протоколѣ.

3. Заявленіе хранителя музея о предметахъ древности, поступившихъ въ музей, какъ пожертвованія.

Постановили: благодарить жертвователей.

4. Заявленіе секретаря о вновь поступившихъ книгахъ.

Постановили: записать въ каталогъ.

5. Предложеніе Г.г. членовъ Х. П. Ящуржинскаго, Э. Р. фонъ-Штерна и А. А. Павловскаго объ избраніи въ члены—сотрудники приватъ-доцента Университета С. Г. Вилинскаго.

Постановили: произвести баллотировку въ слѣдующемъ засѣданіи.

Списокъ предметовъ, поступившихъ въ музей.

А. Пожертвовано:

Д. чл. *И. А. Линниченко*: фальшивая пяти—руб. монета, 2 фальшивыхъ 20-копѣечныхъ монеты, настоящій кредитный рубль 1861 г., копѣйка 1799 г. и $^1/_2$ коп. Николая I.

Д. чл. *Э. фонъ-Штерномъ*: фальшивая 50 коп. серебр. монета.

Д. чл. *П. А. Мавродордато*: 1 стекляный флаконъ, 1 чернолаковый сосудъ съ рельефными листиками, 1 эллинистическій кубокъ съ рельефной гирляндой.

І. Л. Капельскимъ: лекана съ поддѣльнымъ рельефнымъ украшеніемъ.

Ю. Ю. Марти: надгробный памятникъ съ рельефной фигурою въ краскахъ—изъ Керчи.

и отъ госпожи Н. Н.—формы для отливанія украшеній, найденная въ Оргѣевскомъ уѣздѣ.

Б. Пріобрѣтено:

Крышка отъ пиксиды VI вѣка, стекло съ ручкой и носкомъ, терракоттовый сосудъ въ видѣ миндаля, терр. сосудъ въ формѣ башмака—изъ Тамани, Часть деревяннаго кубка, грузило съ буквами и мѣдный колокольчикъ—отъ Л. Гаухмана—изъ Ольвіи.

Списокъ поступившихъ книгъ:

1. *А. Л. Бертье-Делагардъ*: Поправки общаго каталога монетъ П. О. Бурачкова. Москва, 1907 г.

2. Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, т. LXXIV, кн. 1 (приложеніе), 4, 5, 6, 7, (приложеніе къ 6 и 7 книгѣ), 8, 9 и 10. Казань, 1907 г. 8°.

3. Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета № 4. Юрьевъ, 1907 г. 8°.

4. Труды Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи, в. 4. Полтава, 1907 г. 8°.

5. Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, VI серіи, № 13 и 14. С.-Петербургъ, 1907 г.

6. Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. VII, выпускъ 2-й. С.-Петербургѣ, 1907 г. 8°.

7. Записки Уральскаго Общества Любителей Естествознанія, т. XXVI. Екатеринбургъ, 1907 г.

8. Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Общества, т. XIX, № 2-й. 8°.

9. Труды Псковскаго Археологическаго Общества за 1906 г. Псковъ, 1907 г. 8°.

10. Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. XVII, в. IV. С.-П.-Б., 1907. 8°.

11. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1906. Jurjew-Dorpat, 1907. 8°.

12. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. XXII Band, I Heft. Dorpat, 1907 г. 8°.

13. Zpráva o Museu Kràlovstvi Ceského zo rok 1907. V Praze, 1907. 8°.

14. Bulletin of the New-Iork Public Library. October, 1907, v. XI, № 10 New-Iork, 1907.

15. Atti della R. Accademia dei Lincei. Anno CCCIV, v. IV. Roma, 1907. 4°.

16. Památkj Archaeologické a Mistopisne. Dilu XXII, sesu V, VI. 1906, 1907. V Praze, 1906—907. 4°.

О мѣстоположеніи древняго Херсонеса.

Amicus Plato, sed magis amica veritas.
Cervantes: „*Don Quixote*“, *II*, *c. 48.*

(По поводу изслѣдованія А. Л. Бертье-Делагарда: О Херсонесѣ, 1907).

Одиннадцать лѣтъ тому назадъ, въ апрѣлѣ 1896 года, я имѣлъ честь въ этомъ почтенномъ собраніи представить результаты моихъ наблюденій и изслѣдованій относительно мѣстоположенія древняго Херсонеса; сжатый рефератъ о моемъ сообщеніи напечатанъ былъ въ протоколѣ 296 засѣданія нашего Общества; затѣмъ, три года спустя, лѣтомъ 1899 г., уже послѣ открытія остатковъ античной стѣны IV вѣка до Р. Х. вокругъ города у Карантинной бухты, которое, какъ мнѣ казалось, вполнѣ подтвердило вѣрность сдѣланныхъ мною раньше заключеній, я изложилъ свои доводы и соображенія въ болѣе пространной формѣ въ статьѣ, помѣщенной въ только-что тогда возникшемъ и скоро прекратившемъ свое существованіе журналѣ —Zeitschrift für alte Geschichte.

Главный выводъ моего тогдашняго сообщенія и моей впослѣдствіе написанной статьи былъ одинъ и тотъ-же: основываясь на сдѣланныхъ при раскопкахъ у Карантинной бухты находкахъ, я утверждалъ, что здѣсь расположенъ былъ съ самого начала своего существованія основанный Гераклеотами древній городъ Херсонесъ и что показаніе Страбона, будто этотъ городъ первоначально лежалъ на другомъ мѣстѣ (должно быть у Казачьей бухты), является недоразумѣніемъ, возникновеніе котораго я и старался объяснить.

Я тогда о мѣстоположеніи древняго Херсонеса высказалъ все то, что имѣлъ сказать, и полагалъ, что мнѣ болѣе не придется возвращаться къ этому вопросу. Я конечно зналъ, что мои доводы убѣдили не всѣхъ: въ то время какъ извѣстный археологъ Драгендорфъ, директоръ Римско-Германской коммиссіи Импер. Германскаго Археол. Института, въ своемъ отчетѣ объ археологической командировкѣ на югъ Россіи (Jahrbuch. des arheol. Institutes 1897) всецѣло присоединился къ моему главному выводу, г. Селивановъ въ своей брошюрѣ о Херсонесѣ оставилъ вопросъ о мѣстоположеніи древняго города открытымъ, а добрый мой другъ, многоуважаемый вице-президентъ нашего Общества, А. Л. Бертье-Делагардъ въ устныхъ бесѣдахъ неоднократно мнѣ заявлялъ, что онъ остается при мнѣніи, ранѣе имъ высказанномъ (Записки Од. Общества, XIV, 253—274 и Матеріалы по археологіи Россіи, XII, 56 слѣд.). Это несогласіе, хотя и такого авторитетнаго знатока исторіи прошлыхъ судебъ Крыма, какимъ является Александръ Львовичъ, не могло меня заставить снова высказаться по поводу топографіи древняго Херсонеса; изъ долгаго опыта я знаю, какъ напрасно, подчасъ даже смѣшно, стараніе

повтореніемъ своихъ доводовъ и новымъ обоснованіемъ ихъ убѣдить тѣхъ, которыхъ не удалось убѣдить при первоначальномъ ихъ изложеніи.

Теперь сбстоятельства измѣнились. Многоуважаемый Александръ Львовичъ лѣтомъ этого года въ „Извѣстіяхъ Импер. Арх. Коммиссіи“ (выпускъ 21) издалъ цѣнное и пространное изслѣдованіе о Херсонесѣ. Третье приложеніе къ этому труду посвящено разработкѣ вопроса «о древнѣйшемъ Херсонесѣ по Страбону и раскопкамъ» (стр. 177—207), и Александръ Львовичъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ я. Само по себѣ и это новое рѣшеніе не могло бы заставить меня съ своей стороны перетрактовывать этотъ вопросъ, если-бъ многоуважаемый авторъ не постарался показать шагъ за шагомъ неосновательность и полную ошибочность моихъ доводовъ и заключеній. Помня древнюю поговорку, qui tacet, consentire videtur, я, противъ своей воли, вынужденъ снова утруждать вниманіе почтеннаго собранія разборомъ вопроса о мѣстоположеніи древнѣйшаго Херсонеса. Я постараюсь быть краткимъ. Сначала я остановлюсь на разъясненіи вопроса, насколько моему уважаемому оппоненту дѣйствительно удалось доказать неосновательность или прямо ошибочность моихъ положеній, затѣмъ разберу, насколько рѣшеніе вопроса, предложенное Александромъ Львовичемъ, соотвѣтствуетъ историческимъ даннымъ и требованіямъ исторической критики, и, наконецъ, займусь интерпретаціею показаній Страбона, такъ какъ они-то и являются центральнымъ пунктомъ всего нашего ученаго спора.

I.

Главнымъ основаніемъ для моего тезиса, что городъ Херсонесъ искони расположенъ былъ на берегу Карантинной бухты, служило то обстоятельство, что тамъ сдѣланы находки, которыя относятся къ тому же періоду, какъ основаніе самаго города, и что поэтому нельзя предположить, что Старый городъ находился первоначально на другомъ мѣстѣ, и только впослѣдствіи былъ перенесенъ на берегъ Карантинной бухты; вся суть въ этихъ находкахъ и ихъ датировкѣ. Остальныя соображенія, мною высказанныя, имѣли въ моихъ глазахъ лишь второстепенное значеніе; въ отдѣльности ни одинъ изъ нихъ не можетъ рѣшать вопроса; только ихъ совокупность, какъ пучекъ связанныхъ прутьевъ, можетъ служить подтвержденіемъ вѣрности результата, добытаго инымъ путемъ. Но такъ какъ Александру Львовичу угодно было и на эти соображенія второстепеннаго значенія обратить одинаковое вниманіе, то и мнѣ придется шагъ за шагомъ разсмотрѣть критическій разборъ моихъ доводовъ со стороны Александра Львовича.

а) Я началъ свое изложеніе вопроса съ указанія, что Страбонъ дѣлаетъ различіе между первоначальной греческою колоніею и современнымъ ему Херсонесомъ; что, согласно его показанію, уже Палласъ (II, 68) опредѣлилъ, какъ мѣстоположеніе древняго Херсонеса, полуостровъ, заключенный съ одной стороны моремъ, съ другой—Казачьей бухтой, гдѣ и нашелъ слѣды древнихъ развалинъ; дальше я упомянулъ, что высказаны были сомнѣнія въ вѣрности показанія Страбона и затѣмъ говорилъ, «что оно (извѣстіе Страбона) нашло себѣ защитника въ лицѣ А. Л. Бертье-Делагарда, который отстаивалъ извѣ-

стіе Страбона не столько потому, что при раскопкахъ въ этой мѣстности найдены были кое-какія остатки древне-эллинскаго поселенія, сколько потому, что по военно-инженернымъ соображеніямъ представленное Страбономъ описаніе осады города со стороны скиѳовъ можно на всемъ Гераклійскомъ полуостровѣ пріурочить только къ поселенію у Казачьей бухты». Къ этимъ словамъ, которыя А. Л. выписалъ только отчасти, хотя и сказалъ, что вся сущность мною сказаннаго приводится въ подлинныхъ подчеркнутыхъ словахъ, мой оппонентъ замѣчаетъ: „Это не совсѣмъ вѣрно. Доводы мои основывались не на соображеніяхъ или находкахъ, а на всей суммѣ двухъ разсказовъ Страбона, что я указывалъ не разъ» Въ чемъ заключается здѣсь невѣрность съ моей стороны, я рѣшительно не понимаю. Я en toutes lettres говорилъ, что Александръ Львовичъ отстаиваетъ показаніе Страбона главнымъ образомъ потому, что по военно-инженернымъ соображеніямъ описанная Страбономъ скиѳская осада можетъ быть пріурочена только къ показанной Страбономъ мѣстности; подтвержденіемъ вѣрности этого заключенія въ его глазахъ служитъ, что въ указанномъ мѣстѣ находятся остатки крѣпостныхъ стѣнъ. Онъ неоднократно указывалъ, что онъ, какъ военный и инженеръ, впервые вѣрно понялъ и оцѣнилъ разсказъ Страбона объ осадѣ, и неоднократно говорилъ о крѣпостныхъ стѣнахъ у Казачьей бухты. Поэтому я и теперь еще полагаю, что я вѣрно передалъ его доводы. Остается мое выраженіе «кое-какія остатки древне-эллинскаго поселенія». „Никто—возражаетъ Александръ Львовичъ—не могъ назвать древнія развалины въ этой мѣстности кое-какими остатками, и я всѣхъ менѣе». Здѣсь кроется маленькое недоразумѣніе. Изъ конспекта моего изложенія вполнѣ ясно, что я ни Александру Львовичу, ни какому бы ни было другому ученому не приписываю этого выраженія и этой квалификаціи остатковъ, а что она принадлежитъ только мнѣ. Если читать мое изложеніе въ связи, а не вырывать изъ него отдѣльныхъ фразъ, то это становится и понятнымъ. Я говорилъ раньше о томъ, что оспаривали показаніе Страбона на томъ основаніи, „что въ указываемой имъ мѣстности, кромѣ слѣдовъ укрѣпленій, не находилось обычныхъ остатковъ эллинскихъ поселеній“. Въ противоположность къ этому ожидаемому разнообразію находокъ я въ дальнѣйшемъ и говорилъ: „о кое-какихъ остаткахъ“, вовсе не желая умалить этимъ значенія раскопанной въ 1890 году мѣстами крѣпостной стѣны, а лишь подчеркивалъ, что кромѣ крѣпостной стѣны другихъ остатковъ не найдено.

b) Я дальше, въ видѣ придаточнаго предложенія, указалъ на то, что, кромѣ Страбона, никто изъ древнихъ авторовъ, упоминающихъ о Херсонесѣ, намъ ничего не сообщаетъ объ этомъ замѣчательномъ и рѣдкомъ фактѣ перенесенія первоначальнаго города на другое мѣсто и что самъ Страбонъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ какъ-бы забываетъ объ этомъ перенесеніи. Александръ Львовичъ, цитируя мои слова, но пропуская начало фразы: „Не говоря о томъ», толкуетъ мои слова въ томъ смыслѣ, будто молчаніе другихъ писателей, по моему, „должно служить поводомъ для опроверженія того, кто не смолчалъ», а вслѣдъ затѣмъ восклицаетъ; „немного уцѣлѣетъ историческихъ истинъ, если ко всему намъ извѣстному приложить такое

требованіе". Могу увѣрить почтенное собраніе, что я былъ далекъ отъ приписанной мнѣ нелѣпости; могу изъ своихъ историческихъ трудовъ привести сотню примѣровъ, изъ которыхъ явствуетъ, что я считаюсь съ извѣстіями, засвидѣтельствованными лишь въ одномъ источникѣ. Почему я указалъ на фактъ, что, кромѣ Страбона, никто не дѣлаетъ различія между Старымъ и Новымъ городомъ, для всякаго историка само по себѣ ясно; но въ виду возникшаго недоразумѣнія позволяю себѣ иллюстрировать дѣло однимъ примѣромъ. Ксенофонтъ въ своей греческой исторіи (V, 4, 20) сообщаетъ, что спартанскій гармостъ Сфодрій совершилъ свое неосмысленное вторженіе въ Аттику по иниціативѣ и внушенію оиванскихъ патріотовъ: участіе Эпаминонда и его кружка въ этомъ дѣлѣ казалась всѣмъ новымъ ученымъ, начиная съ Грота, настолько несуразнымъ и невозможнымъ, что они отвергли эту спартанскую версію, придуманную будто-бы для уменьшенія вины Сфодрія; что эта версія встрѣчается и у Плутарха, не могло измѣнить этого сужденія новыхъ историковъ, такъ какъ, по общепринятому мнѣнію, Плутархъ здѣсь черпалъ свои свѣдѣнія изъ Ксенофонта. Но съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ удалось доказать въ своемъ трудѣ „О греческой исторіи Ксенофонта и віотійской исторической традиціи", что Плутархъ въ своихъ показаніяхъ не зависитъ отъ Ксенофонта, а передаетъ самостоятельную, віотійскую версію событій, сужденіе новыхъ историковъ стало инымъ. Изъ этого примѣра вытекаетъ важный законъ исторической критики. Если какой-нибудь фактъ, какъ ни страннымъ онъ показался бы, засвидѣтельствованъ различными, независимыми другъ отъ друга авторами, то съ нимъ считаться необходимо; если такой, по разнымъ причинамъ, невѣроятный фактъ сообщается однимъ лишь источникомъ, то не исключена возможность, что мы имѣемъ дѣло съ какимъ-нибудь недоразумѣніемъ. Такъ и обстоитъ дѣло въ данномъ случаѣ: если-бъ тотъ или другой изъ десятка древнихъ авторовъ, сообщающихъ намъ то и другое свѣдѣніе о древнемъ Херсонесѣ, различалъ-бы, какъ и Страбонъ и независимо отъ него, между Старымъ и Новымъ городомъ, то я не счелъ бы себя въ правѣ поднять вопросъ о первоначальномъ мѣстоположеніи Херсонеса, несмотря на находки, сдѣланныя въ Новомъ городѣ, и долженъ былъ-бы стараться согласовать наше преданіе съ данными раскопокъ. Я тогда сказалъ-бы, что городъ Херсонесъ очень скоро послѣ своего основанія у Казачьей бухты былъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, перенесенъ на берегъ Карантинной бухты, но при этомъ долженъ былъ-бы сознаться, что объяснить разсказъ о скиѳской осадѣ не въ состояніи, и что вслѣдствіе этого предложенный выводъ является неудовлетворительнымъ. Разъ-же различіе между Старымъ и Новымъ городомъ дѣлается только у одного автора, я, какъ историкъ, въ правѣ, вслѣдствіе серьезныхъ затрудненій, которыя по другимъ даннымъ представляетъ это извѣстіе, считаться съ возможностью, что это извѣстіе является результатомъ какого-то недоразумѣнія.

Итакъ, вовсе не потому, что одинъ Страбонъ упоминаетъ о Старомъ и Новомъ городѣ, а другіе авторы объ этомъ умалчиваютъ, я сомнѣваюсь въ вѣрности Страбоновскаго показанія, а потому, что Страбоновское показаніе противорѣчитъ другимъ вѣсскимъ даннымъ; то обстоятельство, что

оно единично, что оно случайно или неслучайно не подтверждается нашей остальной традиціею, даетъ мнѣ право искать объясненіе этого извѣстія,— право, котораго я не имѣлъ-бы, если-бъ Страбоновское показаніе было засвидѣтельствовано и другими. Вотъ причина, почему я писалъ и долженъ былъ писать, что кромѣ Страбона никто изъ древнихъ авторовъ о перенесеніи города на другое мѣсто ничего не говоритъ. Я на этомъ могъ-бы покончить съ возраженіемъ Александра Львовича по данному вопросу, если-бъ онъ не воспользовался случаемъ изъ состоянія нашей традиціи о Херсонесѣ вывести своеобразное заключеніе. Скудность извѣстій у древнихъ авторовъ о Херсонесѣ, „обидное молчаніе всѣхъ", говоритъ, по его мнѣнію, «краснорѣчивѣе всякихъ находокъ противъ силы и политическаго значенія города въ то время". Я долженъ прежде всего напомнить, что я о силѣ и политическомъ значеніи города не говорилъ,—а говорилъ только о благоустройствѣ и средствахъ его; но помимо того, изъ молчанія нашего преданія о Херсонесѣ никоимъ образомъ нельзя сдѣлать вывода Александра Львовича. Мы не должны забывать, что до насъ дошла весьма незначительная часть античной исторической литературы, и что поэтому совершенно зависитъ отъ случая—въ обыденномъ смыслѣ этого слова—имѣемъ-ли мы о какомъ-нибудь античномъ городѣ-государствѣ свѣдѣнія, или нѣтъ. Существовали города-государства, которые, по даннымъ раскопокъ, были — какъ напр., Селинунтъ, Пріэна и другіе—центрами богатой культурной жизни, а между тѣмъ историческая литература сохранила намъ о нихъ еще меньше свѣдѣній, чѣмъ о Херсонесѣ; съ другой стороны случаю иногда угодно было, что мы располагаемъ относительно вполнѣ незначительныхъ городовъ сравнительно подробными данными. Такъ напр., Ксенофонтъ въ послѣдней части своей греческой исторіи два раза подробно распространяется о судьбахъ Флейунта и его политической жизни; въ соотвѣтствующій періодъ мы о Коринѳѣ и Аргосѣ ничего не знаемъ. Неужели мы изъ этого факта должны заключить, что въ данное время политическое значеніе маленькаго Флейунта было болѣе, чѣмъ Коринѳа или Аргоса, неужели мы, основываясь на выводѣ Александра Львовича, должны, напр., полагать, что алтарь Артимеды въ Спартѣ, который упоминается у разныхъ писателей, представлялъ собою болѣе выдающееся художественное произведеніе, чѣмъ великолѣпный пергамскій алтарь Зевса, о которомъ мы во всей античной литературѣ имѣемъ лишь одно, какъ-бы случайное, упоминаніе у одного компилятора римскаго періода? Думаю, что и Александръ Львовичъ не согласится съ тѣми выводами, которые вытекаютъ изъ послѣдовательнаго примѣненія его тезиса.

Я назвалъ фактъ перенесенія города на другое мѣсто замѣчательнымъ и рѣдкимъ. И съ этимъ Александръ Львовичъ не согласенъ. Онъ пишетъ: „собственно Страбонъ указываетъ только, что былъ когда-то Старый Херсонесъ, но не говоритъ о перенесеніи города. Переселеніе мы выводимъ уже сами, и въ этомъ я не могу видѣть рѣдкій, замѣчательный и даже необыкновенный фактъ, такъ какъ у древнихъ, повидимому, таковаго не бывало. У самаго Страбона я легко насчиталъ не менѣе семнадцати такихъ случаевъ, приводимыхъ, какъ самое обычное дѣло. Видимо, его такія

событія нисколько не удивляли, и нельзя же думать, что онъ вездѣ ошибался или выдумывалъ».

Итакъ выходитъ, что древніе греки, какъ самое обычное дѣло, безъ видимой на то причины, оставляли свои города, со всѣми храмами и общественными зданіями, и переселялись въ другія мѣста, и вновь выстраивали дома, и храмы, и портики, и городскія стѣны, и башни, только изъ прихоти, потому что имъ надоѣло жить на одномъ мѣстѣ. Сознаюсь, это для меня новая черта въ характерѣ древнихъ грековъ,—черта, которой признать вѣрной не могу. Въ самомъ дѣлѣ, Александръ Львовичъ насчиталъ изъ географіи Страбона 17 случаевъ такихъ перенесеній городовъ съ одного мѣста на другое; признаю его счетъ правильнымъ, больше и я не насчиталъ. При громадномъ числѣ греческихъ городовъ-государствъ, которые перечисляются въ географіи Страбона, это процентъ не особенно значительный—но онъ еще сильно сокращается, если имѣть въ виду, что 10 изъ этихъ 17 случаевъ относятся къ миѳической, или гомеровской географіи. Вѣря въ историчность и непогрѣшность географическихъ показаній эпической поэзіи, совершенно также, какъ знаменитый географъ новаго времени Риттертъ вѣрилъ въ историчность всей географіи Ветхаго Завѣта—уже Э. Мейеръ ставилъ „Homergläubigkeit“ Страбона въ параллель съ „Bibelgläubigkeit“ Риттера, и—убѣдившись на дѣлѣ, что въ историческое время эти опредѣленія поэзіи не соотвѣтствовали дѣйствительности, онъ разрѣшилъ это мнимое противорѣчіе гипотезой о перенесеніи города на другое мѣсто; остается такимъ образомъ очень немного дѣйствигельныхъ случаевъ рѣдкаго факта перенесенія цѣлаго города; въ нихъ Страбонъ и называетъ серьезныя, побудительныя для такого необыкновеннаго рѣшенія причины. Я поэтому полагаю, что я былъ правъ, называя такое перенесеніе фактомъ замѣчательнымъ и рѣдкимъ.

с) Послѣ этого придаточнаго предложенія, которое дало моему почтенному оппоненту поводъ къ массѣ только что разобранныхъ возраженій, я въ своемъ рефератѣ поставилъ главное, заключающее въ себѣ указаніе на то, что величина плоскости между двумя стѣнами на полуостровѣ у Казачьей бухты совершенно недостаточна для такого города, какимъ, по эпиграфическимъ даннымъ, былъ древне-греческій Херсонесъ.

«Это замѣчаніе о недостаточности мѣста, столь важное»,—говоритъ Александръ Львовичъ,—«представляетъ, однако, только геометрическое недоразумѣніе»; затѣмъ Александръ Львовичъ распространяется о томъ, что и стѣна на перешейкѣ Казачьей бухты, длиною въ 450 саж., защищала и отдавала подъ городъ весь полуостровъ, громадное, обнесенное стѣной пространство въ 850,000 квадр. саженъ, между тѣмъ какъ Новый Херсонесъ въ своемъ наибольшемъ развитіи имѣлъ въ стѣнахъ всего около 84,000 и въ немъ уже некуда было раздвинуться; спереди была стѣна—сзади море. «Итакъ, при всякихъ условіяхъ, старый городъ у Казачьей бухты» —заканчиваетъ Александръ Львовичъ этотъ рядъ своихъ возраженій —«имѣлъ больше территоріи, чѣмъ раскапываемый нынѣ новый городъ у Карантинной бухты».

Здѣсь есть дѣйствительно геометрическое недоразумѣніе—только не

съ моей стороны; я не говорилъ о величинѣ территоріи всего полуострова у Казачьей бухты, а о пространствѣ или плоскости «заключающейся между двумя стѣнами», ибо я полагалъ, и до сихъ поръ еще полагаю, что древніе Херсонесцы, какъ и всѣ остальные Греки, окружили свой городъ стѣнами, и что та стѣна, которую Александръ Львовичъ самъ называетъ «тыльной», лежала дѣйствительно съ тыла города, а не проходила по срединѣ его; она была слабѣе другой, потому что съ моря угрожало менѣе опасности, чѣмъ съ суши, она все-таки же защищала городъ со стороны моря. Предполагать, что между стѣнами заключался только «родъ акрополя», уже потому нельзя, что мѣстность между стѣнами ничуть не возвышеннѣе, чѣмъ остальная территорія полуострова (ἀκρόπολις=крутой городъ).

Такъ какъ я не имѣю ни малѣйшаго повода считать бывшихъ устроителей укрѣпленія на полуостровѣ чѣмъ-то въ родѣ Абдеритовъ или жителей города Шильды, которымъ народное остроуміе приписываетъ всякаго рода несуразныя дѣйствія, то я и думаю, что ихъ поселеніе занимало плоскость, защищаемую двумя указанными стѣнами; это пространство между стѣнами оказывается по исчисленію Александра Львовича (который ссылается на отчетъ 1897, 37) въ 45,000 квадр. саженъ, по даннымъ, представленнымъ въ моемъ рефератѣ въ 38,700 кв. саженъ; эта незначительная разница получается отъ того, что К. К. Косцюшко мнѣ сообщилъ, что стѣны другъ отъ друга отстоятъ не на 100 саженъ, а на 86; какъ-бы то ни было, во всякомъ случаѣ и 45,000 квадр. саженъ меньше, чѣмъ 84,000 квадр. саженъ,—междустѣнное пространство въ Новомъ Херсонесѣ. Но дѣло здѣсь не въ количествѣ квадратныхъ саженъ; Александръ Львовичъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что мудрено утверждать, мало или довольно то или другое количество квадратныхъ саженъ для города, величина котораго неизвѣстна. Вопросъ здѣсь въ другомъ;—я утверждалъ, что пространство между стѣнами недостаточно для города, какимъ былъ древній Херсонесъ по эпиграфическимъ даннымъ, не потому, что считалъ 45 или 38 тысячъ квадр. саженъ слишкомъ маленькою площадью, а потому, что ширина этого квадрата равняется всего 86 саженямъ, и мнѣ, по прежнему, представляется невозможнымъ, чтобъ городъ, въ которомъ были и храмы, и агора и общественныя зданія, который управлялся цѣлымъ штатомъ должностныхъ лицъ, въ ширину занималъ не болѣе мѣста, чѣмъ одинъ изъ среднихъ кварталовъ города Одессы, и я, по прежнему, утверждаю, что между этими стѣнами въ 86 саж. разстоянія другъ отъ друга могли заключаться крѣпость или маленькое поселеніе, а не благоустроенный городъ.

d) Однако я забываю, что именно это предполагаемое мною благоустройство древняго города раскритиковывается Александромъ Львовичемъ, что называется, въ пухъ и прахъ. «Приводится» —говоритъ мой почтенный оппонентъ—«серія соображеній, которыя имѣютъ цѣлью доказать необходимость большой территоріи для такого значительнаго города; въ общемъ идетъ рѣчь о большомъ политическомъ значеніи Херсонеса, объ его обширныхъ земельныхъ владѣніяхъ, о значительныхъ и важныхъ находкахъ, въ немъ сдѣланныхъ. Все это субъективно и можетъ быть понимаемо совсѣмъ иначе».

Откуда Александръ Львовичъ выводитъ заключеніе, что я говорю «о большомъ политическомъ значеніи Херсонеса», я не знаю; смѣю думать, не изъ моего реферата. Я ни единымъ словомъ объ этомъ не говорилъ, никогда не ставилъ Херсонесъ въ одну линію съ политически значительными державами Греціи, а просто сопоставилъ то, что вытекаетъ изъ разныхъ оффиціальныхъ документовъ, найденныхъ въ Херсонесѣ: что городъ господствовалъ надъ Керкинитомъ, Прекраснымъ Портомъ и укрѣпленными мѣстами, что онъ владѣлъ обширными поземельными участками за городомъ, что онъ управлялся цѣлымъ штатомъ должностныхъ лицъ, поддерживалъ сношенія съ иностранными государствами и что онъ украшался рядомъ святилищъ, храмами Дѣвы, Діониса и т. д. И изъ этихъ оффиціальныхъ данныхъ (всѣ ссылки даны въ моемъ рефератѣ на стр. 100) я вывелъ заключеніе, что Херсонесъ былъ, въ античномъ смыслѣ этого слова, благоустроенной, греческой колоніею, и на основаніи еще одного документа, о которомъ рѣчь будетъ еще впереди, я прибавилъ, что граждане его, повидимому, имѣли достаточныя средства. Эти заключенія, конечно, субъективны, въ томъ смыслѣ, что они выведены отдѣльнымъ субъектомъ; чтобы эта неизбѣжная субъективность не стала произволомъ, для этого каждый настоящій историкъ владѣетъ довольно надежнымъ коррективомъ—историческою перспективою. Думаю, что мои заключенія укладываются въ эту перспективу.

Посмотримъ однако, что противъ этихъ, основанныхъ на оффиціальныхъ данныхъ, заключеній приводитъ Александръ Львовичъ: «Глядя безъ предвзятой мысли на политическое значеніе Херсонеса", — продолжаетъ онъ — „мы находимъ: молчаніе древнихъ авторовъ или указанія лишь пораженій Херсонеса; позднѣе появленіе и незначительность монетнаго чекана; совершенную мелочность и даже ничтожность всѣхъ древнихъ находокъ, полное отсутствіе необходимыхъ частей всякаго порядочнаго города— общественныхъ зданій, храмовъ, портиковъ и проч.; неимѣніе крѣпостной ограды, исполненной только въ ничтожномъ размѣрѣ, да и то не до верху; наконецъ, ненахожденіе сколько-нибудь порядочнаго некрополя». Картина эта тоже субъективна, и я не могу сказать, чтобы при исполненіи ея примѣненъ былъ вышеупомянутый коррективъ. Что молчаніе авторовъ ничего не доказываетъ — объ этомъ я уже говорилъ выше. Намъ сообщаютъ древніе и о пораженіяхъ Аѳинъ и Спарты — развѣ это доказательство ихъ незначительности и неблагоустройства? „Позднее появленіе чекана монетъ",—но какъ дѣло съ этимъ обстояло въ другомъ дорическомъ государствѣ, значеніе котораго Александръ Львовичъ едва-ли будетъ оспаривать,— въ Спартѣ? «Мелочность и ничтожность всѣхъ древнихъ находокъ» — сознаюсь, при тонкости слоя земли на скалистомъ грунтѣ, при постоянной населенности Херсонеса до турецкаго завоеванія Юга Россіи, я пораженъ, что даже эти мелочи найдены; и что же дали раскопки въ другихъ доисторическихъ государствахъ, съ которыми надо сравнить Херсонесъ на первомъ мѣстѣ? «Полное отсутствіе храмовъ и т. д.»—но вѣдь не только сами Херсонесцы, показаніямъ которыхъ Александръ Львовичъ, какъ мы еще увидимъ, не особенно довѣряетъ, но и Страбонъ, авторитетъ котораго онъ

такъ высоко ставитъ, свидѣтельствуетъ, что въ Новомъ городѣ (иначе его слова интерпретировать нельзя) былъ храмъ Дѣвы. Слѣдовъ его не найдено (что, впрочемъ, совершенно понятно въ городѣ, гдѣ было впослѣдствіе столько христіанскихъ храмовъ), но неужели отсюда вытекаетъ, что и Херсонесцы и Страбонъ говорили неправду? Относительно «крѣпостной ограды» рѣчь будетъ впереди—не могу въ одномъ предложеніи сказать о ней все то, что имѣю сказать—замѣчу здѣсь только, что постараюсь доказать ея существованіе. А что касается, наконецъ, «ненахожденія порядочнаго античнаго некрополя»—то въ этомъ отношеніи Херсонесъ раздѣляетъ участь весьма многихъ древнихъ городовъ. Гдѣ же, спрашиваю, порядочные некрополи Спарты, Мантинеи, Мегары, даже Коринѳа? Вѣдь и тамъ производили раскопки и изслѣдовали мѣстность, а находки могилъ съ мало-мальски значительнымъ содержаніемъ являются рѣдкостью. Итакъ, если все это поставить въ надлежащую историческую перспективу, если при этомъ вспомнить, что вплоть до эллинистической эпохи частные дома древнихъ грековъ были весьма скромны, что жизнь въ общемъ была дешева и проста, особенно въ дорическихъ городахъ, что нѣкогда господствовавшая роскошь при похоронахъ въ весьма многихъ общинахъ была ограничена законными постановленіями, то мы и къ Херсонесу должны будемъ приложить другое мѣрило, какъ Александръ Львовичъ. Херсонесъ, конечно, не Милетъ, Аѳины, или Коринѳъ; но онъ и не убогая деревушка, населенная безграмотными рыбаками, какъ это выходитъ по Александру Львовичу,—а благоустроенная, довольно видная греческая колонія.

Чтобы показать, «какъ различно можно относиться къ данной находкѣ», Александръ Львовичъ останавливается подробнѣе на одномъ примѣрѣ. Въ доказательство того, что городъ, повидимому, имѣлъ достаточныя средства, я, въ видѣ примѣчанія къ тексту своего реферата, указалъ, «что посвятительная статуя въ честь Аѳины-Спасительницы изготовлена была извѣстнымъ (Plin. 34, 4) ваятелемъ Поликратомъ». Противъ этого мой почтенный оппонентъ возражаетъ слѣдующее: «Въ дошедшей до насъ надписи на пьедесталѣ этой статуи названо только имя и къ тому же очень обыкновенное, и пріуроченіе этого имени извѣстному ваятелю есть простая догадка, едва-ли доказуемая. Статую славнаго художника, казалось-бы, не поставили-бы на грубый пьедесталъ, каковъ дошедшій до насъ. Это просто кусокъ мрамора, едва оболваленный, безъ малѣйшаго признака, не то, что художественной, но даже и какой-бы то ни было архитектурной обдѣлки; нѣчто вполнѣ нехудожественное и безграмотное. О художественномъ чутьѣ слѣдуетъ судить не по чужой статуѣ, если даже она и была, ибо купить ее не особенно трудно, и именно по сохранившемуся пьедесталу, работанному на мѣстѣ. Въ Херсонесѣ и это было удивительнымъ, почему сочли нужнымъ указать имя доморощеннаго художника».

Далѣе слѣдуетъ цѣлая филиппика противъ всѣхъ пьедесталовъ статуй, найденныхъ въ Херсонесѣ, которая заканчивается словами «нѣтъ, о средствахъ Херсонесцевъ, и въ особенности, о ихъ художественномъ чутьѣ, до сихъ поръ нѣтъ возможности говорить иначе, какъ въ самомъ отрицательномъ смыслѣ».

Я эту филиппику оставляю въ сторонѣ, потому что она меня собственно не касается; я нигдѣ о «художественномъ чутьѣ» Херсонесцевъ не говорилъ; я только, при перечисленіи находокъ, которыя можно датировать еще IV вѣкомъ до Р. Х., упомянулъ объ одномъ торсѣ небольшой женской статуи «весьма хорошей работы». Этотъ торсъ хранится въ нашемъ музеѣ, и въ свое время настолько заинтересовалъ нынѣ умершаго знаменитаго археолога Фуртвенглера какъ важный образецъ «тонкой *іонической* работы» (такъ гласила его характеристика), что онъ просилъ меня снять для него фотографію. Но «художественное чутье» Херсонесцевъ тутъ не при чемъ, — статуя, повидимому, не сработана на мѣстѣ. Но возвращаюсь къ исходному пункту полемики Александра Львовича: рѣчь идетъ о статуѣ, посвященной Аѳинѣ-Спасительницѣ. Статуя эта изготовлена нѣкіимъ Поликратомъ; по весьма распространенному греческому обычаю—обильный матеріалъ собранъ въ капитальномъ трудѣ Loewy: Inschriften griechischer Bildhauer—имя ваятеля высѣчено на пьедесталѣ. При этомъ обычаѣ, весьма странной, кстати замѣтить, является фраза Александра Львовича: «Въ Херсонесѣ и это было удивительнымъ, и потому сочли необходимымъ указать имя доморощеннаго художника».

Посвятительная надпись по характеру письма относится къ IV вѣку. Къ имени художника Поликрата приписанъ глаголъ «сдѣлалъ» въ характерной *аттической* формѣ ἐποησε. Въ Аттикѣ въ IV вѣкѣ жилъ извѣстный ваятель Поликратъ. Отсюда люди, компетентнѣе меня въ такихъ вопросахъ, вывели заключеніе, что Херсонесская статуя сработана аѳинскимъ художникомъ. Конечно, это только догадка; съ точностью полицейскаго протокола «доказать» идентичность этихъ двухъ ваятелей мы не въ состояніи, за неимѣніемъ ихъ метрики. Но въ виду того, что, какъ доказываетъ найденный въ Херсонесѣ *іонический* торсъ, статуи сюда привозились; въ виду того, дальше, что заказъ статуи у аѳинскаго художника, повидимому, не является единичнымъ въ Херсонесѣ случаемъ—по крайней мѣрѣ Loewy въ вышеназванномъ сочиненіи (стр. 238 къ № 337) признаетъ ваятеля Кефисидота, имя котораго читается на найденномъ въ Херсонесѣ пьедесталѣ (Latyschev: Ios. P. E. I, № 199) тоже аѳиняниномъ, — я эту догадку считаю вполнѣ правдоподобной и поэтому ее и повторилъ. Александръ Львовичъ другого мнѣнія, и считаетъ Поликрата доморощеннымъ художникомъ. Какъ объяснить, что этотъ доморощенный ваятель дорійскаго Херсонеса подписался въ обычной, особенно въ IV вѣкѣ, въ Аѳинахъ формѣ ἐπόησε съ пропускомъ буквы ι, объ этомъ онъ умалчиваетъ. Единственная причина его протеста заключается въ грубости пьедестала. Но во-первыхъ, если херсонесцы были, по мнѣнію Александра Львовича, «невѣжественными и безграмотными», то не вполнѣ послѣдовательно ожидать, чтобы они въ данномъ случаѣ поставили лучшій пьедесталъ, чѣмъ обыкновенно; во-вторыхъ, мудрено объ этомъ пьедесталѣ сказать что-нибудь опредѣленное, такъ какъ онъ впослѣдствіе былъ примѣненъ къ другой цѣли, обтесанъ и обрубленъ; и въ третьихъ — и это касается уже всей филиппики Александра Львовича вообще — гдѣ же въ Греціи эти художественно и архитектурно обдѣлан-

ные пьедесталы? Ихъ изъ древне-греческаго періода такъ мало, что можно пересчитать по пальцамъ. Я неоднократно бывалъ на аѳинскомъ акрополѣ: громадное большинство изъ массы тамъ собранныхъ базисовъ простые четырехугольные куски мрамора, въ лучшемъ случаѣ снабженные какими-то карнизами. Надо мириться съ тѣмъ, что греки, даже аѳиняне, на отдѣлку пьедесталовъ, повидимому, обращали мало вниманія; даже плинтусъ изъ подъ Венеры Милосской, который французы благоразумно спрятали, но который, какъ доказалъ Фуртвенглеръ въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Meisterwerke», принадлежитъ къ статуѣ, представляетъ собою грубо и наскоро обтесанную плиту. Кстати замѣтить, этому соотвѣтствуетъ то наблюденіе, что художники классическаго періода не останавливались передъ тѣмъ—на что впослѣдствіе не рѣшился бы ни одинъ копіистъ римскаго времени—чтобы, если избранный ими кусокъ мрамора не хваталъ, отдѣльно сработать ногу или пальцы, или даже голову и ихъ потомъ прикрѣпить къ статуѣ.

Но, если я вѣрно понимаю слова Александра Львовича, онъ даже допускаетъ возможность, что статуя Аѳины была привезена: «ибо купить ее не особенно трудно» — говоритъ онъ. Гдѣ же, послѣ этого, различное отношеніе къ данной находкѣ? И я другого не утверждалъ, что статуя была куплена и заказана въ Аѳинахъ, но чтобы ее купить, надо имѣть деньги, и отсюда я вывелъ заключеніе, «что были граждане въ Херсонесѣ, которые, повидимому, имѣли достаточныя средства». Я больше тогда ничего не говорилъ, теперь же позволяю себѣ прибавить, что кромѣ денегъ надо «имѣть еще кое-что другое»; врядъ-ли «безграмотные и невѣжественные» жители какого-нибудь захолустья стали-бы тратить свои деньги на покупки и заказы статуй изъ-за границы. И такъ какъ рѣчь идетъ не объ единичномъ случаѣ,—при всей скудости и отрывочности нашихъ свѣдѣній мы могли указать все-таки три примѣра изъ IV вѣка до Р. Х.—то я счелъ себя въ правѣ воспользоваться этой чертой для характеристики культурной жизни въ такъ называемомъ Новомъ Херсонесѣ въ IV вѣкѣ до Р. Х. Не оспариваю, возможны, конечно, различныя отношенія къ данному факту: но думаю, только одно изъ такихъ отношеній будетъ признано безпристрастнымъ и вѣрнымъ.

е) Наконецъ, Александръ Львовичъ еще по одному вопросу выражаетъ свое несогласіе съ моимъ изложеніемъ. Я сказалъ, что для всѣхъ тѣхъ, которые вѣрятъ показанію Страбона о существованіи Стараго города у Казачьей бухты, возникаетъ трудно разрѣшимый вопросъ о причинахъ и времени перенесенія этого города на новое мѣсто. Александръ Львовичъ противъ этого замѣчаетъ, «что возникать вопросовъ можетъ очень много, но что Страбонъ тутъ не при чемъ, такъ какъ онъ не брался ихъ разрѣшать и что наше неумѣніе выяснить нами же спрашиваемое нисколько не служитъ доказательствомъ ошибочности древняго автора». Я не вполнѣ могу согласиться съ выставленнымъ здѣсь принципомъ исторической критики. Вопросъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не является чѣмъ-то произвольнымъ, ничего общаго съ дѣломъ не имѣющимъ, а логически неизбѣжно вытекаетъ изъ сообщеннаго Страбономъ показанія. Мы въ правѣ ожидать, чтобъ мыслящій авторъ самъ потрудился на него отвѣтить, его

разъяснить. Если онъ этого не сдѣлалъ, то или потому, что онъ это счелъ лишнимъ, и тогда это знакъ его небрежнаго отношенія къ дѣлу, или потому, что онъ не могъ, что никакихъ данныхъ для такого отвѣта онъ не имѣлъ, и тогда мы въ правѣ скептически отнестись къ достовѣрности сообщеннаго факта. На вышепоставленный вопросъ послѣдовали самые различные отвѣты со стороны нашихъ археологовъ. Я въ сжатомъ рефератѣ, который обнимаетъ всего 5 страницъ, не счелъ нужнымъ перечислять ихъ всѣхъ, а остановился лишь на мнѣніи тѣхъ, которые относятъ это переселеніе къ I вѣку до Р. Х., чтобы показать, что послѣ пораженія со стороны скиѳовъ едва-ли допустимо думать о перенесеніи города на болѣе открытое, труднѣе защищаемое мѣсто. И эти соображенія дали моему почтенному оппоненту поводъ къ ряду возраженій. Онъ прежде всего останавливается на моей фразѣ «большинство новыхъ ученыхъ (Koehne, Beiträge I, S. 15. Georgi, Geschichte, Russlands, S. 197 и многіе другіе) пріурочили основаніе Новаго города къ концу I вѣка» и въ пространномъ изложеніи доказываетъ, что кромѣ Koehne, который впослѣдствіе измѣнилъ свое мнѣніе, и Georgi, который является весьма мало авторитетнымъ ученымъ, никто изъ изслѣдователей, писавшихъ о Херсонесѣ, не выставлялъ указанной мною даты.

Здѣсь кроется недоразумѣніе, въ возникновеніи котораго виноваты я или, скорѣе, упомянутая уже сжатость моего реферата. Говоря о большинствѣ ученыхъ, я не имѣлъ въ виду извѣстныхъ изслѣдователей, писавшихъ о Херсонесѣ, а прибавляя къ именамъ Koehne и Georgi слова «и многіе другіе» я подразумѣвалъ подъ этимъ «многіе другіе» рядъ историковъ и археологовъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать по данному вопросу и которые, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ прежнихъ работъ Александра Львовича, энергично доказывавшаго, что описанная Страбономъ осада могла быть только у Казачьей бухты, вмѣстѣ съ нимъ и сдѣлали выводъ, что перенесеніе города или построеніе новаго состоялось лишь послѣ осады, т. е. въ I вѣкѣ до Р. Х.

Дальше Александръ Львовичъ соглашается со мною, «что мѣсто историческаго (т. е. Новаго) Херсонеса хуже для обороны, и что послѣ «пораженія скиѳами» и «удачной осады», очевидно, на новое мѣсто не перешли бы; «только свѣдѣнія объ удачной осадѣ, о мнимой побѣдѣ скиѳовъ»— прибавляетъ онъ,—«есть простая обмолвка». Это не совсѣмъ такъ: къ слову «осада» я, конечно, не могъ поставить эпитетъ «удачная», разъ единственный свидѣтель объ этой осадѣ, Страбонъ, разсказываетъ, что вслѣдствіе ловкой стратегемы осада была снята. Въ напечатанной фразѣ «въ описанной Страбономъ удачной осадѣ», слово «удачной» просто опечатка вмѣсто «удалой», какъ написано было въ моей рукописи. Я благодаренъ Александру Львовичу, что онъ обратилъ мое вниманіе на эту опечатку. Зато мою ссылку на «пораженіе скиѳами» я никакъ не могу признать обмолвкой. «Этотъ городъ (т. е. Херсонесъ) прежде пользовался автономіей»,—говоритъ Страбонъ—«но потомъ будучи *опустошаемъ* варварами (т. е. скиѳами), былъ принужденъ взять себѣ въ покровители Миѳрадата Евпатора». Учрежденіе сильнаго государства Скилуромъ и его сыновьями, распространеніе вла-

сти скиѳовъ, набѣги, ими совершаемые и ихъ побѣды ставили Херсонесцевъ передъ дилеммой: или съ честью погибнуть въ борьбѣ со скиѳами, или пожертвовать самымъ дорогимъ, что знали греки—своей автономіею, и отдать себя подъ защиту Миѳрадата. И послѣ неудавшейся осады крѣпости у Казачьей бухты скиѳы, не смотря на присутствіе войска понтійскаго царя, повторяли свои набѣги, такъ что я имѣлъ, мнѣ думается, право говорить о «пораженіяхъ скиѳами».

Эту полемическую часть своего труда Александръ Львовичъ заключаетъ словами: «этимъ и кончаются всѣ опроверженія, данныя многоуважаемымъ авторомъ и я совершенно не могу понять, почему послѣ ихъ показаніе Страбона является весьма мало правдоподобнымъ, такъ какъ изъ вышесказаннаго видно, что всѣ опроверженія заключаются въ случайныхъ недоразумѣніяхъ и не только опровергаютъ Страбона, но большею частью до него и не относятся».

Приговоръ строгій, и мнѣ остается только очень сожалѣть, что мнѣ, повидимому, не удалось формулировать свои мысли и доводы съ достаточной ясностью. А суть ихъ, на самомъ дѣлѣ, проста. Съ одной стороны мы имѣемъ показаніе Страбона, что городъ Херсонесъ основанъ былъ на полуостровѣ у Казачьей бухты. Этотъ городъ существовалъ, какъ выводитъ Александръ Львовичъ изъ дальнѣйшаго разсказа того же Страбона о скиѳской осадѣ, до I вѣка до Р. Х. Съ другой стороны раскопки въ историческомъ Херсонесѣ у Карантинной бухты показываютъ, что здѣсь существовалъ, по крайней мѣрѣ съ IV вѣка до Р. Х., вполнѣ благоустроенный городъ Херсонесъ. Такъ какъ я не могъ допустить, что одновременно на 12-верстномъ разстояніи другъ отъ друга существовали два города одного и того-же имени, и такъ какъ я больше вѣрилъ тому, что самъ видѣлъ и что фактически имѣется на лицо, чѣмъ единоличному и голословному показанію древняго автора, лично не бывавшаго въ Херсонесѣ, то я и назвалъ это показаніе мало правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что это показаніе и помимо того вызываетъ рядъ сомнѣній и возраженій, которыя мой почтенный оппонентъ изволилъ назвать «случайными недоразумѣніями». Я другого выхода изъ указанной дилеммы найти не могъ—но мой оппонентъ теперь предлагаетъ другое рѣшеніе вопроса. Къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ этого рѣшенія мы теперь и обратимся.

II.

Рѣшеніе занимающаго насъ здѣсь вопроса со стороны Александра Львовича сводится къ слѣдующему. Согласно показанію Страбона городъ Херсонесъ устроенъ былъ на полуостровѣ у Казачьей бухты. Основаніе его онъ относитъ, находя мнѣнія Кёне (Муз. кн. I, 257) и Шнейдервирта, датирующихъ это основаніе V вѣкомъ, невѣроятными, къ первой четверти IV вѣка; онъ при этомъ основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ: «Извѣстно»—говоритъ онъ на стр. 196, пр. I,—«что при осадѣ Ѳеодосіи боспорскими царями Сатиромъ и Левкономъ I дорійцы-гераклеоты прислали помощь милетской Ѳеодосіи, а это показываетъ, что между этими городами были близкія связи. Если Гераклея была въ связи съ іонической колоніею

въ Таврид'ѣ,--то, конечно, потому, что своей тамъ у нея еще не было, и, слѣдовательно, Херсонесъ, какъ городъ, не существовалъ. Въ настоящемъ случаѣ о немъ не упоминаютъ, когда онъ долженъ былъ быть на первомъ мѣстѣ, идя рядомъ съ метрополіей. Надо полагать, гераклеоты потому и защищали Ѳеодосію, что она была ихъ опорной точкой въ Таврид'ѣ и иной они не имѣли. Выручить Ѳеодосію имъ не удалось, но съ краемъ они познакомились близко и тогда же, вѣроятно, пріискали свободное мѣсто взамѣнъ Ѳеодосіи, худшее, но лежащее подальше отъ побѣдоноснаго Боспора, гдѣ и основали свою колонію. Осада Ѳеодосіи кончилась около 387 года и это время можно считать наиболѣе правдоподобнымъ временемъ основанія Херсонеса. Молчаніе Геродота о нашемъ городѣ, писавшаго за полвѣка ранѣе, подтверждаетъ сказанное о времени его основанія».

Здѣсь я уже прерываю реферированіе мнѣнія Александра Львовича, потому что съ высказанными далѣе соображеніями никакъ не могу согласиться. Военныя событія изложены у Александра Львовича не вполнѣ точно, а выводы изъ нихъ получаются, на мой взглядъ, другіе. Подробнѣе о политическомъ положеніи въ Таврид'ѣ въ означенный періодъ я говорилъ въ своемъ трудѣ о «Ѳеодосіи и ея керамикѣ»; ссылаясь на изложенное тамъ, я здѣсь остановлюсь только на главныхъ моментахъ. Правители Боспора послѣдовательно и постепенно подчиняютъ своей власти какъ сосѣднія варварскія племена, такъ и греческія колоніи въ Таврид'ѣ. Между тѣмъ какъ власть Спартока ограничивалась первоначально Пантикапеемъ и его окрестностью, первымъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ по направленію къ Западу было присоединеніе Нимфэона, аѳинскаго владѣнія, къ боспорскому царству. Комендантъ этого города, Гилонъ, въ послѣдніе годы пелопоннесской войны послѣ крушенія морского могущества Аѳинъ не былъ въ состояніи болѣе удержать его и передалъ городъ Сатиру I. Но въ своемъ дальнѣйшемъ стремленіи распространить господство Боспора на западъ Сатиръ встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе. Изъ случайно сохранившейся цитаты изъ одной рѣчи Демосѳена (Harpokration, s. v. Θευδοσία) мы узнаемъ, что Сатиръ скончался при осадѣ Ѳеодосіи. Къ этой осадѣ города—единственной, о которой мы знаемъ—относится сообщеніе Поліэна (V, 23) о военной хитрости гераклейскаго наварха Тинниха, при помощи которой послѣднему удалось освободить осажденный городъ.

Но сынъ и преемникъ Сатира I, Левконъ, продолжалъ политику своего отца и борьбу съ Гераклеей: мы о ходѣ этой войны знаемъ очень мало; Поліэнъ въ своемъ сборникѣ стратегемъ (V, 44 и VI, 9, 4) сообщаетъ нѣкоторые эпизоды изъ этой войны, которая, въ виду участія родосца Мемнона должна быть датируема приблизительно 355 г. до Р. Х., она, несомнѣнно, окончилась побѣдою Левкона, такъ какъ онъ является впослѣдствіи обладателемъ Ѳеодосіи, въ которой онъ устраиваетъ значительную торговую гавань. Съ тѣхъ поръ Спартокиды принимаютъ титулъ: «архонтовъ Боспора и Ѳеодосіи».

Такимъ образомъ, если согласиться съ соображеніями Александра Львовича, что Херсонесъ основанъ лишь послѣ паденія Ѳеодосіи, то это

основаніе надо отнести не къ годамъ, слѣдующимъ непосредственно за 387 годомъ, а къ болѣе позднему времени, приблизительно къ 350 году. Я думаю, что въ виду археологическихъ находокъ въ такъ называемомъ Новомъ Херсонесѣ этотъ срокъ и Александру Львовичу покажется немного позднимъ. Но, помимо того, доводы моего почтеннаго оппонента, по которымъ Херсонесъ еще не могъ существовать во время войны Гераклеи съ Боспоромъ, мнѣ представляются мало убѣдительными. Мы видѣли, что Гераклея, поддерживая Ѳеодосію, ведетъ очень продолжительную борьбу съ двумя боспорскими царями. Близкая связь между іонической Ѳеодосіею и дорической Гераклеей, о которой говорилъ Александръ Львовичъ, могла быть, конечно, только связью торговою; совершенно непонятно, чтобы Гераклея только изъ-за этихъ торговыхъ интересовъ рѣшилась на долголѣтнюю войну въ далекой странѣ, требующую большихъ матеріальныхъ и человѣческихъ жертвъ. Для Гераклеи могло быть все равно, кто господствуетъ надъ Ѳеодосіею, лишь-бы ей удалось дальше поддерживать тамъ свои торговыя сношенія. Это, при либеральной торговой политикѣ Сатира и Левкона, о которой Демосеенъ отзывается съ большой похвалою, должно было быть дѣломъ нетруднымъ.

Совершенно другое,—если въ то время уже существовалъ Херсонесъ. Спартокиды распространяли свое господство надъ греческими городами въ Тавридѣ послѣдовательно; расширеніе сферы вліянія Пантикапея естественно пробудило въ остальныхъ греческихъ колоніяхъ на Таврическомъ полуостровѣ серьезныя опасенія за то, что греки всегда выше всего ставили,—за свою политическую самостоятельность. Когда Сатиръ I, въ своемъ постепенномъ покореніи скиѳскаго населенія страны, проникъ до Ѳеодосіи и началъ осаду города, то Херсонесъ не могъ остаться равнодушнымъ зрителемъ. Съ покоренія Ѳеодосіи боспорскимъ царямъ дорога была открыта и на Херсонесъ:—жизненные интересы его требовали помочь Ѳеодосіи. Въ этой борьбѣ принимаетъ дѣятельное участіе метрополія Херсонеса,—Гераклея. Еще и въ позднія римскія времена она всегда энергично поддерживала свою колонію, тѣмъ естественнѣе, что она въ первый вѣкъ существованія Херсонеса, гдѣ связи между метрополіею и колоніею должны были быть особенно тѣсны, всѣми силами старалась отстоять независимость Херсонеса. И въ этомъ она успѣла. Хотя Ѳеодосію, въ концѣ концовъ, спасти было нельзя, однако Левконъ удовольствовался присоединеніемъ Ѳеодосіи и противъ Херсонеса не пошелъ: война съ Гераклеей, упорная и долголѣтняя, стоила и ему, должно быть, много жертвъ.

Что въ случайныхъ извѣстіяхъ объ этой войнѣ, которыя сохранены въ сборникѣ Поліэна, имя Херсонеса не упоминается, ровно ничего не значитъ: Поліэнъ не разсказываетъ исторію этой войны, а лишь отдѣльныя стратегемы, замѣчательные случаи проявленія военной хитрости. Весь интересъ составителей подобныхъ сборниковъ сосредоточенъ на изложеніи опредѣленной стратегемы, все же остальное, какъ маловажное, ими опускается; такъ напримѣръ, составитель Excerpta Polyaeni e codice Tacticorum Florentino, повторяя разсказъ Поліэна о военной хитрости гераклейскаго наварха Тинпиха, считаетъ даже лишнимъ прибавить названіе города, который этой военной

хитростью былъ спасенъ. Между тѣмъ какъ, такимъ образомъ, неупоминаніе въ эпизодическихъ разсказахъ Поліэна объ участіи Херсонеса въ войнѣ Гераклеи противъ боспорскихъ царей не можетъ служить доказательствомъ, что Херсонесъ въ то время еще не существовалъ, съ другой стороны самый фактъ этой войны становится возможнымъ только при предположеніи, что Гераклея заступилась за жизненные интересы своей колоніи. Я, такимъ образомъ, изъ факта заступничества Гераклеи въ пользу Ѳеодосіи вывожу заключеніе, какъ разъ обратное, сдѣланному Александръ Львовичемъ. Это заступничество и война Гераклеи противъ боспорскихъ царей, которая падаетъ на періодъ времени, круглымъ счетомъ, между 390 и 350 годами, доказываютъ, что Херсонесъ тогда уже былъ основанъ.

Молчаніе о Херсонесѣ Геродота, посѣтившаго Ольвію въ срединѣ V вѣка и кончившаго свой трудъ до начала пелопонесской войны, не можетъ быть признано показаніемъ противъ этого вывода; во-первыхъ, Геродотъ и о Ѳеодосіи не упоминаетъ, хотя эта милетская колонія, какъ доказываютъ археологическія находки, въ то время несомнѣнно уже существовала, и во-вторыхъ, не исключена возможность или даже вѣроятность, что основаніе Херсонеса относится ко второй половинѣ V вѣка. Во всякомъ случаѣ, по совокупности всѣхъ данныхъ, надо полагать, что Херсонесъ въ концѣ V или въ самомъ началѣ IV вѣка былъ уже устроенной греческой колоніей.

Но, послѣ этого отступленія, изложимъ далѣе теорію Александра Львовича. «Занявъ наиболѣе легко, удобно и просто обороняемый полуостровъ близъ Казачьей бухты и построивъ тамъ городъ»,—продолжаетъ авторъ—«не всѣ граждане долго усидѣли на мѣстѣ. По многимъ причинамъ положеніе ихъ было не блестящее, и не мудрено, что скоро они стали искать лучшаго, знакомясь постепенно съ условіями страны вообще, и ближайшихъ окрестностей въ особенности». Значитъ, «близкое знакомство со страною», которое, по Александру Львовичу, гераклеоты пріобрѣли во время длинной войны съ боспорскими царями, повидимому, было недостаточное. О причинахъ, заставившихъ часть гражданъ скоро переселяться, Александръ Львовичъ не желаетъ говорить: они, по его мнѣнію, субъективны, и могутъ быть понятны лишь тому, кто долго жилъ на этихъ мѣстахъ. Такъ какъ я къ числу этихъ лицъ не принадлежу, то о природныхъ условіяхъ судить не смѣю; отмѣчу только, что кромѣ нихъ Александръ Львовичъ указываетъ и на возможность политическихъ раздоровъ и говоритъ о «примиреніи гражданъ общей бѣдою» при скиѳской осадѣ. «Такъ или иначе»,—продолжаетъ Александръ Львовичъ—«горожане въ Старомъ Херсонесѣ не сидѣли на мѣстѣ, а стали занимать окрестности, по какимъ-то причинамъ все болѣе и болѣе скучиваясь и осѣдая въ мѣстности Новаго Херсонеса настолько прочно, что къ III вѣку (не опечатка-ли? срв. Бэртье, ук. соч., стр. 152) одинъ же изъ нихъ задумалъ выстроить тамъ даже и ограду, лучшую, чѣмъ въ старомъ городѣ, можетъ быть именно въ видахъ соперничества; однако, изъ этого сколько-нибудь цѣльнаго огражденія не вышло. Много-ли собралось гражданъ въ новомъ городѣ, сколько ихъ осталось въ старомъ, нельзя опредѣлить даже и относительно; мнѣ кажется только возможнымъ утвер-

ждать, что если ихъ и было большинство въ новомъ городѣ, то и старый все-таки не былъ покинутъ совершенно до осады. Самое построеніе новаго города никоимъ образомъ не могу себѣ представить въ видѣ одновременнаго перетаскиванія стараго по чьему-то приказу. Конечно, никто не думалъ ломать въ немъ и разбирать общественныя зданія, храмы, памятники, надписи и забирать самые ихъ камни. Все подобное, если частью и переносилось, то крайне медленно, и, вѣроятно, въ очень позднее время; а храмы, конечно, оставались всего долѣе нетронутыми. И тамъ, навѣрное, были консерваторы, упорно и долго отстаивавшіе и святыни и могилы отцовъ. Можетъ быть, не напрасно и не по ошибкѣ, какъ и все остальное, сказалъ Страбонъ, что на мысѣ Парѳеніи хотя городъ и въ развалинахъ, но храмъ богини и ея статуя тамъ сохранились. Какъ бы то ни было, но ко времени скиѳскихъ войнъ старый городъ еще цѣлъ и за его стѣнами, хотя старыми, но все же прочными, нашли себѣ спасеніе всѣ граждане, покинувъ открытый новый городъ, въ которомъ къ тому времени были, такъ сказать, образцы пробы военнаго строительства, но не было крѣпостной ограды. Успѣшно выдержавъ осаду, избавившись отъ набѣговъ скиѳовъ, граждане возвратились въ новый городъ. Разореніе тамъ конечно было, за то побѣды царя дали достаточную обезпеченность въ будущемъ и новый городъ заселили всѣ граждане, примиренные общей бѣдой; а умудренные горькимъ опытомъ они начали возводить тамъ и стѣны въ большомъ размѣрѣ. Старый городъ съ этой поры забросили окончательно, почему онъ и оказался разрушеннымъ ко времени Страбона. Подобное объясненіе, само по себѣ совершенно естественное, отвѣчаетъ рѣшительно всему, намъ извѣстному и находимому, крупному и мелкому, вполнѣ соглашая все это съ безусловно точнымъ и достаточно подробнымъ указаніемъ Страбона, который, такимъ образомъ, съ честью выходитъ изъ-подъ сомнѣнія въ настоящемъ случаѣ».

Я счелъ необходимымъ это рѣшеніе возбужденныхъ мною сомнѣній со стороны Александра Львовича передать въ подробной выпискѣ его собственныхъ словъ; мнѣ въ слѣдующемъ придется не разъ считаться съ его формулировкой и поэтому удобнѣе, если почтенное собраніе заранѣе съ нею знакомо по связному тексту. Итакъ, Александръ Львовичъ предлагаетъ объясненіе, которое должно примирить показаніе Страбона съ фактомъ существованія города Херсонеса съ IV вѣка у Карантинной бухты. Александръ Львовичъ убѣжденъ, что при этомъ объясненіи, выражаясь картинно, и овцы будутъ цѣлы и волки будутъ сыты. Будетъ-ли бѣдная овца—въ данномъ случаѣ Страбонъ—удовлетворена этимъ спасеніемъ, мы ниже увидимъ; я, какъ волкъ, долженъ заявить, что я не сытъ.

Хотя Александръ Львовичъ и говоритъ, что не только трудно опредѣлить, по какимъ причинамъ часть гражданъ изъ Стараго Херсонеса переселилась въ Новый городъ на Карантинной бухтѣ, но и безполезно въ разсматриваемомъ вопросѣ, тѣмъ не менѣе онъ самъ совершенно правильно указываетъ на тѣ два объясненія этого факта, которыя логически допустимы. И дѣйствительно, помимо нихъ, другихъ объясненій придумать нельзя. Это переселеніе части жителей могло послѣдовать или изъ-за ихъ

враждебнаго отношенія къ остальной части, или-же мирнымъ путемъ изъ-за природныхъ условій, хозяйственныхъ интересовъ и т. п. «Tertium non datur»— отношенія этихъ двухъ группъ горожанъ были или враждебными или мирными между собою.

Остановимся пока на первой возможности, которой Александръ Львовичъ, судя по дальнѣйшему его изложенію («новый городъ заселили всѣ граждане, *примиренные* общей бѣдой» и «одинъ изъ нихъ задумалъ выстроить ограду, лучшую, чѣмъ въ старомъ городѣ, быть можетъ именно въ видахъ *соперничества*»), даетъ предпочтеніе. Итакъ, часть горожанъ изъ-за партійныхъ раздоровъ оставляетъ недавно учрежденную колонію. Я не стану распространяться о томъ, что выходцы, оставшіеся въ политической борьбѣ въ меньшинствѣ, едва-ли могли рѣшиться на поселеніе на такомъ близкомъ разстояніи отъ своей родины; они должны были-бы предвидѣть, что враждебное имъ большинство въ городѣ приметъ всякія мѣры, чтобы мѣшать ихъ рыбной ловлѣ, ихъ торговлѣ, ихъ обработкѣ полей, съ цѣлью не дать крѣпнуть своимъ противникамъ и отнынѣ конкурентамъ; положеніе этихъ выходцевъ усугубилось еще тѣмъ, что они должны были одновременно ожидать враждебныхъ дѣйствій еще со стороны морскихъ разбойниковъ-тавровъ и сосѣднихъ скиѳовъ. Правда, мы имѣемъ изъ греческой исторіи аналогичные случаи: — политическіе выходцы укрѣплялись въ лагеряхъ близъ своего города; но это они всегда дѣлали съ цѣлью вести ожесточенную борьбу противъ другой партіи, борьбу, въ которой или побѣждали или погибали (срв. Алкмеониды въ Лейпсигидріи, Ѳрасибулъ въ Филахъ и Пиреѣ и мн. др.). Здѣсь же мы имѣли бы тотъ безпримѣрный случай, что два враждебныхъ лагеря вѣками существовали рядомъ на двѣнадцати верстномъ разстояніи, не уничтожая другъ друга, не обращаясь къ постороннему вмѣшательству, не приглашая, напримѣръ, боспорскихъ царей, не натравливая скиѳовъ одинъ противъ другого, и вѣками живя рядомъ другъ съ другомъ враждебно, но не проявляя на дѣлѣ эту вражду, пока въ первомъ столѣтіи до Р. Х. эти два лагеря, «примиренные общей бѣдой» вслѣдствіи скиѳскихъ войнъ, не соединяются снова.

Я обо всемъ этомъ, повторяю, распространяться не стану: какъ исторически ни невѣроятны, скажу прямо, небывалы и безпримѣрны тѣ послѣдствія, которыя логически вытекаютъ изъ поставленной Александромъ Львовичемъ первой посылки, все же историческая невѣроятность и безпримѣрность можетъ казаться недостаточнымъ доказательствомъ. Требуется поэтому еще болѣе убѣдительный аргументъ. Его не трудно пріискать. Если часть горожанъ изъ-за политическихъ раздоровъ рѣшается на крайній шагъ, оставить свой городъ, то ясно, что она дѣлаетъ этотъ шагъ потому, что считаетъ для себя невозможнымъ жить при установившихся въ родномъ городѣ порядкахъ. Если эта часть горожанъ поселяется хоть и по близости, въ данномъ случаѣ на двѣнадцати верстномъ разстояніи у Карантинной бухты, то ясно, что она не будетъ подчиняться государственной власти оставленнаго ею города, его должностнымъ лицамъ. Въ противномъ случаѣ весь этотъ выходъ, это переселеніе было-бы абсурдомъ. Эта часть, значитъ, организуется самостоя-

тельно, избираетъ своихъ должностныхъ лицъ, создаетъ свою конституцію, издаетъ свои законы, однимъ словомъ, учреждаетъ, по термину греческаго государственнаго права,—πόλις, т. е. автономное городъ-государство. Мы такимъ образомъ должны предполагать, что рядомъ, на двѣнадцати-верстномъ разстояніи, одновременно существовало два автономныхъ, конкурирующихъ другъ съ другомъ города-государства. Ладно. Какое изъ нихъ, спрашивается дальше, былъ Херсонесъ? По Бертье-Страбону—городъ, основанный въ началѣ IV вѣка и существовавшій до конца I вѣка у Казачьей бухты, а по археологическимъ находкамъ, именно надписямъ, относящимся также еще къ IV вѣку, такъ назывался городъ у Карантинной бухты. Итакъ, выходитъ, что мы имѣемъ близко другъ отъ друга два автономныхъ, враждебныхъ притомъ, города, изъ которыхъ одинъ основанъ, въ крайнемъ случаѣ, на 25—50 лѣтъ позже другого, которые оба называются Херсонесомъ, безъ всякаго различительнаго эпитета. Въ открытыхъ при раскопкахъ надписяхъ, которыя относятся ко времени отъ IV до I вѣка, на монетахъ того-же періода, въ извѣстіяхъ у древнихъ авторовъ, начиная съ Скилакса, всегда рѣчь идетъ объ одномъ городѣ Херсонесѣ въ Тавридѣ. До очевидности ясно, что два одноименныхъ автономныхъ города рядомъ не существовали и не могли существовать, а вслѣдствіе этого также до очевидности ясно, что возможность переселенія части горожанъ изъ-за политическихъ раздоровъ не допустима.

Остается вторая возможность. Часть горожанъ, по хозяйственнымъ или природнымъ, условіямъ разселяется по окрестностямъ и по какимъ-нибудь причинамъ все болѣе и болѣе скучивается въ мѣстности около Карантинной бухты. Разселеніе это происходитъ совершенно мирнымъ путемъ. Живущіе внѣ городской черты граждане остаются подданными своего государства, управляются его должностными лицами, и центральная власть по прежнему сосредоточена въ городѣ. Существованіе такихъ городскихъ усадебъ, даже цѣлаго пригорода или предмѣстья, конечно, явленіе совершенно естественное и мыслимое. Если мы съ такимъ явленіемъ встрѣчаемся въ колоніи, учрежденной во враждебной странѣ, оно, кстати замѣтить, должно быть признано доказательствомъ мощи колоніи, доказательствомъ того, что колонія владѣла довольно широкой территоріею и умѣла ее такъ защищать и усмирять, что живущіе въ сосѣдствѣ варвары не смѣли думать о враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ живущихъ въ открытыхъ хуторахъ и предмѣстьяхъ горожанъ: иначе послѣдніе, конечно, не рѣшились-бы поселиться внѣ района защиты городскихъ стѣнъ. Данныя знаменитой присяги, въ виду этого, едва-ли могутъ считаться «обычнымъ греческимъ бахвальствомъ» (Бертье, стр. 192), тѣмъ менѣе, что примѣры «такого обычнаго бахвальства» въ оффиціальномъ документѣ, да еще несловоохотливыхъ дорянъ, въ документѣ, притомъ, составленномъ не для припровожденія иностранной державѣ, а въ назиданіе собственнымъ гражданамъ, положительно изъ всей греческой исторіи неизвѣстны. Итакъ, повторяю, существованіе открытаго предмѣстья рядомъ съ укрѣпленнымъ городомъ, въ которомъ сосредоточено все управленіе, вполнѣ допустимо. Но не то мы находимъ въ Херсонесѣ. Этотъ предполагаемый пригородъ, повидимому, очень скоро при-

влекаетъ къ себѣ главную массу населенія города; надписи, раскопанныя въ поселеніи на Карантинной бухтѣ, свидѣтельствуютъ, что живущее здѣсь населеніе издаетъ свои обязательныя постановленія отъ имени Херсонесцевъ, управляется своими должностными лицами; и еще въ IV вѣкѣ этотъ предполагаемый пригородъ имѣетъ свое огражденіе и начинаетъ воздвигать значительныхъ размѣровъ стѣну,—по греческому государственному праву, всегда ясное доказательство самостоятельности и автономности города. Даже Александръ Львовичъ видитъ себя вынужденнымъ отчасти признать это положеніе дѣлъ. «Если и большинство ихъ (т. е. гражданъ) и было въ новомъ городѣ»—говоритъ онъ—«то и старый все-таки не былъ покинутъ совершенно до осады». Мы такимъ образомъ получаемъ ту же дилемму, какъ при первой посылкѣ: два города «Херсонесъ», изъ которыхъ каждый является самостоятельнымъ.

Но я забываю, что я напрасно говорю объ этой дилеммѣ: Александръ Львовичъ же именно и доказываетъ, что новый городъ на Карантинной бухтѣ до римскаго времени былъ открытымъ, что онъ огражденія не имѣлъ и, слѣдовательно, мы могли бы утверждать, что этотъ новый городъ является только составною частью стараго, управляемымъ имъ и зависящимъ отъ него предмѣстьемъ. Однако, ранѣе чѣмъ рѣшиться на такое утвержденіе, которое является очень рискованнымъ въ виду того, что, по найденнымъ памятникамъ, жители этого «предмѣстья» распоряжаются отъ имени Херсонесцевъ—а вѣрить тому, что въ «очень позднее время», должно быть какимъ-нибудь любителемъ археологіи, эти документы перевезены были изъ стараго города въ новый, я никакъ не могу — раньше, повторяю, чѣмъ рѣшиться на такое утвержденіе, я все-таки полагаю необходимымъ, разобрать вопросъ, дѣйствительно-ли доказано Александромъ Львовичемъ, что этотъ городъ или это поселеніе на Карантинной бухтѣ до конца I вѣка до Р. Х. огражденія не имѣлъ.

Александръ Львовичъ Бертье-Делагардъ посвятилъ цѣлую, весьма интересную главу своей книги вопросу о крѣпостной оградѣ въ Новомъ Херсонесѣ. Съ полнымъ знаніемъ строительнаго и военнаго дѣла изслѣдуется авторомъ исторія устройства крѣпостныхъ куртинъ и башенъ города и съ величайшей точностью устанавливается послѣдовательность исполненія всѣхъ частей городской ограды и отмѣчаются всѣ измѣненія въ планѣ и системѣ фортификаціи. Отсылая почтенное собраніе къ самой работѣ автора, стоящей по тонкости и точности наблюденій на той высотѣ требованій, которыя современная археологія привыкла предъявлять со времени изслѣдованій Дёрпфельда къ подобнымъ изысканіямъ въ области античнаго строительнаго дѣла, я изъ богатаго содержанія этой главы отмѣчу только тѣ пункты, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ занимающему насъ здѣсь вопросу.

Результаты изслѣдованія Александра Львовича въ этой части его работы сводятся къ слѣдующему: 1) Остатки прекрасной античной кладки стѣны, которые впервые открыты были при раскопкахъ 1899 года, представляютъ собою «слабые зачатки» создать ограду для города, который ея до

сихъ поръ не имѣлъ (стр. 99—100). Эта первая попытка относится къ срединѣ IV вѣка до Р. Х. (стр. 152); стѣна заложена была на ничтожномъ протяженіи въ 180 метровъ (стр. 112), между тѣмъ какъ протяженіе всей сухопутной ограды Херсонеса равняется 1300 метрамъ. Стѣна строилась уступами, и, не выровнивъ ихъ и не доведя стѣну до полной высоты, прекращаютъ работу, должно быть за неимѣніемъ средствъ. 2) Затѣмъ, столѣтіе спустя, работа возобновляется на тѣхъ-же мѣстахъ ограды. Уступы теперь выравниваются, начатыя при постройкѣ IV вѣка ворота задѣлываются, начинается постройка двухъ новыхъ башенъ и одной куртины—но и теперь работа не доводится до конца. 3 и 4) Дальше въ два пріема—во второй разъ повидимому не раньше временъ Миѳрадота (стр. 153)—возобновляются работы по расширенію ограждаемой площади; но и теперь работы останавливаются на половинѣ. 5 и 6) Наконецъ, дѣлается сплошная засыпка вдоль всѣхъ почти построенныхъ до сихъ поръ стѣнъ для образованія черезъ лощину гребни и на ней проѣзжей дороги и затѣмъ возводятъ вполнѣ сухопутныя стѣны города. Работы эти можно датировать между концомъ I вѣка до Р. Х. и срединой II вѣка по Р. Х.

Изъ этихъ наблюденій Александръ Львовичъ и выводитъ свое выше уже упомянутое заключеніе, что городъ на Карантинной бухтѣ до I вѣка до Р. Х., еще во время скиескихъ войнъ, былъ открытымъ и никакой крѣпостной ограды не имѣлъ. Я, конечно, далекъ отъ мысли оспаривать основательность сущности приведенныхъ наблюденій; все-же кое-какія замѣчанія я имѣлъ-бы сдѣлать по поводу нѣкоторыхъ деталей. Во-первыхъ, я склоненъ отнести постройку перваго яруса стѣнъ къ немного болѣе раннему времени, чѣмъ Александръ Львовичъ,—а именно къ первой четверти IV вѣка, а не къ его второй половинѣ; со стороны «техники» никакихъ препятствій къ такому передвиженію даты нѣтъ, и характеръ мѣтокъ каменщиковъ, а главнымъ образомъ характеръ находокъ въ погребальномъ склепѣ, заложенномъ внутри стѣны вмѣстѣ съ ней, рекомендуетъ отнести сооруженіе этого древнѣйшаго яруса стѣны къ началу IV вѣка. Затѣмъ я не раздѣляю мнѣнія Александра Львовича, что второй строительный періодъ отдѣленъ отъ перваго промежуткомъ въ цѣлое столѣтіе. Кромѣ того, что «способъ работы значительно ухудшенъ», и что «нѣтъ рабочихъ мѣтокъ» во второмъ ярусѣ, какой-нибудь значительной разницы между техникой работы въ этихъ двухъ ярусахъ нѣтъ: она сохранила и во второмъ ярусѣ первичный способъ тески въ рустъ. Александръ Львовичъ мотивируетъ свое мнѣніе о длинномъ промежуткѣ между возведеніемъ этихъ двухъ ярусовъ указаніемъ на то, «что въ каменотесномъ дѣлѣ разъ установившіеся пріемы весьма туго поддаются измѣненіямъ» (стр 152); но въ данномъ случаѣ это указаніе врядъ-ли можетъ рѣшить дѣло въ смыслѣ Александра Львовича. Ухудшеніе способа работы на первомъ мѣстѣ зависитъ отъ разнообразія рабочей артели и качества матеріала, который ей предоставляется; остается только вопросъ о рабочихъ мѣткахъ. Изъ того, что на стѣнѣ перваго яруса онѣ поставлены, а на стѣнѣ второго яруса ихъ нѣтъ, я никакъ не могу заключить, что между ихъ постройкою лежитъ промежутокъ въ

столѣтіе. Допуская даже, что каменщики отличались въ древности какимъ-нибудь особеннымъ консерватизмомъ, все-же въ каменотесномъ дѣлѣ наступилъ опредѣленный моментъ, когда въ послѣдній разъ ставили мѣтки, и когда въ первый разъ ихъ не ставили: переходной эволюціей между этими двумя моментами нѣтъ; ничего намъ не мѣшаетъ допустить, что постройка перваго яруса относится къ концу того періода, когда еще ставились мѣтки, а постройка второго яруса къ началу того періода, когда этотъ обычай уже былъ оставленъ. Такимъ образомъ вполнѣ возможно сблизить сроки возведенія этихъ двухъ ярусовъ. Это сближеніе рекомендуется не только въ виду одинаковости техники тески въ рустъ, а главнымъ образомъ потому, что уступы перваго яруса даже въ острыхъ углахъ, заканчивающихъ отдѣльный уступъ камней, не показываютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ поврежденій, вывѣтриванія и т. п. Врядъ-ли это возможно было-бы, если-бъ эти уступы остались цѣлое столѣтіе не выровненными. Итакъ, я полагаю, что и второй строительный періодъ долженъ быть датированъ IV вѣкомъ, что онъ отдѣленъ отъ перваго незначительнымъ только промежуткомъ и что еще въ IV вѣкѣ стѣна на протяженіи 180 метровъ была выровнена и доведена до высоты 4 метровъ (срв. Бертье, ук. соч., стр. 102).

Наконецъ, мое послѣднее замѣчаніе касается сужденія Александра Львовича относительно толщины этой крѣпостной стѣны въ первыхъ ея ярусахъ: оно послужитъ для меня точкой отправленія для разбора окончательнаго вывода почтеннаго автора. Александръ Львовичъ, полемизируя противъ высказаннаго въ описаніи (помѣщенномъ въ «Извѣстіяхъ Импер. Арх. Коммиссіи», I, 29) вывода о поразительной прочности этой стѣны, находитъ напротивъ, «что по *тогдашнимъ* понятіямъ она едва была достаточной. Обыкновенно въ такихъ низкихъ и ровныхъ мѣстахъ, не на горныхъ кручахъ ограды дѣлали сильнѣе. Напримѣръ, по Филону толщина стѣны полагалась не менѣе 10 локтей (4,60 м.)». Дальше, по мнѣнію почтеннаго автора, башни малы, неудачной формы; «по Филону, лишь повторившему давнія правила, ясно видно полное сознаніе важности идеи бокового обстрѣливанія и иного устройства башенъ для этого». Я полагалъ-бы, что для установленія «тогдашнихъ понятій» о требованіяхъ, предъявляемыхъ къ прочности стѣнъ, болѣе цѣлесообразно вмѣсто ссылки на правила, данныя византійскимъ писателемъ Филономъ, привлечь тотъ матеріалъ, который имѣется въ нашемъ распоряженіи отъ V и IV вѣковъ до Р. Х.

Вѣдь извѣстно, что въ эллинистическій и, главнымъ образомъ, въ римскій періодъ поліоркетика и въ связи съ этимъ и фортификаціонное искусство дѣлали значительные успѣхи, и что изобрѣтеніе болѣе совершенныхъ осадныхъ и стѣнобитныхъ машинъ и развитіе того, что мы называемъ теперь артиллеріею, относится къ гораздо болѣе позднему времени, чѣмъ то, о которомъ въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь. Поэтому историкъ, сообразующійся съ требованіями исторической перспективы, которая тоже не «чистое мѣсто», а дисциплина, имѣющая свои точныя и опредѣленныя начала, не станетъ судить о достаточности херсонесскихъ стѣнъ IV вѣка на основаніи данныхъ византійскаго писателя, а лишь на основаніи того ма-

теріала относительно древне-греческихъ стѣнъ, которымъ мы располагаемъ изъ періода, близкаго по времени къ сооруженію этихъ херсонесскихъ стѣнъ. Если стать на эту сравнительную точку зрѣнія, единственно возможную въ данномъ случаѣ, то вопросъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Толщина херсонесскихъ стѣнъ этихъ первыхъ двухъ ярусовъ въ куртинахъ 16—17 равняется 3,85 м. (Бертье, стр. 95). Сопоставимъ съ этимъ цифры, которыя намъ извѣстны относительно толщины стѣнъ самаго могущественнаго въ Греціи города-государства,—Аѳинъ. Построенныя Ѳемистокломъ послѣ первыхъ побѣдъ надъ Персами при Саламинѣ и Платеяхъ городскія стѣны имѣли толщину въ 2,40—2,60 метровъ; построенныя имъ-же, и усовершенствованныя потомъ Кимономъ и Перикломъ укрѣпленія Пирея имѣли съ сѣверной стороны толщину въ 2,50—2,80 м.; со стороны моря 3—3,60 м.; и лишь части сухопутной стѣны съ юга равнялись 5 метрамъ и больше. «Длинныя стѣны», возобновленныя въ IV вѣкѣ Конономъ,—стѣны, соединяющія Аѳины съ Пиреемъ,—въ среднемъ имѣли толщину въ 3,66 м. (срв. подробности въ новѣйшемъ трудѣ по топографіи Аѳинъ—Iudeich'a: Topographie von Athen, 1905, passim). Итакъ оказывается, что аѳинскія стѣны, которыя считались совершенно неприступными, которыхъ спартанское войско, первое въ то время въ мірѣ, во все продолженіе длинной пелопоннесской войны ни разу не осмѣливалось аттаковать или штурмовать, по толщинѣ уступали стѣнамъ въ Херсонесѣ.

Далѣе мы знаемъ, что въ IV вѣкѣ возстановлено было мессенское государство и вновь учрежденный городъ превращенъ былъ въ первокласную крѣпость. Вся антиспартанская коалиція во главѣ съ Ѳивами участвовала въ созданіи этого оплота противъ Спарты, средства были въ распоряженіи весьма значительныя и тѣмъ не менѣе, стѣны Мессены, какъ на это указываетъ совершенно вѣрно Александръ Львовичъ въ другомъ мѣстѣ своего труда (стр. 126), имѣли меньшую толщину, чѣмъ херсонесскія.

Думаю, что послѣ этого составитель описанія имѣлъ право говорить о «поразительной прочности» этихъ стѣнъ. Но не ради лишь установленія этого сравнительно маловажнаго факта я указалъ здѣсь на имѣющійся изъ соотвѣтствующаго періода древне-греческой исторіи матеріалъ. Этотъ матеріалъ въ связи съ документальными данными и свѣдѣніями, сохраненными въ трудахъ двухъ первоклассныхъ историковъ-полководцевъ того періода, даетъ намъ возможность судить о способѣ и характерѣ построенія стѣнъ въ это время вообще и этимъ самымъ выяснить вопросъ о херсонесской крѣпостной оградѣ.

Ѳукидидъ (I, 89 слѣд.) подробно разсказываетъ о постройкѣ стѣнъ въ Аѳинахъ послѣ битвы при Платеяхъ (478 г.) и о дипломатической хитрости Ѳемистокла, проявленной послѣднимъ по этому случаю. Я, правда, считаю разсказъ о протестѣ Спарты и дипломатической интригѣ Ѳемистокла лишь анекдотомъ, лишеннымъ исторической достовѣрности, и подробнѣе изложилъ свой взглядъ на этотъ вопросъ въ статьѣ въ журналѣ Hermes (39, стр 543 слѣд.); и послѣ отвѣта на мою статью, помѣщеннаго Эд. Мейеромъ въ томъ же журналѣ (Hermes, 40), я не вижу основанія перемѣнить свой взглядъ на характеръ этого разсказа. Но не въ томъ здѣсь дѣло,

а въ томъ, что Ѳукидидъ, бывшій самъ аѳинскимъ стратегомъ, передаетъ по поводу этого конфликта между Аѳинами и Спартою подробности о способѣ постройки аѳинскихъ стѣнъ, которыхъ онъ конечно не сообщилъ-бы, если-бъ считалъ ихъ чѣмъ-то совершенно несуразнымъ. Итакъ, онъ разсказываетъ, что Ѳемистоклъ изъ числа избранныхъ пословъ пока одинъ отправился въ Спарту, приказавъ, чтобы въ Аѳинахъ всѣми силами принялись за устройство стѣнъ, привлекая къ работѣ и женщинъ и дѣтей и употребляя въ дѣло всякій матеріалъ; другіе послы должны были слѣдовать за нимъ только тогда, когда стѣна уже будетъ доведена до высоты, позволяющей за нею защищаться. Все это было исполнено, и Спартанцы должны были считаться съ совершившимся фактомъ. Такъ какъ Ѳемистоклъ во всякомъ случаѣ не дольше, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ, могъ обманывать Спартанцевъ разными увертками и дипломатическими переговорами—дѣйствительно, весною 478 года этотъ конфликтъ уже былъ улаженъ—то, по Ѳукидиду, выходитъ, что въ продолженіе немногихъ осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ возможно было построить стѣну въ Аѳинахъ на протяженіе девяти верстъ, хотя и не до полной высоты, но все-таки до такой, что защита за стѣнами уже мыслима. Такое предположеніе Ѳукидидъ могъ, конечно, допустить только тогда, если онъ зналъ, что фундаменты этихъ стѣнъ были воздвигнуты изъ всякихъ, попавшихъ подъ руку камней и что надъ фундаментами стѣна построена была изъ сырца. И мы здѣсь не имѣемъ дѣла съ временнымъ укрѣпленіемъ: эту ѳемистоклову стѣну достроили, по преданію, лѣтомъ 478 года и она продолжала существовать; въ первые годы пелопоннесской войны, по свидѣтельству схоліаста къ Аристофану, ее мѣстами исправили и дополнили. Мы о ней можемъ судить только по фундаментамъ: ихъ каменный цоколь не выше 1—1,15 м. и сложенъ весьма различно, причемъ пошли въ дѣло разные архитектурные фрагменты, куски отъ статуй и т. д.

Еще поучительнѣе, чѣмъ этотъ разсказъ о постройкѣ ѳемистокловыхъ стѣнъ въ Аѳинахъ, является подробное описаніе осады и взятія города Мантинеи (въ 384 году), которое сохранено въ трудѣ знаменитаго знатока военнаго дѣла Ксенофонта.

Послѣ заключенія Анталкидова мира—такъ разсказываетъ современникъ и очевидецъ этихъ событій Ксенофонтъ (Hell. V, 2, 1—8).—Спартанцы, значительно окрѣпшіе вслѣдствіе оказанной имъ поддержки со стороны персидскаго царя, рѣшили на первомъ мѣстѣ возстановить свой престижъ въ Пелопоннесѣ и примѣрно наказать тѣхъ изъ союзниковъ, которые оказались неблагонадежными во время войны съ антиспартанской коалиціею. Они для этой цѣли отправляютъ посольство въ Мантинею и требуютъ низложенія крѣпостной ограды. Такъ какъ мантинейцы не повинуются, то царь Агисиполь выступаетъ противъ нихъ въ походъ. Штурмовать крѣпость онъ не рѣшается; онъ окружаетъ городъ осадой,—рвомъ и контръ-стѣной, и надѣется его принудить къ капитуляціи голодомъ. Но скоро онъ убѣждается, что эта осада можетъ длиться очень долго, такъ какъ въ городѣ достаточный провіантъ, и тогда онъ запруживаетъ насыпью текущую черезъ городъ рѣку Офисъ, въ данный моментъ многоводную вслѣдствіе обиль-

дождей. Уровень воды въ городѣ поднимается, въ виду того, что стокъ въ нижнемъ теченіи загороженъ насыпью или дамбою, выше фундаментовъ домовъ и стѣны; нижніе слои сырца (πλίνθοι), изъ котораго построена была стѣна, промокли и не были въ состояніи выдержать давленія высшихъ слоевъ; стѣна получаетъ трещины и наклоняется. Мантинейцы подпираютъ ее сначала бревнами, но затѣмъ, боясь, что вся стѣна и башня рухнетъ, согласились снести стѣну и исполнить требованія Спартанцевъ.

Изъ этого разсказа мы видимъ, что воздвигнутая между 421—418 годами стѣна Мантинеи построена была на каменномъ фундаментѣ изъ сырца, такъ какъ хорошо обожженный кирпичъ не размокъ-бы сейчасъ при наводненіи и не далъ бы трещины; и мы дальше видимъ, что такая сырцовая стѣна считалась вполнѣ достаточной обороною для города: вѣдь даже Спартанцы, наиболѣе опасные противники въ сухопутной борьбѣ, не помышляютъ о возможности штурмовать городъ. Не иначе дѣло обстоитъ при сооруженіи стѣнъ еще въ IV вѣкѣ въ Греціи. Кононъ востановилъ длинныя стѣны Аѳинъ между 396—378 годами. Изъ сохранившихся оффиціальныхъ документовъ, касающихся этой постройки (C. I. A. II, 176; 830, 4; 832, 4; IV, 2, 830 d[4].) мы узнаемъ, что эти стѣны состояли изъ каменнаго фундамента (λιθολόγημα), затѣмъ изъ рядовъ кирпичей, высушенныхъ на воздухѣ (Lehmziegel, πλίνθοι); на верху ихъ устроенъ парапетъ (ἔπαλξις, Brustwehr) и прикрѣплены сплетенные щиты (θωρακεῖα, Schutzflechtschilde).

Вотъ эти то данныя о способѣ устройства стѣнъ въ древней Греціи въ V и IV вѣкѣ надо имѣть въ виду, чтобы составить себѣ правильное представленіе о характерѣ древнѣйшей крѣпостной ограды въ Херсонесѣ. Если выходить отъ этихъ историческихъ аналогій, то получается приблизительно слѣдующая картина. Около конца V или въ самомъ началѣ IV вѣка выходцы изъ Гераклеи оккупируютъ территорію въ Тавридѣ и здѣсь около Карантинной бухты выбираютъ себѣ мѣсто для основанія колоніи. Согласно общему греческому обычаю они первымъ дѣломъ свой „полисъ“ снабжаютъ оградою. Всѣ автономные греческіе города обязательно имѣютъ такую ограду,—на открытую Спарту всегда указывается, какъ на исключеніе. Если уже на греческомъ материкѣ нѣтъ незагражденныхъ городовъ, то, конечно, всякое поселеніе на чужбинѣ, гдѣ вокругъ живутъ „варвары“, немыслимо безъ ограды. Ее построить, какъ мы видѣли, въ тогдашнее время не особенно мудрено. На невысокомъ фундаментѣ изъ необтесанныхъ камней воздвигали стѣну изъ кирпича-сырца, а на верху снабжали ее брустверомъ или парапетомъ и сплетенными щитами; въ лучшемъ случаѣ пристраивали изъ того-же матеріала нѣсколько башенъ,—въ Мантинеѣ, по свидѣтельству Ксенофонта, была лишь одна. Такую, должно быть, ограду имѣло и поселеніе на Карантинной бухтѣ; она представляла противъ возможныхъ нападеній скиѳовъ или тавровъ вполнѣ надежную защиту: вѣдь даже спартанское войско не рѣшалось взять приступомъ подобную ограду Мантинеи. Но части этой ограды вокругъ поселенія у Карантинной бухты грозила опасность отъ другого врага, отъ того же врага, который около того же

времени заставилъ Мантинейцевъ подчиниться безпрекословно требованіямъ грозной Спарты.

Въ глубокой лощинѣ, которая со стороны материка примыкаетъ къ холмику на Карантинной бухтѣ, стекалась вода послѣ каждаго сильнаго дождя, стекалась вода весенняго разлива; и, какъ вѣрно показалъ Александръ Львовичъ, одинъ рукавъ бухты врѣзался въ часть этой лощины; стѣнѣ изъ сырца, проведенной по ней, предстояла участь мантинейской. И вотъ, городъ, или скорѣе одинъ богатый гражданинъ (послѣднее предположеніе вѣроятнѣе въ виду устройства одного фамильнаго склепа въ самой стѣнѣ), рѣшается на крупный, по тогдашнему времени, расходъ и приступаетъ къ замѣнѣ въ этой лощинѣ на протяженіи 180 м. прежней ограды новою, массивно-каменною, заложенною даже съ излишней роскошью. Работа эта при первомъ пріемѣ не была доведена до конца; по какой причинѣ, мы не знаемъ; естественнѣе всего предполагать, что смерть великодушнаго жертвователя ее остановила. Но послѣ недолгаго промежутка оставшіеся уступы выравниваются, прибавляются еще четыре ряда камней, худшей, правда, кладки, и стѣна доводится до высоты четырехъ метровъ. На верху, конечно, устраивается парапетъ, прикрѣпляются къ нему щиты, и эта стѣна въ такомъ видѣ вполнѣ достаточна, какъ для защиты отъ возможныхъ нападеній варваровъ, такъ и для защиты отъ наводненій.

Такой оставалась ограда Херсонеса до I вѣка до Р. Х. Развитіе осаднаго искусства, изобрѣтеніе осадныхъ машинъ поставили новыя требованія въ дѣлѣ укрѣпленія города. Лощина засыпается, строится новая, каменная ограда и по всей линіи постепенно прежняя простая стѣна изъ сырца на каменномъ фундаментѣ замѣняется массивной постройкою. Это развитіе долговременныхъ укрѣпленій изгладило и самые слѣды старой, простой ограды V—IV вѣка.

Въ пользу предложеннаго здѣсь объясненія по вопросу о херсонесскихъ стѣнахъ говоритъ во первыхъ то, что оно до мельчайшихъ подробностей находитъ себѣ опору въ выше приведенныхъ аналогіяхъ относительно способа укрѣпленій другихъ греческихъ городовъ въ названный періодъ, во вторыхъ то, что мы при немъ не принуждены предполагать, что поселеніе на Карантинной бухтѣ въ теченіе столѣтій оставалось неогражденнымъ. Поселеніе это существовало, по крайней мѣрѣ, съ IV вѣка, и, съ точки зрѣнія и моего уважаемаго оппонента, оно состояло не только изъ немногихъ рыбацкихъ хижинъ, разъ онъ допускаетъ мысль, что съ теченіемъ времени сюда переселилось чуть не большинство горожанъ изъ „Стараго Херсонеса“. Было-бы дѣйствительно безпримѣрно, неслыханно въ греческомъ мірѣ, еслибъ такой городъ, основанный на чужбинѣ, по сосѣдству съ враждебными варварами, населенный не только одними бѣдняками, но и — какъ доказываетъ устройство частичной массивной ограды—людьми со средствами, и благоустроенный въ смыслѣ управленія, до I вѣка до Р. Х. былъ „открытымъ“, незащищеннымъ отъ „налетовъ“ алчныхъ тавровъ и дикихъ скиѳовъ, которые, конечно, постоянно пользовались бы удобнымъ случаемъ совершать ночные набѣги и нападенія, перерѣзать жителей и

разграблять ихъ имущество. И, въ третьихъ, въ пользу предложеннаго объясненія говоритъ, наконецъ, и то, что мы при немъ не должны считать жителей такъ называемаго „Новаго Херсонеса" людьми прямо безумными, какими они на самомъ дѣлѣ являются согласно выводу Александра Львовича, „что городъ до I вѣка до Р. Х. былъ безъ ограды" (стр. 102). Дѣйствительно, только люди безумные могутъ такъ поступать, какъ заставляетъ дѣйствовать Херсонесцевъ мой почтенный оппонентъ. „Въ періодъ, соотвѣтствующій облицовкѣ перваго яруса стѣны, не только крѣпкой ограды, но и никакой не было у города",—таково заключеніе Александра Львовича (стр. 94). Итакъ, жители города должны переносить всѣ неудобства, которыя вытекаютъ изъ такого положенія,—конечно потому, что у нихъ нѣтъ средствъ построить то, что каждая греческая община имѣетъ въ то время. Но вдругъ ихъ бѣдственное положеніе измѣняется. Или самъ городъ пріискиваетъ себѣ средства, или, что вѣроятнѣе, одинъ изъ зажиточныхъ гражданъ жертвуетъ городу довольно крупную для того времени сумму. И вмѣсто того, чтобы на эти деньги выстроить сухопутную ограду въ родѣ мантинейской, совершенно достаточной для обезопасенія города, граждане, не соображаясь ни съ имѣющимися средствами, ни съ дѣйствительными потребностями, затѣваютъ роскошную постройку грандіозныхъ размѣровъ, и, растративъ на это незаконченное сооруженіе, по вычисленію Александра Львовича (стр. 152) до 15 тысячъ рублей по современнымъ цѣнамъ,—сумму, по тогдашнимъ понятіямъ, весьма значительную (Ротшильдъ IV вѣка, извѣстный Пасіонъ въ Аѳинахъ имѣлъ всего на всего состояніе въ 30 талантовъ т. е. около 100 тысячъ рублей ср. Beloch, Griech. Geschichte II, 351) и во всякомъ случаѣ вполнѣ достаточную для сооруженія законченной стѣны обыкновеннаго типа, продолжаютъ жить въ вполнѣ по прежнему открытомъ городѣ, довольствуясь слабыми зачатками прикрытія на ничтожномъ протяженіи. Такъ поступаетъ развѣ отчаянный игрокъ, который въ одну ночь прокучиваетъ состояніе, на проценты отъ котораго онъ могъ-бы существовать всю жизнь, но мы не имѣемъ ни малѣйшаго права приписать подобный образъ дѣйствій цѣлой общинѣ, состоящей изъ разумныхъ, взрослыхъ людей. .Александръ Львовичъ называетъ самъ свой выводъ „удивительнымъ и неожиданнымъ" (стр. 100),—съ этимъ я вполнѣ согласенъ; если онъ же прибавляетъ, что онъ „покажется несомнѣннымъ", то я позволилъ себѣ въ предыдущемъ подробно мотивировать свои сомнѣнія.

Подводя итоги, я утверждаю: городъ на Карантинной бухтѣ имѣлъ въ IV столѣтіи до Р. Х. такую же ограду, какъ большинство греческихъ городовъ того времени; фактъ, что начато было въ IV еще вѣкѣ сооруженіе массивной каменной стѣны, изъ котораго Александръ Львовичъ выводитъ заключеніе, что городъ до сихъ поръ былъ безъ ограды, доказываетъ напротивъ, что такая ограда существовала, ибо эта затѣя можетъ быть только разсматриваема, какъ рѣшеніе замѣнить на опредѣленномъ протяженіи, по совершенно опредѣленнымъ и основательнымъ причинамъ, прежнюю сырцовую крѣпостную ограду массивно-каменною.

Итакъ получается результатъ, что поселеніе на Карантинной

бухтѣ съ IV вѣка до Р. Х. имѣетъ всѣ признаки вполнѣ устроеннаго города и что и вторая изъ выше допущенныхъ альтернативъ для объясненія совмѣстнаго существованія и Стараго и Новаго Херсонеса оказывается въ силу имѣющихся на лицо данныхъ непріемлемой.

Но какъ же быть съ показаніями Страбона, особенно съ его разсказомъ о скиѳской осадѣ, который по Александру Львовичу такъ ясно обязываетъ насъ установить существованіе города Херсонеса на полуостровѣ у Казачьей бухты еще во времена Миѳрадата? На этотъ неизбѣжный вопросъ можетъ дать отвѣтъ лишь строго-филогическая интерпретація текста Страбона, и ею я и займусь въ заключеніе своего реферата.

III.

Приступая къ разбору показаній Страбона, я прежде всего долженъ замѣтить, что Страбонъ лично не посѣщалъ Чернаго моря и Тавриды. Это явствуетъ, какъ изъ его описанія климатическихъ условій страны между Борисѳеномъ и Меотитой (VII, 3, 18.=С. 307), такъ и изъ его словъ (VII, 4, 3=С. 304) συχνοὶ γοῦν τῶν διαπλευσάντων τὸν πορθμὸν ἅμα φασιν ἰδεῖν ἀμφοτέρας ἑκατέρωθεν τὰς ἄκρας. Изъ этихъ словъ: „по крайней мѣрѣ многіе изъ тѣхъ, которые проплывали этотъ проливъ (между Бараньимъ лбомъ и Пафлагонскимъ мысомъ Карамвіемъ) говорятъ, что они одновременно видѣли оба мыса по обѣимъ сторонамъ моря", очевидно вытекаетъ, что онъ себя къ числу этихъ проплывшихъ по Черному морю не причисляетъ. Въ противномъ случаѣ, еслибы онъ самъ сдѣлалъ отмѣченное здѣсь наблюденіе, ему незачѣмъ было ссылаться на другихъ; еслибъ онъ, въ противоположность ко всѣмъ другимъ (συχνοί), при своемъ плаваніи по Черному морю близь берега Крыма не могъ видѣть пафлагонскаго мыса, то онъ, конечно, не умолчалъ бы объ этомъ.

Впрочемъ, объ отсутствіи автопсіи у Страбона въ его описаніи Тавриды распространяться не стоитъ: ибо и Александръ Львовичъ Бертье въ одномъ изъ своихъ предыдущихъ цѣнныхъ ислѣдованій по археологіи Крыма (Записки XIV, 264), говоритъ, „что Страбонъ вѣроятно никогда не видѣлъ того, что онъ описываетъ". Между нами въ этомъ вопросѣ, такимъ образомъ, нѣтъ разногласія.

Тѣмъ не менѣе я счелъ нужнымъ особенно подчеркнуть этотъ фактъ отсутствія автопсіи: изъ него слѣдуетъ, что Страбонъ въ своемъ описаніи Тавриды вполнѣ въ зависимости отъ того матеріала, который былъ въ его распоряженіи; въ случаѣ, если критическая провѣрка этого матеріала заставитъ насъ отмѣтить въ немъ неточности, противорѣчія и т. д., установленіе подобныхъ недочетовъ не можетъ считаться посягательствомъ на авторитетъ великаго географа: вѣдь, онъ же не виноватъ, что лучшимъ матеріаломъ не располагалъ; съ другой стороны, въ случаѣ, если эта провѣрка докажетъ полную правдивость и вѣрность сообщенныхъ свѣдѣній, нечего восторгаться „величайшей точностью" Страбона: вѣдь, уже не особенная заслуга изъ имѣющихся перипловъ выбрать новѣйшій и, по видимому, менѣе другихъ ошибочный. Говорить поэтому о томъ, „выходитъ-ли Страбонъ съ

честью изъ подъ сомнѣнія" или нѣтъ, едва-ли правильно въ этомъ случаѣ. Въ большихъ заслугахъ и въ авторитетности античнаго Риттера никто изъ новыхъ историковъ, конечно, не сомнѣвается; это признаніе его заслугъ насъ съ другой стороны не избавляетъ отъ необходимости критически относиться къ его показаніямъ: разсуждая совершенно принципіально, мы можемъ сказать, что мы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Страбонъ основываетъ свои географическія показанія на личныхъ наблюденіяхъ (напр. въ географіи части Египта) мы гораздо труднѣе рѣшимся вѣрить въ неточности или ошибки, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Страбонъ передаетъ намъ не имъ самимъ провѣренныя свѣдѣнія изъ другихъ, неизвѣстныхъ намъ источниковъ. Вотъ почему указанный фактъ отсутствія автопсіи у Страбона при описаніи Тавриды не лишенъ значенія при разборѣ его показаній.

Вопросъ о томъ, какими источниками воспользовался Страбонъ при описаніи Сарматіи, Скиѳіи, Тавриды и Кавказа еще не достаточно разработанъ; въ противоположность къ мнѣнію Низе, (Hermes, 13, 42) который отрицаетъ, что Страбонъ имѣлъ подъ руками всѣ цитированные имъ труды и полагаетъ, что кругъ дѣйствительно имъ привлеченныхъ источниковъ довольно ограниченъ, я не вижу повода къ такому утвержденію. Напротивъ всѣ данныя за то, что Страбонъ дѣйствительно изучалъ сочиненія тѣхъ древнихъ авторовъ, которыя онъ приводилъ. Однако ссылками на нихъ онъ въ интересующемъ насъ отдѣлѣ своего труда подтверждаетъ или опровергаетъ лишь отдѣльныя показанія, и остается по этому невыясненнымъ, кого онъ подразумѣваетъ подъ довольно часто называемыми „нѣкоторые", „всѣ", „большинство", „говорятъ" и т. д., и составилъ ли онъ остовъ своего разсказа на основаніи контаминаціи извѣстій изъ многихъ источниковъ или положилъ въ основу своего изложенія преимущественно трудъ одного изъ своихъ предшественниковъ, дополняя и исправляя его разсказъ почерпнутыми изъ другихъ авторовъ свѣдѣніями?

Если судить по аналогіи способа его работы въ дальнѣйшихъ книгахъ (8—12), который тщательно анализированъ въ спеціальномъ изслѣдованіи ученаго Низе (Rh. M. 32, 267 слѣд.), то a priori становится вѣроятнымъ, что Страбонъ и въ 7. книгѣ опирался преимущественно на одинъ главный, руководящій источникъ, и внимательное чтеніе его описанія Сарматіи, Скиѳіи и Тавриды подтверждаетъ правильность этого заключенія. Въ основаніе его описанія положенъ несомнѣнно одинъ изъ такъ называемыхъ периплъ и, придерживаясь его, какъ путеводной нити, Страбонъ и излагаетъ то, что онъ могъ узнать о положеніи, условіяхъ жизни и историческихъ судьбахъ описываемыхъ имъ странъ. Автора этого перипла назвать я не берусь,—изъ разсказа ясно, что онъ жилъ не раньше I. вѣка до Р. Х.

Слѣдуя этому периплу Страбонъ, начиная съ рѣки Истра и описанія земли Гетовъ и Европейской Скиѳіи постепенно переходилъ съ устья Борисѳена къ Херсонесу Таврическому. Сообщивъ нѣкоторыя общія свѣдѣнія о Гниломъ озерѣ и о томъ перешейкѣ, который соединяетъ весь Таврическій полуостровъ съ материкомъ—причемъ довольно характерно для пригодности того матеріала, которымъ онъ располагаетъ, является то обстоя-

тельство, что Страбонъ предоставляетъ намъ на выборъ два показанія относительно длины этого перешейка, одно въ 40, а другое въ 360 стадій, — авторъ продолжаетъ свой разсказъ слѣдующими словами: „если плыть изъ Таниракскаго залива (немного выше онъ сообщилъ, что этотъ заливъ называется и Каркинитскимъ), то влѣво городокъ и другая гавань Херсонесцевъ."

Въ изданіи Мейнеке къ слову ἄλλος поставлена звѣздочка; и дѣйствительно, такъ какъ о Херсонесцахъ и о гавани ихъ не было рѣчи, то здѣсь довольно странно упоминаніе о „другой гавани", если первая еще не упомянута. Мейнеке поэтому предложилъ ἄλλος исправить въ ἅμα „вмѣстѣ съ тѣмъ". Чтеніе это по разнымъ соображеніямъ болѣе удовлетворительно; но вопросъ, имѣемъ-ли мы право, при полномъ согласіи всѣхъ рукописей, предполагать здѣсь ошибку писца, возникновеніе которой вовсе не такъ легко объяснимо.

Оставляя поэтому эту, мягко выражаясь, стилистическую неловкость на совѣсти автора или его источника, у котораго онъ заимствовалъ, можетъ быть, эту фразу, я здѣсь только отмѣчу, что по Страбону Херсонесцы имѣли городокъ и гавань въ Каркинитскомъ заливѣ: это вполнѣ соотвѣтствуетъ показанію знаменитой присяги изъ III вѣка до Р. Х., весь текстъ которой, по приговору Александра Львовича (стр. 142), „есть не что иное какъ обычное греческое бахвальство". Во всякомъ случаѣ непогрѣшимый въ глазахъ моего многоуважаемаго оппонента Страбонъ считаетъ городокъ и гавань стоющими упоминанія; что здѣсь было тогда только „нѣсколько рыбачьихъ лачугъ съ кучами соли" (стр. 192), это—голословное утвержденіе, которое, если уже не считаться съ оффиціальнымъ документомъ, едва-ли согласуемо съ фактомъ упоминанія „этихъ немногихъ лачугъ" у Страбона.

Дальше авторъ намъ сообщаетъ, „что, если плыть вдоль берега, къ югу выдается большой мысъ, составляющій часть цѣлаго Херсонеса". Подъ этимъ мысомъ Страбонъ разумѣетъ, какъ видно изъ слѣдующаго, такъ называемый имъ малый Херсонесъ. На этомъ маломъ Херсонесѣ расположенъ городъ Гераклейотовъ, называемый также Херсонесомъ. Его положеніе авторъ не опредѣляетъ ближе названіемъ той или другой бухты этого малого Херсонеса,—но само по себѣ понятно и никѣмъ не оспаривается, что онъ говоритъ о городѣ, лежащемъ на берегу Карантинной бухты. Объ этомъ городѣ онъ на первомъ мѣстѣ сообщаетъ, что „въ немъ есть святилище (ἱερόν) Дѣвы (Παρθένου), какой-то богини"; упоминаніе этой „Парѳеносъ" даетъ автору поводъ прибавить, что одинаковое названіе носитъ также высокій мысъ (ἄκρα), отстоящій отъ города на сто стадій, а затѣмъ послѣ этого придаточнаго предложенія заканчиваетъ всю фразу партиципіальнымъ оборотомъ „имѣющее храмъ и статую богини".

Для всякаго, кто знакомъ съ духомъ греческаго языка не можетъ быть сомнѣнія, что это причастіе ἔχον относится къ существительному главнаго предложенія ἱερόν; еслибъ Страбонъ хотѣлъ сказать, что храмъ и статуя были воздвигнуты на мысѣ, онъ, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ-бы писать: ἄκρα, καλουμένη Παρθένιον, ἔχουσα и т. д.; В. В. Латышевъ (Ж. М. Н. П.

1892, № 4) совершенно основательно отрицаетъ возможность понимать слова Страбона, будто тотъ говоритъ о храмѣ на мысѣ, и въ редактированномъ имъ переводѣ С. В. Мирошникова даннаго отрывка Страбонова текста (Извѣстія древнихъ авторовъ о Скиѳіи и Кавказѣ I, стр. 123) правильно передается интересующая насъ здѣсь фраза: „Въ святилищѣ находится храмъ богини и статуя". Такое пониманіе словъ Страбона требуется не только грамматически, но и логически. Слово „ἱερόν" обозначаетъ, какъ видно изъ Ѳукидида (IV, 90 τάφρον περὶ τὸ ἱερὸν καὶ τὸν νεὼν ἔσκαπτον,—срв. также опредѣленіе Аммонія у Аѳинея XIII, 595 c.) и ряда свидѣтельствъ другихъ авторовъ, „святилище" въ опредѣленномъ смыслѣ этого слова, „священную округу" (Tempelbezirk); субстантированный средній родъ прилагательнаго ἱερός „святой, священный" самъ по себѣ и не можетъ имѣть другого значенія. Какъ же можно допустить, чтобъ священная округа Дѣвы, которую Страбонъ упоминаетъ, какъ единственную достопримѣчательность Херсонеса, находилась въ городѣ, а ожидаемые естественно въ этой округѣ храмъ и статуя богини расположены были на разстояніи ста стадій внѣ города? Это же явный абсурдъ. Если же полагать, что подъ словомъ ἱερόν Страбонъ здѣсь понимаетъ и священную округу и храмъ вмѣстѣ,—примѣры такого употребленія слова ἱερόν особенно относительно Дельфійскаго Святилища и храма имѣются, срв. Demosth. 19, 327—то выходитъ, что и въ городѣ былъ храмъ Дѣвы и одновременно на 100 стадій дальше другой храмъ той же Дѣвы. Это былъ-бы случай также небывалый въ греческомъ мірѣ. Но какъ уже сказано, съ нимъ считаться не слѣдуетъ, потому что въ данномъ случаѣ языкъ и грамматика окончательно рѣшаютъ вопросъ. Поэтому, если Александръ Львовичъ высказываетъ увѣренность (стр. 207), что на мысѣ найдены будутъ остатки храма и „что не напрасно и не по ошибкѣ Страбонъ сказалъ, что храмъ богини и ея статуя тамъ сохранились", надо отмѣтить, что Страбонъ былъ-бы очень пораженъ этимъ открытіемъ. Изъ его словъ ясно вытекаетъ, что онъ или, правильнѣе сказать, тотъ авторъ, которому онъ слѣдуетъ, никогда ничего не подозрѣвалъ о существованіи храма Дѣвы на мысѣ „Дѣвиномъ".

Кстати замѣтимъ, довольно характернымъ для степени общаго образованія составителя этого перипла является прибавленіе къ слову „Παρθενος" опредѣленія „какая-то богиня". Авторъ, повидимому, не знаетъ, что греки уже очень рано идентифицировали Παρθένος Ταυρική („Таврическую Дѣву") съ Ифигеніею (срв. Cypr. у Прокла, стр. 19. Kinkel, Herodot IV, 103, Hesiod, Katal. fr. 118 Kinkel) и что потомъ съ легкой руки Еврипида эта Дѣва отождествляется съ Артемидою Ταυροπόλος (срв. Wilamowitz, Hermes XVIII, 254; Robert, Archeol. Märchen, 147)—отождествленіе, которое впослѣдствіе пользуется общимъ признаніемъ въ греческомъ мірѣ (срв. Hesych. s. v. Ταυρώ).

Далѣе у Страбона мы читаемъ, что между городомъ и этимъ Дѣвинымъ мысомъ лежатъ три гавани и что затѣмъ слѣдуетъ древній Херсонесъ, „разрушенный до основанія" (κατεσκαμμένη; переводъ „лежащій въ развалинахъ" слишкомъ слабо передаетъ заключающееся въ глаголѣ κατα-

σκάπτειν значеніе: „ совершенно срывать"). Мѣстоположеніе этого такъ называемаго „Стараго Херсонеса" не можетъ вызвать сомнѣнія. Почему авторъ перечисляетъ сначала три гавани, а затѣмъ только упоминаетъ о „развалинахъ Стараго города", превосходно разъяснено Александромъ Львовичемъ на стр. 179... его изслѣдованіи „о Херсонесѣ".

Совершенно соглашаясь съ нимъ въ томъ, что эта странная на первый взглядъ послѣдовательность перечисленія—сначала устье порта, слѣдующій за нимъ мысъ, а затѣмъ только лежавшій у этого порта городъ—становится вполнѣ понятнымъ при предположеніи, что „авторомъ этого описанія не является мѣстный житель, а чужой", совершившій на суднѣ плаваніе вдоль берега и записавшій все въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ замѣтилъ находящееся на берегу, я однако не могу согласиться съ выводами, которые дѣлаетъ мой почтенный оппонентъ изъ своего мѣткаго наблюденія. „Послѣ этого — говоритъ Александръ Львовичъ (стр. 180)—не такъ просто будетъ подумать, что Страбонъ ошибся въ этомъ до мелкихъ подробностей строго точномъ указаніи."

Что составитель перипла видѣлъ, обогнувъ мысъ Парѳеній и плывя дальше по направленію къ гавани Символовъ (Балаклава), кое-какія развалины на полуостровѣ у Казачьей бухты (что это были „зданія", нигдѣ не сказано), въ этомъ, конечно, сомнѣваться нельзя; вѣдь остатки стѣнъ видны тамъ и понынѣ. Но чтобъ изъ установленнаго самимъ Александромъ Львовичемъ факта, что составитель этого описанія не бывалъ на мѣстѣ, не совершалъ изъ современнаго ему Херсонеса экскурсіи въ такъ называемый „Старый городъ", не узнавалъ въ Херсонесѣ ничего о его существованіи и мѣстоположеніи, а лишь, сидя на суднѣ и замѣчая во время рейса развалины на полуостровѣ у Казачьей бухты, записалъ отвѣтъ, полученный имъ на вопросъ, что это такое, отъ любого матроса или, положимъ даже, отъ капитана, что это развалины Стараго Херсонеса,—мы должны вывести заключеніе о невозможности ошибки въ обозначеніи или наименованіи этихъ развалинъ, этого я никакъ не могу понять. Напротивъ, еслибъ было основаніе предполагать, что путешественникъ-географъ наводилъ свои справки въ „Новомъ Херсонесѣ" у лицъ образованныхъ и знающихъ прошлыя судьбы своего города, то его показаніе о существованіи „Стараго города" имѣло-бы довольно серьезное значеніе. Такъ какъ онъ, какъ вѣрно заключаетъ Александръ Львовичъ изъ порядка его описанія, дѣлаетъ свои наблюденія и справки лишь на суднѣ, то записанное имъ показаніе „навклера", что замѣченныя имъ развалины именно остатки „Стараго Херсонеса", не можетъ считаться особенно авторитетнымъ: слѣдующее непосредственно показаніе, что длина перешейка отъ гавани Символовъ (Балаклава) до бухты Ктенунта (Севастопольскаго рейда) равняется 40 стадіямъ, между тѣмъ какъ это разстояніе на самомъ дѣлѣ вдвое больше, во всякомъ случаѣ не можетъ дать намъ особенно высокаго представленія о географической освѣдомленности того „морского волка", которому составитель привлеченнаго Страбономъ перипла обязанъ своими свѣдѣніями о мѣстности.

Послѣ краткаго историческаго отступленія въ началѣ третьяго параграфа, касающагося автономіи Херсонеса, опустошеній со стороны скиѳовъ, вызваннаго этими нападеніями варваровъ приглашенія Миѳрадата въ „покровителя" города, и послѣ справки относительно господства Скилура и его сыновей, сопровожденной ссылками на показанія Посидонія и Аполлонида, Страбонъ затѣмъ продолжаетъ свое описаніе береговой полосы Тавриды. Что онъ послѣ этой вставки опять возвращается къ тому периплу, которымъ онъ руководствовался до сихъ поръ, явствуетъ изъ повторенія той-же ошибки относительно растоянія между бухтами Ктенунтъ и Символовъ. Правда, Страбонъ имѣетъ, повидимому, подъ руками еще и другіе труды; это можно заключить изъ его ссылки по поводу вопроса, можно-ли видѣть съ „Бараньяго Лба" противоположный берегъ Чернаго моря, на мнѣніе „многихъ, проплывавшихъ этотъ проливъ", но въ общемъ весь характеръ его описанія Тавриды до Танаида и Меотиды, отъ третьяго до пятаго параграфа включительно, показываетъ, что онъ придерживается перипла, записи прибрежнаго плаванія.

Затѣмъ Страбонъ въ шестомъ параграфѣ сообщаетъ, повидимому уже изъ другого источника, свѣдѣнія объ экономическомъ состояніи Тавриды, о плодородности равнины, начиная съ Ѳеодосіи; и это упоминаніе о скиѳахъ-земледѣльцахъ даетъ ему поводъ съ ссылкою на Ипсикрата поговорить и о скиѳахъ-номадахъ. Остальные два параграфа этой, посвященной описанію Тавриды, главы уже явно представляютъ собою добавленія къ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ перипла. Относительно параграфа восьмого, гдѣ рѣчь идетъ объ охотѣ въ Скиѳіи, о звѣряхъ, которые тамъ водятся и т. д., это не нуждается въ доказательствѣ; если сравнить этотъ экскурсъ въ область „естественной исторіи" съ подобными отдѣлами въ сочиненіяхъ другихъ древнихъ авторовъ, то вполнѣ ясно, что Страбонъ заимствовалъ эти данныя изъ одного изъ многочисленныхъ руководствъ по этому предмету; но и седьмой параграфъ содержитъ свѣдѣнія, которыя не заключались въ периплѣ, привлеченномъ до сихъ поръ нашимъ авторомъ. „Кромѣ перечисленныхъ пунктовъ въ Херсонесѣ существовали и укрѣпленія, которыя построили Скилуръ и его сыновья"—говоритъ Страбонъ въ началѣ этого параграфа, и затѣмъ, перечисливъ ихъ, онъ упоминаетъ еще объ Евпаторіи, основанномъ полководцемъ Миѳрадата, Діофантомъ. Еслибъ о Палакіи, Ханѣ, Неаполѣ и Евпаторіи рѣчь шла въ периплѣ, мы конечно должны были бы ожидать ихъ упоминанія при описаніи соотвѣтствующей части Тавриды, въ которой эти укрѣпленія были расположены; то обстоятельство, что Страбонъ, по окончаніи уже послѣдовательнаго описанія всего берега Крыма, заговорилъ объ этихъ укрѣпленіяхъ внѣ всякой географической ихъ связи, ясно доказываетъ, что онъ здѣсь обратился къ новому источнику и что въ периплѣ—что, впрочемъ, и совершенно понятно—о нихъ ничего не было сообщено.

Къ этому упоминанію объ Евпаторіи, который выстроенъ былъ Діофантомъ, Страбонъ непосредственно приклеилъ разсказъ объ осадѣ „стѣны Херсонесцевъ" скиѳами,—тотъ разсказъ, которому Александръ Львовичъ придаетъ такое большое значеніе и на которомъ мы въ заключеніе нашего

анализа Страбонова текста поэтому должны остановиться. Но прежде позволю себѣ сдѣлать еще два болѣе общихъ замѣчанія.

Напрасно, какъ мнѣ кажется, Александръ Львовичъ (стр. 181) полагаетъ, что ему не удастся выяснить сущность этого военнаго разсказа, потому что „слишкомъ велико у насъ отсутствіе пониманія какихъ-бы то ни было военныхъ соображеній и даже просто топографическаго умѣнья чуствовать мѣстность". Это сужденіе, на сколько оно касается теперешнихъ изслѣдователей древней исторіи, является совершенно несправедливымъ; оно объясняется только при предположеніи, что Александру Львовичу остались неизвѣстными труды H Delbrück'a „Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte" (1900); I. Kromayer'a, „Antike Schlachtfelder" I. II. (1903 u 1907); Roloff'a „Probleme der griech. Kriegsgeschichte" (1904), Ianke „Auf Alexander des Grossen Pfaden", (1906); Grundy, „The great Persian" (1894); v. der Goltz „Der thessalische Krieg" (1898), Veith „Geschichte der Feldzüge C. Iulius Caesars" (1906) и. т. д.;—см. мои рецензіи въ Litterarisches Centralblatt 1903, (№ 11); 1904, (№ 24); 1906, (№ 13); 1907, (№ 21)—онъ изъ нихъ усмотрѣлъ бы, какъ серьезно изучены въ современной наукѣ, при совмѣстной работѣ историковъ и военныхъ, тѣ топографическіе и стратегическіе вопросы изъ древняго міра, на полное непониманіе которыхъ жалуется Александръ Львовичъ.

Напрасно, съ другой стороны, мнѣ кажется, Александръ Львовичъ приписываетъ своему любимцу Страбону особенно тонкое пониманіе въ военномъ дѣлѣ (стр. 183). Страбонъ нигдѣ, по крайней мѣрѣ, о военныхъ дѣяніяхъ не распространяется и старательно скрываетъ, должно быть, свои познанія, хотя на всемъ протяженіи своего труда онъ имѣлъ случаи ими блистать не разъ; я не могу согласиться и съ тѣмъ, что Страбонъ въ данномъ случаѣ „говоритъ съ видимо совершеннымъ пониманіемъ всего боеваго значенія сообщенной имъ стратегемы и съ сознаніемъ рѣдкости и необычайности этого" (стр. 183). Еслибъ это было такъ, то онъ хоть однимъ словомъ указалъ бы на рѣдкость выполненной здѣсь удачно идеи контръ-апроши, сопоставилъ бы этотъ случай съ знаменитой осадой Сиракузъ Аѳинянами, гдѣ осажденные также примѣнили, до нѣкоторой степени, идею выдвиганія крѣпости, и не довольствовался бы краткой передачей голаго факта стратегемы. Если безпристрастно анализировать весь разсказъ Страбона, то отъ его военнаго пониманія останется немного. Упоминаніе объ основаніи Діофантомъ Евпаторіи заставляетъ автора вспомнить о стратегемѣ „царскихъ воеводъ", которую онъ читалъ въ одномъ изъ многихъ сборниковъ стратегемъ—хорошій образчикъ такихъ собраній мы имѣемъ въ книгѣ Поліэна—и онъ, чтобы дополнить чѣмъ-нибудь скудное въ общемъ повѣствованіе о Тавридѣ, оттуда и приводитъ этотъ разсказъ, ничѣмъ его не выдѣляя; этотъ разсказъ стоитъ у него на одномъ планѣ съ непосредственно за нимъ слѣдующимъ повѣствованіемъ объ обычаѣ скиѳовъ холостить лошадей.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся теперь къ „военному разсказу" Страбона. Воспроизведу переданную имъ стратегему въ пе-

реводѣ С. В. Морошникова, хотя этотъ переводъ, какъ придется намъ констатировать впослѣдствіи, не вполнѣ точенъ. „На разстояніи около 15 стадій отъ стѣны Херсонесцевъ“—такъ мы читаемъ у Страбона—„есть мысъ, образующій заливъ порядочной величины, направляющійся къ городу. Высше его лежитъ морское болото съ соловарней. Здѣсь былъ и портъ Ктенунтъ. Для того, чтобы бороться [со *скиѳами,*] царскіе [*воеводы*] во время осады поставили на вышеупомянутомъ мысѣ гарнизонъ, оградивши это мѣсто стѣной, и засыпали входъ въ заливъ до самаго города, такъ что можно было переправляться безъ затрудненій сухимъ путемъ, и изъ двухъ городовъ сдѣлался какъ-бы одинъ. Съ этихъ поръ они легче отражали скиѳовъ. Когда же [*послѣдніе*] напали и на укрѣпленіе перешейка при Ктенунтѣ и стали заваливать ровъ тростникомъ, то царскіе [*солдаты*] ночью сожгли часть плотины, выстроенную днемъ, и такимъ образомъ сопротивлялись до тѣхъ поръ, пока не побѣдили“.

Этотъ разсказъ Александръ Львовичъ аттестуетъ словами (стт. 189) „нельзя придумать что-либо болѣе изящно, кратко и точно изложенное, какъ въ общемъ, такъ и въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ“.

Что разсказъ кратокъ, съ этимъ я согласенъ, что-же касается изящности и точности, то смѣю думать, что еслибъ теперь ученикъ II класса такъ изложилъ исторію этой осады, самый снисходительный учитель поставилъ бы ему отмѣтку два съ минусомъ. Или, можетъ быть, это знакъ особенной изящности и точности, что мы только въ концѣ разсказа (изъ словъ „они легче отражали скиѳовъ“), узнаемъ, кто были осаждающіе, или что осаждаемые называются просто „βασιλικοί“—„царскіе“ и переводчикъ вынужденъ одинъ и тотъ-же терминъ передавать то черезъ царскіе воеводы, то черезъ царскіе солдаты), и т. д.? Другіе перлы уже не стилистическіе, а самого содержанія указаны будутъ ниже; я имъ не особенно удивляюсь; отъ составителей стратегемъ мы привыкли къ многому; но я не помню у Страбона другого мѣста, которое и по стилистической безпомощности, и понеясности концепціи могло бы быть поставлено въ параллель съ этимъ разсказомъ: единственное объясненіе этому странному явленію,—что онъ, не долго думая и совершенно не выясняя себѣ ситуаціи, списалъ этотъ разсказъ изъ популярнаго сборника стратегемъ.

Александръ Львовичъ правда сумѣлъ намъ нарисовать очень живую картину этой осады: „Городъ охраняется стѣной на перешейкѣ; съ остальныхъ сторонъ море. Орда скиѳовъ сторожитъ и стѣну и перешеекъ; городъ долженъ погибнуть изморомъ, или та же орда, заваливъ ровъ, возьметъ его на щитъ; увѣренность въ неминуемой побѣдѣ у скиѳовъ полная, ихъ много, грековъ мало, да и тѣ загнаны за стѣну и выйти оттуда не могутъ; даже и сторожить не надобно, море не пуститъ. Но выше грубой силы есть разумъ: въ нѣсколько ночей, работая какъ можно тише и дальше отъ перешейка, осажденные—работаютъ и старики, и дѣти, и женщины (стр. 186)—пересыпаютъ плотиной заливъ; перейдя на другую сторону залива, такъ же быстро, тихо, незамѣтно устраиваютъ изъ всего, что подъ руки попало, временное укрѣпленіе. И вотъ когда всего менѣе ожидаютъ скиѳы, оттуда

надвигается на нихъ самая крѣпость, часть защитниковъ ея; число ихъ неизвѣстно, откуда они взялись—также, и это всего страшнѣе, особенно когда нападаютъ сбоку или даже сзади" и т. д. Картина эта, повторяю, очень живо нарисована, хотя не могу скрыть, что у меня, какъ профана въ военномъ дѣлѣ, возникаютъ и при ней нѣсколько, можетъ быть, наивныхъ и неумѣстныхъ вопросовъ. Насколько мы знаемъ, скиѳы не были моряками и не имѣли флота, греческая-же колонія безъ судовъ, лодокъ и т. д. не мыслима. Опасность быть взятымъ изморомъ могла возникнуть только тогда, когда городъ со стороны моря былъ блокированъ; необходимость устроить плотину черезъ заливъ представлялась только тогда, если у грековъ не было судовъ и лодокъ, чтобы при ихъ помощи переправиться: вѣдь работа устройства плотины совсѣмъ лишняя, если въ продолженіи четверти часа можно было-бы переплыть черезъ заливъ и тамъ на другой сторонѣ залива устроить временное укрѣпленіе. Итакъ, необходимымъ условіемъ для пониманія опаснаго положенія грековъ и необходимости устройства плотины является предположеніе, что греческій флотъ уничтоженъ и скиѳы господствуютъ и на водѣ. Объ этомъ господствѣ скиѳовъ на водѣ Александръ Львовичъ ни слова не говоритъ,—и, можетъ быть, не напрасно такъ какъ тогда возникаетъ другой вопросъ: какъ же возможно, что греки, между тѣмъ какъ скиѳы блокируютъ и портъ города, незамѣтно для нихъ устраиваютъ плотину у самаго устья залива? Если не замѣтили, что затѣялось, и въ первую ночь развѣ они днемъ тоже спали и не могли во время принять мѣры къ разрушенію начатой плотины? Если-же не замѣчали, то значитъ блокада была неполная, и положеніе грековъ вовсе не такое отчаянное, какъ рисуетъ мой почтенный оппонентъ. Получается такимъ образомъ circulus vitiosus, какъ при каждой искусственной конструкціи, не стоящей на твердой почвѣ. Но допустимъ даже, что нарисованная Александромъ Львовичемъ картина совершенно безупречна—развѣ мнѣ нужно здѣсь еще особенно подчеркивать, что она создана имъ самимъ и что у Страбона ничего подобнаго не разсказывается?

Оставляя въ сторонѣ, что у Страбона ничего не говорится ни о превосходствѣ силъ скиѳовъ, ни о малочисленности грековъ,—о послѣднихъ вообще ни единымъ словомъ не упоминается—ни объ участіи всего населенія города въ устройствѣ плотины, я здѣсь укажу лишь на самыя существенныя различія между изложеніемъ Александра Львовича и разсказомъ Страбона. По Александру Львовичу событія совершаются въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) осада города скиѳами, 2) устройство осажденными плотины черезъ заливъ, 3) построеніе контръ-апроши на другомъ берегу залива и 4) отраженіе скиѳовъ.

Не эту—единственно разумную и резонную—послѣдовательность событій мы имѣемъ у Страбона. 1) Для того чтобы бороться [*со скиѳами,*] осажденные царскіе [воеводы или солдаты] поставили на мысѣ гарнизонъ, оградивши это мѣсто стѣной". Гдѣ эти „царскіе" осаждались, не сказано; мы ниже увидимъ, что во всякомъ случаѣ не въ предполагаемомъ городѣ. 2) Эти „царскіе" устроили плотину до самаго города; 3) скиѳы теперь напали

и на укрѣпленіе на перешейкѣ, т. е. на „городскую" стѣну. 4) Отраженіе скиѳовъ. Послѣдовательный ходъ событій, отмѣченный нами въ изложеніи Александра Львовича цифрами 1. 2. 3. 4.—представленъ такимъ образомъ у Страбона въ порядкѣ 3. 2. 1. 4. Ясно, что этимъ картина весьма существенно измѣняется. Перейдемъ къ подробностямъ въ этой картинѣ Страбона.

Въ текстѣ сказано„: осажденные царскіе (πολιορκούμενοι βασιλικοι) поставили гарнизонъ на мысѣ". Изъ слова πολιορκεῖν отнюдь еще не вытекаетъ, что эти „царскіе" осаждались въ πόλις—въ городѣ; въ соединеніи съ прямымъ дополненіемъ глаголъ этотъ означаетъ, какъ латинское „cingere"—окружать, заключать кольцомъ. Объ осадѣ ихъ въ городѣ здѣсь думать нельзя, во первыхъ потому, что авторъ говоритъ о дѣйствіяхъ осажденныхъ на другомъ берегу залива, безъ малѣйшаго намека на то, что они вышли изъ города и переправились черезъ заливъ: при дѣйствительной осадѣ города это сдѣлать безъ затрудненій, конечно, было нельзя, и авторъ о тайномъ ночномъ переходѣ долженъ былъ упомянуть, еслибъ онъ, по его предположенію, имѣлъ мѣсто. Объ осадѣ ихъ въ городѣ думать нельзя, во вторыхъ потому, что, по автору, эта осада города начинается позже, послѣ того „какъ изъ двухъ городовъ сдѣлался какъ-бы одинъ" вслѣдствіе устройство плотины. Изъ послѣдующихъ за упоминаніемъ объ этомъ событіи словъ: „когда же *скиѳы* напали *и* на укрѣпленіе на перешейкѣ" ясно вытекаетъ, что по представленію автора ни раньше на это укрѣпленіе не нападали, т. е. что городъ до этого не осаждался. Итакъ, по Страбонову тексту ситуація слѣдующая: Царскіе находятся на мысѣ, съ упоминанія котораго начинается и весь разсказъ. Здѣсь окружаютъ ихъ скиѳы. Чтобы легче бороться съ ними, царскіе воздвигаютъ временное укрѣпленіе и окружаютъ его стѣной; затѣмъ эти же царскіе засыпали входъ въ заливъ до самаго города (μέχρι τῆς πόλεως)". Хотя авторъ и боевое временное укрѣпленіе на мысѣ называетъ πόλις, но изъ контекста вполнѣ ясно, что онъ здѣсь подъ словомъ πόλις понимаетъ укрѣпленіе на перешейкѣ; царскіе находятся на мысѣ и начинаютъ, конечно, оттуда устройство плотины до перешейка. Благополучно соединивъ „два города въ одинъ", царскіе теперь защищаются за стѣнами укрѣпленія на перешейкѣ; скиѳы, нападавъ на это укрѣпленіе, заваливать ровъ тростникомъ, но „царскіе" ночью сожигали насыпанный днемъ тростниковый мостъ и такимъ образомъ сопротивлялись до тѣхъ поръ, пока не побѣдили.

Вотъ, что читается въ текстѣ Страбона и, если мы не хотимъ поступить по рецепту Мефистофеля въ Гётовскомъ Фаустѣ—legt Ihr's nicht aus, so legts nur unter—, то мы не имѣемъ права къ перестановкамъ въ этомъ текстѣ, не имѣемъ права по нашему усмотрѣнію видоизмѣнять послѣдовательность разсказанныхъ событій и дополнять этотъ разсказъ произвольными добавленіями.

Но я понимаю, что, если придать этому разсказу особенную важность, трудно устоять противъ соблазна примѣнить рецептъ Мефистофеля. Ибо, если уже сильно видоизмѣненная картина этой стратегемы, нарисованная Александромъ Львовичемъ, даетъ поводъ къ нѣкоторымъ серьезнымъ сомнѣніямъ, то разсказъ Страбона въ неисправленномъ видѣ никакъ не можетъ выдержать со-

прикосновенія критики. Ахиллова пята его—это насыпь чрезъ заливъ. Выяснимъ себѣ положеніе: на отрядъ царскихъ воиновъ на мысѣ нападаютъ скиѳы; они ихъ окружаютъ, прохода имъ нѣтъ. Чтобы бороться съ скиѳами, царскіе воины наскоро укрѣпляютъ мѣсто, оградивши его стѣной. Но эти воины не довольствуются принятыми мѣрами защиты; они начинаютъ строить изъ камней плотину черезъ заливъ, чтобы пробраться „въ городъ". Конечно, не всѣ могутъ участвовать въ работѣ; надо же и сторожить стѣну временнаго укрѣпленія: въ „три-четыре ночи" исполнить при такихъ условіяхъ работу, конечно, нельзя было,—постороннихъ помощниковъ у нихъ не оказалось: не было у нихъ на мысѣ „ни стариковъ, ни женщинъ, ни дѣтей, ни корзинъ, ни мѣшковъ", о которыхъ говоритъ Александръ Львовичъ, и, если по подсчету послѣдняго на работу назначено было до двухъ тысячъ человѣкъ, и эти двѣ тысячи должны были работать четыре ночи, то небольшой гарнизонъ—изъ всего смысла разсказа вытекаетъ, что мы не имѣемъ дѣло съ цѣлымъ войскомъ или многочисленнымъ отрядомъ—долженъ былъ потратить на сооруженіе этой полтины двѣ-три недѣли, если не больше. Что же во все это время дѣлали „осаждающіе" ихъ скиѳы? Развѣ они днемъ не видѣли результатовъ ночной работы? Развѣ они не принимали мѣръ, чтобы днемъ разрушать, что тѣ по ночамъ сооружали? Развѣ они не догадались совершить ночное нападеніе на таскающихъ камни воиновъ? На всѣ эти вопросы по удачному результату работы придется дать только одинъ отвѣтъ: скиѳы спали по цѣлымъ недѣлямъ богатырскимъ сномъ. Никому не хочу мѣшать вѣрить въ этотъ сонъ скиѳовъ, чтобы спасти разсказъ Страбона: но пусть эти вѣрующіе тогда и объяснятъ, какъ могло случиться, что эти сонливые скиѳы, настоящія дѣти въ военномъ отношеніи, могли поставить Херсонесцевъ передъ альтернативой: или подчиниться скиѳамъ, или жертвуя самымъ дорогимъ въ глазахъ грековъ—своей автономіею, пригласить Миѳридата въ покровители? Пока это объясненіе не дано, я не могу рѣшиться разсказанной у Страбона военной хитрости придавать значеніе историческаго факта; этотъ разсказъ по своему характеру ничѣмъ не отличается отъ девяти десятыхъ изъ массы переданныхъ намъ „стратегемъ", которыя историками и изслѣдователями спеціально военнаго дѣла у древнихъ благоразумно обходятся молчаніемъ или приводятся не ради достовѣрности военной стороны дѣла а ради разныхъ побочныхъ показаній, въ нихъ сохраненныхъ.

Съ военнымъ разсказомъ у Страбона, съ стратегемой въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, я покончилъ: но этотъ разсказъ имѣетъ еще топографическую оболочку или подкладку, и съ этой стороною дѣла мнѣ приходится еще заняться. Страбонъ приклеиваетъ свою, какъ мы видѣли, не особенно удачную выписку изъ сборника стратегемъ къ упоминанію объ основаніи Евпаторіи Діофантомъ. Выписка эта начинается слѣдующимъ топографическимъ опредѣленіемъ: „На разстояніи около 15 стадій отъ стѣны Херсонесцевъ есть мысъ, образующій заливъ порядочной величины, направляющійся къ городу. Выше его лежитъ морское болото съ солеварней. Здѣсь былъ и портъ Ктенунтъ", и дальше читается: „когда скиѳы напали

на укрѣпленіе при Ктенунтѣ". Такъ какъ изъ предыдущаго описанія прибрежья херсонесскаго полуострова совершенно ясно, что подъ заливомъ Ктенунтъ понимается Страбономъ теперешній Севастопольскій рейдъ и въ оссбенности Южная бухта, то у прежнихъ изслѣдователей Тавриды, начиная съ Палласа и кончая Тиріономъ, за весьма немногими исключеніями (подробный ихъ списокъ съ указаніемъ сочиненій срв. у Бертье н. с. стр. 202—203), довольно естественно явилось предположеніе искать это „укрѣпленіе при Ктенунтѣ" около Инкермана или Севастополя или помѣстить „стѣну Херсонесцевъ' между Инкерманомъ и Балаклавою.

Несомнѣнная заслуга Александра Львовича, этого превосходнаго знатока Крыма, что онъ доказалъ, какъ въ своей статьѣ въ XIV томѣ нашихъ Записокъ, такъ и въ настоящемъ трудѣ, всю невозможность и несостоятельность этихъ топографическихъ опредѣленій. Онъ несомнѣнно правъ въ своемъ утвержденіи, что авторъ военнаго разсказа имѣлъ въ виду мысъ у Казачьей бухты и стѣну на перешейкѣ расположеннаго тамъ полуострова. Изъ установленія этого факта мы можемъ, кстати замѣтить, извлечь довольно любопытное наблюденіе о способѣ, какимъ Страбонъ составилъ свою работу. Я уже указалъ, что въ предыдущемъ описаніи Тавриды подъ словомъ Ктенунтъ понимается Севастопольскій рейдъ; здѣсь этимъ словомъ обозначается Казачья бухта. Александръ Львовичъ старается это противорѣчіе изгладить и устранить при помощи предположенія (срв. Записки XIV, 266; .. „О Херсонесѣ", стр. 187 примѣч. 1.), что „подъ именемъ Ктенунтъ нельзя понимать только какую-нибудь бухту или заливъ; такъ называлось все сѣверное побережье Гераклейскаго полуострова отъ Херсонскаго маяка до Инкермана", Историкъ, полагая что его задача „non conciliare, sed distinguere", съ этимъ объясненіемъ едва-ли примирится. Совершенно опредѣленно въ первыхъ параграфахъ четвертой главы седьмой книги словомъ Ктенунтъ обозначается Севастопольскій рейдъ; не менѣе опредѣленно въ седьмомъ параграфѣ этой же главы Ктенунтомъ называется Казачья бухта: отсюда вытекаетъ, во первыхъ, что составитель перипла, которому слѣдуетъ Страбонъ въ первой части этой главы понимаетъ подъ этимъ названіемъ одну бухту, составитель „военнаго разсказа"—другую; во вторыхъ, что Страбонъ свой разсказъ о стратегемѣ не заимствовалъ, какъ это было выше изложено, изъ перипла, до сихъ поръ служившаго основнымъ для него источникомъ, а почерпнулъ изъ другого автора, изъ сборника стратегемъ, и въ третьихъ, что Страбонъ этого противорѣчія между своими двумя источниками не замѣтилъ. Значитъ, противорѣчіе здѣсь несомнѣнно есть; спрашивается, какъ его объяснить? Конечно, мыслимо, что въ различное время это имя Ктенунтъ носили различныя бухты; но это предположеніе очень мало вѣроятно. Есть и вторая возможность:—одинъ изъ авторовъ, привлеченныхъ Страбономъ, ошибся. Если имѣть въ виду, какъ это обстоятельно доказалъ Александръ Львовичъ, что авторъ стратегемы въ топографическомъ отношеніи оказывается оріентированнымъ до мельчайшихъ подробностей, то смѣло можно сказать, ошибка сдѣлана не имъ.

Но вернемся послѣ этого необходимаго отступленія къ нашему вопросу. Мы видѣли, что попытки прежнихъ изслѣдователей Таврида фиксировать „укрѣпленіе перешейка при Ктенунтѣ“ около Севастопольскаго рейда оказались несостоятельными. Александръ Львовичъ цѣлымъ потокомъ выливаетъ свои сарказмы (н. с. стр. 181) на ихъ повинныя головы за ихъ топографическія фантазіи и непониманіе военнаго дѣла. Что дѣлать, они дѣйствительно виноваты: но одно большое преимущество остается за ними или, по крайней мѣрѣ, за большинствомъ изъ нихъ: Палласъ, Беккеръ, Брунъ, Тріонъ и другіе знали греческій языкъ, они знали, что никто изъ древнихъ писателей не можетъ обозначать городъ Херсонесъ словами τὸ τῶν Χερρονησιτῶν τεῖχος, и въ этомъ должна быть главная причина того, что они искали эту „стѣну Херсонесцевъ“ подальше отъ города.

На самомъ дѣлѣ „τὸ τῶν Χερρονησιτῶν τεῖχος“ можетъ обозначать только или „стѣну Херсонесцевъ“ или, „укрѣпленіе, крѣпостцу Херсонесцевъ“; послѣднее значеніе тѣмъ болѣе допустимо, что мы изъ часто уже приведенной присяги знаемъ о существованіи такихъ „фортовъ“ (τὰ τείχη) во владѣніяхъ Херсонесцевъ; ни одинъ же смыслящій греческій писатель не можетъ вмѣсто „городъ Херсонесъ“ сказать „стѣна Херсонесцевъ” или укрѣпленіе Херсонесцевъ. Но я забываю, по мнѣнію Александра Львовича изъ слѣдующаго разсказа ясно вытекаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о *городѣ* Херсонесѣ. Дѣйствительно, тамъ сказано, что „заливъ направляется къ πόλις“, что “царскіе засыпали входъ въ заливъ μέχρι πόλεως“, и что „изъ двухъ (ἀμφοῖν) сдѣлался какъ бы одинъ πόλις“. Эта послѣдняя фраза, однако, показываетъ, что авторъ называетъ временное боевое укрѣпленіе на мысѣ, огражденное стѣной, также πόλις; отсюда очевидно, что переводчикъ С. В. Мирошниковъ, которому всецѣло слѣдуетъ Александръ Львовичъ, не достаточно вникъ въ смыслъ текста, передавая слово πόλις черезъ наше слово „городъ“. Такое боевое укрѣпленіе, на скоро сооруженное, мы никакъ не можемъ называть городомъ.

Обозначеніе такого укрѣпленія по гречески словомъ πόλις допустимо, ибо слово πόλις, какъ можно убѣдиться изъ Thesaurus linguae Graecae, употребляется, не только для обозначенія города, но и для обозначенія „всякаго огражденнаго стѣною мѣста вообще“, и въ этомъ смыслѣ составитель „военнаго разсказа“, переданнаго у Страбона, примѣняетъ въ своемъ разсказѣ слово πόλις. Такъ какъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода предполагать, что одинъ и тотъ же авторъ, въ одномъ и томъ же предложеніи примѣняетъ одинъ и тотъ же терминъ въ двухъ различныхъ значеніяхъ, то является весьма мало вѣроятнымъ, чтобы онъ говоря о πόλις на перешейкѣ подъ этимъ обозначеніемъ имѣлъ здѣсь въ виду городъ въ полномъ смыслѣ этого слова; тѣмъ менѣе это возможно, что фраза: „изъ обоихъ сдѣлался какъ-бы одинъ городъ“ ясно указываетъ на однородность составныхъ частей, вошедшихъ въ это тѣсное единеніе. А такъ какъ одна изъ этихъ частей—боевое укрѣпленіе, то и другая должна быть такимъ-же, иначе вся фраза является не логичной.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что слово πόλις во всемъ этомъ и также въ предыдущемъ предложеніи употребляется авторомъ въ смыслѣ „укрѣпленнаго мѣста", а не „города", что и вполнѣ соотвѣтствуетъ словамъ, которыя мы читаемъ въ началѣ всего этого „военнаго разсказа": τὸ τῶν Χερρονησιτῶν τεῖχος—укрѣпленіе Херсонесцевъ. Этотъ безусловно правильный выводъ подтверждается еще тѣмъ, что и въ дальнѣйшемъ у автора нигдѣ нѣтъ рѣчи о городѣ въ собственномъ смыслѣ слова: не упоминается, чего естественно ожидать, объ участіи горожанъ въ устройствѣ плотины, въ оборонѣ; ихъ какъ-будто не существуетъ; дѣйствующимъ во всемъ этомъ является только гарнизонъ; и наконецъ, авторъ, разсказывая о нападеніи скиѳовъ на πόλις, расположеный на перешейкѣ, не говоритъ о городѣ и его стѣнахъ, а лишь о „διατείχισμα τοῦ ἰσθμοῦ", о „castellum".

Такимъ образомъ, я изъ интерпретаціи Страбонова текста въ седьмомъ параграфѣ четвертой главы седьмой книги могу только вывести заключеніе, что составитель этого „военнаго разсказа" *не* помѣщаетъ города Херсонесъ на полуостровѣ у Казачьей бухты; изъ всего этого разсказа вытекаетъ, что онъ тамъ предполагаетъ существованіе лишь укрѣпленія, кастелла Херсонесцевъ. И такъ какъ составитель этого разсказа, несмотря на всю вздорность сообщенной имъ стратегемы, оказывается, какъ это явствуетъ изъ разныхъ сообщенныхъ имъ подробностей о соленомъ озерѣ, о камышѣ и т. д., топографически весьма освѣдомленнымъ человѣкомъ, то его показанію слѣдуетъ придать весьма важное значеніе.

Итакъ, то, что Александръ Львовичъ считаетъ одной изъ главныхъ опоръ своего мнѣнія относительно существованія города Херсонеса до I вѣка на полуостровѣ у Казачьей бухты, оказывается, какъ разъ, весьма сильнымъ аргументомъ противъ него.

Мнѣ здѣсь, однако, надо считаться еще съ рядомъ возраженій моего уважаемаго оппонента: я въ рефератѣ, напечатанномъ 11 лѣтъ тому назадъ по этому вопросу, мимоходомъ уже указалъ на возможность, что въ сообщенномъ у Страбона разсказѣ имѣется въ виду одно изъ приведенныхъ въ присягѣ Херсонесцевъ укрѣпленій, и это мое замѣчаніе, тогда еще не доказанное обстоятельно, какъ теперь, дало поводъ Александу Львовичу къ слѣдующимъ разсужденіямъ: „Спрашивается,—пишетъ онъ на стр. 141 и 142—какая и зачѣмъ могла быть крѣпость въ столь близкомъ растояніи отъ Херсонеса? Какъ могло случиться, что ни малѣйшаго указанія на такую важную крѣпость вовсе не сохранилось? Въ знаменитой присягѣ, въ порядкѣ ихъ важности и близости отъ Херсонеса, приведены жалкіе берега западной Тавриды Калосъ-лименъ и Керкинитида,—а такая сильная, прекрасно расположенная и близкая крѣпость, какъ то, что мы находимъ на перешейкѣ Казачьей бухты, не названа, а будто-бы подразумѣвается въ огульномъ выраженіи присяги „прочія укрѣпленія"? Да еще вопросъ, —продолжаетъ Александръ Львовичъ—были ли гдѣ бы то ни было „эти прочія укрѣпленія", хотя бы въ самомъ ничтожномъ видѣ. Мнѣ кажется, что это надобно доказать, и послѣднее едва-ли окажется исполнимымъ. Какъ бы ни были незначительны укрѣпленія, но все же они не

могли быть безыменными; если ихъ имена не приведены, то я думаю, что ихъ и вовсе не было, а въ присягѣ они упомянуты только въ видѣ общей формулы, на всякій случай возможнаго появленія ихъ когда-либо впредь".

На первый вопросъ, поставленный Александромъ Львовичемъ, онъ, какъ военный, отвѣтитъ, мнѣ кажется, лучше меня. Но и для невоеннаго ясно, какъ важно было имѣть для Херсонесцевъ на полуостровѣ у Казачьей бухты хорошій фортъ, чтобы защищать всю восточную территорію Херсонеса отъ набѣговъ разбойниковъ-тавровъ, „которые устраивали—по словамъ Страбона—свои разбойничьи притоны въ ближайшей бухтѣ Символовъ".

Что касается втораго вопроса, какъ могло случиться, что не сохранилось ни малѣйшаго указанія на такую важную крѣпость, то, по моему, такое указаніе имѣется и у автора „военнаго разсказа" у Страбона и въ присягѣ Херсонесцевъ; при указанномъ уже выше состояніи нашей традиціи о Херсонесѣ отсутствіе дальнѣйшихъ извѣстій объ этомъ укрѣпленномъ пунктѣ не можетъ насъ поражать. Далѣе я долженъ замѣтить, что мнѣ неизвѣстно, откуда Александръ Львовичъ знаетъ, что въ присягѣ Херсонесцевъ „Калосъ-лименъ и Керкинитида приведены въ порядкѣ ихъ важности и близости"; мнѣ казалось бы естественнѣе полагать, что Калосъ-лименъ и Керкинитида приведены, какъ конечные и граничные пункты владѣній Херсонесцевъ внѣ малаго Херсонеса,—и что они этими пунктами дѣйствительно владѣли, подтверждается лишній разъ и Страбономъ. Почему всякій фортъ, значительный или незначительный, долженъ былъ быть всегда названнымъ опредѣленнымъ именемъ, я рѣшительно не понимаю. Мы вѣдь говоримъ о Портъ-Артурѣ и его фортахъ, которые даже оффиціально не обозначаются именами, а цифрами,—откуда же у насъ право утверждать, что Херсонесцы эти свои форты не могли назвать „прочія укрѣпленія"? Разсматривать же упоминаніе этихъ, „прочихъ укрѣпленій" въ оффиціальномъ и серьезномъ документѣ, какъ легкомысленный вексель на будущее, я никакъ не могу рѣшиться; если уже допустить возможность подобной неумѣстной шутки въ формулѣ присяги для гражданъ, то надо только удивляться скромности фантазіи ея составителей; несомнѣнно эффектнѣе было-бы заставить гражданъ дать присягу въ томъ, что они сохранятъ свой будущій суверенитетъ надъ всей Элладою! Все это предположеніе Александра Львовича объясняется его взглядомъ на этотъ первоклассный и вполнѣ дѣловой документъ, какъ на типическій образчикъ „обычнаго греческаго бахвальства". Почвы для спора здѣсь нѣтъ, и я предпочитаю объ этомъ вопросѣ не распространяться.

Свое изложеніе я кончилъ. Позволю себѣ въ заключеніе формировать вопросъ, какъ онъ мнѣ представляется послѣ всего сказаннаго. Неоспоримыя археологическія данныя доказываютъ, что основанный Гераклеотами въ Тавридѣ въ концѣ V или началѣ IV вѣка Херсонесъ городъ расположенъ былъ съ начала IV вѣка у Карантинной бухты. У Страбона мы находимъ извѣстіе, что этотъ городъ первоначально лежалъ въ другомъ мѣстѣ, на полуостровѣ у Казачьей бухты; опираясь на это

показаніе Страбона и на разсказъ его-же о скиеской осадѣ, Александръ Львовичъ Бертье-Делагардъ выводитъ заключеніе, что этотъ древній городъ на Казачьей бухтѣ, рядомъ съ новымъ поселеніемъ у Карантинной бухты, продолжалъ существовать до I вѣка до Р. Х.

Нашъ разборъ вопроса и анализъ текста Страбона показалъ, что Страбонъ лично не посѣщалъ Таврида, а основываетъ свое описаніе на периплѣ, составитель котораго, сидя на суднѣ и лично даже не побывавъ на мѣстѣ предполагаемаго Стараго города, записалъ то, что сообщили ему его навклеры. Въ этомъ периплѣ попадаются, какъ мы доказали, рядъ неточностей и погрѣшностей: поэтому авторитетъ его составителя не можетъ считаться особенно большимъ. Его показаніе о существованіи Стараго города никѣмъ изъ упоминающихъ о Херсонесѣ писателей не подтверждается; мало того: авторъ стратегемы, сообщенной у того же Страбона, который оказывается топографически отлично освѣдомленнымъ человѣкомъ, помѣщаетъ на этотъ полуостровъ у Казачьей бухты фортъ или крѣпостцу Херсонесцевъ и этимъ косвенно опровергаетъ показаніе периила о существованіи тамъ города. При такомъ положеніи дѣлъ я не вижу возможности измѣнить мнѣніе, высказанное мною раньше и по прежнему утверждаю, что городъ Херсонесъ съ самаго начала былъ расположенъ на берегу Карантинной бухты, считая противоположное показаніе периила легко объяснимой неточностью.

Я вполнѣ раздѣляю желаніе, высказанное моимъ почтеннымъ оппонентомъ, чтобъ на полуостровѣ у Казачьей бухты произведены были основательныя, строго научныя раскопки. Неблагодарной роли пророка взять на себя не берусь: поэтому я воздерживаюсь отъ предсказанія, что тамъ будетъ найдено, и чего тамъ не можетъ быть, какъ это дѣлаетъ Александръ Львовичъ. Если, вопреки всякой вѣроятности, раскопками на полуостровѣ у Казачьей бухты обнаружены будутъ остатки храмовъ, общественныхъ зданій, домовъ, некрополя, документовъ и прочихъ доказательствъ существованія здѣсь города отъ IV—I вѣка до Р. Х., въ чемъ такъ сильно увѣренъ мой почтенный оппонентъ, то я, конечно, готовъ буду учиться и снова подвергнуть весь вопросъ тщательному пересмотру, а пока результаты этихъ будущихъ раскопокъ еще не имѣются на лицо, пока ими не подтверждены желанія и ожиданія Александра Львовича, я долженъ стоять на твердой почвѣ нашихъ дѣйствительныхъ свѣдѣній, а не на зыблемомъ грунтѣ предположеній и гаданій. Изъ того, что есть, что мы пока знаемъ, я другого вывода сдѣлать не умѣю, какъ сдѣланный мною уже одиннадцать лѣтъ тому назадъ: древній Херсонесъ съ самаго начала своего существованія расположенъ былъ тамъ, гдѣ расположенъ былъ и Херсонесъ римскаго и византійскаго періода,—на берегу Карантинной бухты.

Новый эпиграфическій матеріалъ изъ Керчи.

а) Два боспорскихъ надгробія, приобретенныя музеемъ Мелекъ-Чесменскаго кургана въ 1906 и 1907 г.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1906 г. у торговца древностями С. Головлева купленъ надгробный памятникъ, найденный, по его словамъ, на Глинищѣ въ Керчи. Надгробіе хорошей сохранности, изъ мелкозернистаго известняка (выс. 1,2; шир. 0, 44; толщ. 0, 18).

Невысокій фронтонъ надъ рельефомъ украшенъ по угламп акротеріями, между которыми помѣщены 2 розетки о 5 листкахъ; въ центрѣ фронтона 2 концентрическихъ кружка. Рельефъ представляетъ двухъ обращенныхъ вправо всадниковъ въ скиѳскомъ одѣяніи съ наручниками; позади ихъ 3-я фигура съ большимъ круглымъ щитомъ и 3-мя копьями. Передъ всадниками мальчикъ, протягивающій имъ какой-то сосудъ.

Находящаяся подъ рельефомъ надпись состоитъ изъ 4 строкъ (высота буквъ 0,03).

ΛΥΣΙΜΑΧΕΔΙΟ
ΝΥΣΙΟΥΚΑΙΥΕΙΕ
ΛΥΣΙΜΑΧΕ
ΧΑΙΡΕΤΕ

Λυσίμαχε Διο
νυσίου καὶ ὑεὶέ
Λυσίμαχε
χαίρετε.

Греческая надпись, очень тщательно и красиво вырѣзанная по линейкамъ, несомнѣнно относится къ римской эпохѣ. На позднее происхожденіе надписи указываетъ начертаніе буквъ CEA и правописанье ΥΕΙΕ вмѣсто ΥΙΕ. Что касается имени Λυσίμαχος, то оно довольно часто встрѣчается въ Пантикапеѣ среди мѣстной аристократіи, судя по пышнымъ эпитафіямъ. (Ins. O. S. P. E. II 171 и IV 210 и 317). Другое имя Διονύσιος—одно изъ самыхъ употребительныхъ.

Другая надпись на надгробіи, найденномъ въ Тамани вмѣстѣ съ 3-мя другими надгробными памятниками безъ надписей, куплена у торговца древностями Ключковскаго 15 марта 1907 г.

Плита, переломленная пополамъ,—изъ раковистаго известняка (длин. 0,76; шир. 0,38—0,44; толщ. 0,13).

Фронтонъ съ грубо сработанными акротеріями и розетками возвышается надъ архитравомъ, покоющимся на антахъ. Въ срединѣ «speculum» съ рельефнымъ изображеніемъ женщины, сидящей на креслѣ. Подъ рельефомъ надпись въ 2 строки (выс. буквъ 0,02—0,025).

ΒΑΣΙΛΙΝ *Βασίλιν*
ΧΑΙΡΕ *χαῖρε.*

Надпись даетъ форму Βασίλιν. Повидимому, нѣтъ никакого основанія предполагать послѣ N пропуска гласной. Мы имѣемъ въ боспорской эпиграфикѣ цѣлый рядъ женскихъ именъ уменьшительныхъ, оканчивающихся на ιν, напр.: Ἀρτέμιειν, Χρύσειν, Ἄνειν, Ἡδύνειν, Γλυκάριν, Μύρτιν. Надпись римской эпохи. Имя до сихъ поръ не встрѣчалось.

б) Двѣ надписи, хранящіяся въ музеѣ Мелекъ-Чесменскаго кургана, до сихъ поръ неизданныя.

При тщательномъ осмотрѣ всѣхъ памятниковъ, хранящихся въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ, оказались двѣ плиты съ надписямм, до сихъ поръ неизданными, неизвѣстно, кѣмъ и когда пріобрѣтенныя; во всякомъ случаѣ, согласно заявленію В. В. Шкорпила, попавшія въ Музей еще до 1894 г.

I) Почти прямоугольная плита изъ разсыпчатаго извѣстняка, плохо обтесанная по краямъ, съ маленькимъ выступомъ вправо (выс. 0,47; шир. 0,2—0,19; толщ. 0,11). Крупными буквами (выс. 0,07—0,08; только буква О—0,015) небрежно вырѣзаны слѣдующія слова:

Τ Α Φ Ο Σ — *Τάφος*
Λ Α Υ — *Λαυ*
Ν Ι Κ Α — *νίκα(ς).*

Въ такой формѣ надпись нѣсколько непонятна; можно предположить пропускъ Σ въ концѣ 3-й строки. Какъ по формѣ стелы, такъ и по стилю небрежно высѣченныхъ большихъ буквъ, въ особенности Α и Υ, надпись придется отнести къ позднѣйшему времени, III—IV по Р. Хр.

Отмѣтить слѣдуетъ правописаніе Λαυνίκα вмѣсто Λαονίκα, какъ это часто бываетъ (напр.: Λαοδίκη и Λαυδίκη); затѣмъ α вмѣсто η въ окончаніи.

II) Плита имѣетъ видъ трапеціи (выс. 0,3; шир. 0,27; толщ. 0,08). Большими буквами (0,08=0,3) небрежно начертано имя Μαρία и еще нѣкоторыя буквы.

Μ Α
Ρ Ι Α — *Μαρία.*
Α Ρ*

И этотъ памятникъ, какъ по стилю буквъ, такъ и по имени, начертанному на немъ, относится къ позднимъ временамъ. Онъ, если не христіанскаго, то еврейскаго происхожденія.

Ю. Марти.

384 ЗАСѢДАНІЕ (годичное)

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

14-го Ноября 1907 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта *Э. Р. фонъ Штерна,* при секретарѣ *А. А. Павловскомъ,* дѣйствительные члены: *Х. П. Ящуржинскій, С. Д. Пападимитріу, А. В. Лонгиновъ, А. Е. Егоровъ, К. О. Лысаковскій, Е. Перетятковичъ,* члены сотрудники: *М. С. Мончевскій,* гости: *А. Э. фонъ-Штернъ.*

Слушали:

1. Краткій отчетъ о дѣятельности Общества въ 68-мъ году его существованія, составленный секретаремъ Общества.

Постановили: напечатать въ сокращенномъ видѣ въ протоколѣ.

2. Докладъ д. чл. проф. фонъ-Штерна о раскопкахъ, имъ произведенныхъ въ отчетномъ году на островѣ Березани.

Постановили: Благодарить докладчика и докладъ напечатать въ протоколѣ.

3. Предложеніе Совѣта о возбужденіи ходатайства объ увеличеніи субсидіи, отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ 2,500 рублей до 4,500 рублей.

Постановили: просить г. Президента возбудить ходатайство.

4. Предложеніе Совѣта объ избраніи въ дѣйствительные члены Общества генералъ-лейтенанта Льва Матвѣевича Байкова, бывшаго профессора Академіи Генеральнаго Штаба, и предсѣдателя Одесской Земской Управы г. Сахарова

Постановили: баллотировку произвести въ слѣдующемъ засѣданіи.

5. Заявленіе хранителя Музея о поступившихъ въ Музей предметахъ древности, при чемъ отъ поч. члена, вице-президента Общества А. Л. Бертье-Делагарда—большой коллекціи монетъ, присланной къ годичному засѣданію, какъ обычный его даръ.

Постановили: Благодарить жертвователя и занести поступившіе предметы въ инвентарь Музея.

Вступая въ 69-й годъ своего существованія Императорское Одесское Общество не можетъ не порадоваться окончательному, по видимому, рѣшенію Одесской Городской Думой вопроса объ уступкѣ Обществу всего помѣщенія

бывшей Публичной Библіотеки, благодаря чему, наконецъ, Общество возвращается къ прежнему, до 1882 года положенію, къ помѣщенію Музея въ собственномъ домѣ, безъ всякаго сосѣдства. Правда, большое нынѣ помѣщеніе, дающее возможность, наконецъ, систематически расположить богатыя коллекціи нашего музея, едвали соотвѣтствуетъ средствамъ Общества, располагающаго всего только 2500 рублями Высочайше дарованнаго пособія, едва хватающими на содержаніе служащихъ въ музеѣ, на изданія его и на незначительныя пріобрѣтенія предметовъ древности. Отнынѣ на Общество ляжетъ тяжесть ремонта и содержанія всего дома, теперь же, въ ближайшее будущее, и надлежащаго приспособленія собственнаго дома, въ которомъ за время существованія въ немъ библіотеки, въ продолженіи 25 лѣтъ, не было произведено ни разу капитальнаго ремонта городомъ, для нуждъ музея, что уже, несомнѣнно, не по силамъ Обществу, если къ нему не прійдутъ на помощь правительство, городъ, члены Общества, хотя бы болѣе аккуратной уплатой своихъ членскихъ взносовъ, а если возможно и посильными пожертвованіями, и сторонніе лица, интересующіяся археологіей и народнымъ просвѣщеніемъ. Въ настоящее время Общество совершенно справедливо отдало бы должное, если бы выразило благодарность Городской Думѣ въ полномъ ея составѣ за рѣшеніе вопроса о домѣ въ пользу Общества и особенно тѣмъ г. гласнымъ, которые взяли на себя трудъ пролить надлежащій свѣтъ на положеніе вопроса и на заслуги Общества передъ городомъ и предъ всей Россіей.

Въ отчетномъ году въ составѣ Общества произошли слѣдующія измѣненія: вновь избрано дѣйствительными членами два лица, проф. С.-Петербургскаго Университета Михаилъ Ивановичъ Ростовцевъ и приватъ-доцентъ мѣстнаго Университета А. В. Рыстенко, бывшій уже нѣсколько лѣтъ членомъ-сотрудникомъ Общества и проявившій свой интересъ къ Обществу приведеніемъ въ порядокъ библіотеки Общества и описаніемъ его рукописей. Утрата Общества выразилась въ смерти двухъ старѣйшихъ его дѣйствительныхъ членовъ: заслуженнаго профессора Новороссійскаго Университета, Александра Александровича Кочубинскаго и Григорія Григоріевича Маразли. Ни одного почти засѣданія Общества не пропускалъ всѣми уважаемый Александръ Александровичъ, всегда высоко несшій знамя науки, всегда справедливо и энергично отстаивавшій интересы Общества, въ дѣятельности котораго принималъ и активное участіе, особенно въ вопросахъ, близко касавшихся его любимаго роднаго города Аккермана, древняго Тира, какъ былъ онъ увѣренъ. Пусть же будетъ легка земля этому почтенному члену нашего Общества; имя его еще долго не забудется въ наукѣ, благодаря его научнымъ трудамъ.

Дѣятельность Общества сказалось въ устройствѣ 6 засѣданій, на которыхъ было прочтено 8 докладовъ; львиная доля ихъ какъ и всегда выпадала на имя нашего д. члена, члена Совѣта и хранителя музея, проф. Э. Р. фонъ-Штерна, и въ изданіи 27-го тома Записокъ.

Стремясь къ ознакомленію Общества и преимущественно учащейся молодежи съ памятниками древности, Общество и въ этомъ году предо-

ставляло свой музей ихъ изученію, а въ случаяхъ посѣщенія музея группами учащихся въ лицѣ хранителя музея и давала имъ руководителя въ этомъ изученіи. Въ отчетномъ году посѣтило музей болѣе 6000 человѣкъ и болѣе 14 учебныхъ заведеній.

Библіотека Общества обогатилась въ этомъ году на 1000 томовъ, поступившихъ почти исключительно въ обмѣнъ на его изданія отъ разныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ. Въ этомъ году вновь вступили въ обмѣнъ своими изданіями съ обществомъ два учрежденія; Московскій Археологическій Институтъ и Будапештскій Археологическій Музей.

Обогатился въ отчетномъ году и музей общества новыми пріобрѣтеніями, изъ к-хъ часть была принесена въ даръ Императорской Археологической Коммиссіей и слѣдующими лицами:

Почетнымъ членомъ вице-президентомъ общества А. Л. Бертье-Делагардомъ, дѣйствительными членами—И. А. Линниченко Г. А. Маврогордато Э. Р. фонъ-Штерномъ И. П. Щелковымъ, членомъ сотрудникомъ Ю. Ю. Марти и г. г. А. А. и Б. А. Анатра, Ш. Гохманомъ, П. В. Зубовымъ и І. Л. Конельскимъ.

ОТЧЕТЪ

о раскопкахъ на о. Березани лѣтомъ 1907 года.

Раскопки на островѣ Березани лѣтомъ настоящаго года преслѣдовали троякую цѣль: во первыхъ, казалось желательнымъ дальше продолжать разслѣдованіе античнаго поселенія, открыть на возможно большемъ протяженіи остатки стѣнъ и фундаментовъ античныхъ построекъ; во вторыхъ, опредѣлить, какъ далеко къ Ю. В. простиралось это поселеніе, и въ третьихъ, по возможности выяснить значеніе плоскихъ, круглыхъ ямокъ и впадинъ, которыя встрѣчаются въ значительномъ количествѣ особенно на С. З. части острова и позволяютъ всю поверхность этой части сравнивать съ рябымъ лицомъ.

Въ мѣсячный срокъ, который былъ въ моемъ распоряженіи, я старался выполнить намѣченную для этой четвертой кампаніи моихъ раскопокъ на Березани программу.

І. Раскопка поселенія.

Въ отчетномъ году продолжены были работы тамъ, гдѣ остановились въ прошломъ и въ направленіи къ турецкому рву и морю была тщательно изслѣдована и раскопана площадь въ 120 квадратныхъ сажень (12 саж. ширины и 10 длины). Хотя и въ этомъ году Имп. Арх. Комиссія любезно предоставила въ мое распоряженіе рельсы и вагонетки, работа здѣсь двигалась впередъ довольно медленно; обнаженіе фундаментовъ и остатковъ стѣнъ, полная очистка воронкообразныхъ сорныхъ ямъ, расположенныхъ рядомъ со стѣнами, потребовали осторожной и тщательной работы и отнимали, вслѣдствіе этого, довольно много времени.

Прилагаемый при семъ планъ раскопа А позволяетъ мнѣ быть краткимъ въ описаніи найденныхъ фундаментовъ и стѣнъ и очищенныхъ сорныхъ ямъ; какъ показываетъ уже бѣглый взглядъ на планъ, обнаруженныя въ этомъ году стѣны принадлежатъ, по видимому, къ тремъ постройкамъ или домикамъ, обозначеннымъ на планѣ буквами B—B^2, C—C^2 D—D^1, и E—E^4; остальные остатки стѣнъ, отъ A—H включительно, слишкомъ незначительны, чтобы о нихъ высказать какое нибудь опредѣленное предположеніе.

Длина стѣны	B=2 саж. 5 верш.	ея высота	13 верш.	толщина	12 вер.
» »	B^1=1 ар. 10 в.+8 ар. 9 в.	» »	15 »	»	12 »
» »	B^2=2 саж.	» »	14 »	»	11 »
» »	C =1 саж. 5 вер. . . .	»	1 ар. 4 »	»	10 »
» »	C^1=2 саж. 3 вер.	ея выс. 8 вер.		»	11 »
» »	C^2=2 саж.	» »	1 ар. 2 »	»	11 »
» »	D =7 ар. 5 вер.	» »	1 ар. 10 »	»	11 »
» »	D^1=8 ар. 12 вер.	» »	1 ар. 10 » (9 ряд. камней)	»	12 »

длина стѣны	E =1 саж. 5 вер.	Высота сохранившейся части стѣнки 12 верш.; толщина отъ 1 аршина до 1 аршина 6 вершковъ.
» »	E^1=2 ар. 12 »	
» »	E^2=4 » 8 »	
» »	E^4=4 » 11 »	
» »	E^3=4 саж.	

Въ поясненіе плана еще добавлю, что растояніе между B^2 и C^1 всего 1 арш. 5 вер.; отъ B^2 до E=1 сажень.

Какъ показываютъ эти размѣры, мы имѣемъ дѣло съ очень маленькими, ничтожными жилыми помѣщеніями. Этимъ маленькимъ размѣрамъ соотвѣтствуетъ и характеръ кладки. Стѣны сложены изъ бута, безъ извести; правда, облицовка стѣнъ не вездѣ сохранилась; гдѣ она цѣликомъ на мѣстѣ, какъ на стѣнахъ C^2, D, D^1 (въ внутренней части четыреугольника), она состоитъ изъ штучныхъ камней, которые чередуются съ большими плитами (иногда даже мраморными) и кладка здѣсь болѣе тщательна.

Фотографическій снимокъ стѣны D вполнѣ точно передаетъ характеръ этой кладки.

Какъ обнаруженныя въ предшествующіе годы, стѣны, такъ и раскопанные въ этомъ году строительные остатки принадлежатъ, по видимому, двумъ періодамъ.

Одна часть каменныхъ фундаментовъ расположена или прямо на материкѣ (E—E^4) или на не особенно толстой подстилкѣ изъ глины и золы (C—D), которая въ болѣе совершенномъ изготовленіи встрѣчается особенно часто въ ольвійскихъ постройкахъ и является, должно быть, характерной особенностью іонійскаго строительнаго искусства, другая же часть фундаментовъ (B—B^2) поднимается на насыпи, имѣющей иногда довольно значительную толщину (при B^1, напримѣръ, 2 аршина) и состоящей не изъ правильно чередующихся слоевъ золы и глины, а изъ пестрой смѣси черепковъ, кухонныхъ остатковъ (костей отъ животныхъ и рыбъ, золы, угля, раковинъ) и земли. Надо полагать, что фундаменты и стѣны этой второй категоріи воздвигнуты позже, чѣмъ строенія, расположенныя на материкѣ или

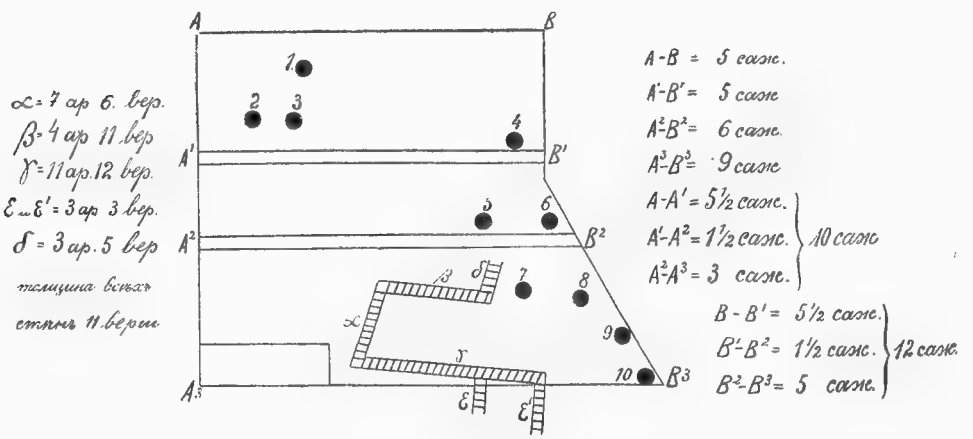
на выше указанныхъ, нарочно изготовленныхъ прослойкахъ. Однако, судя по характеру находокъ, едва-ли эти два строительныхъ періода отдѣлены другъ отъ друга особенно значительнымъ промежуткомъ времени. Не безинтересно отмѣтить, что узкій проходъ между стѣнами B^2 и C^1 цѣликомъ заполненъ былъ черепками битыхъ простыхъ амфоръ и что пространство между C^2 и D также наполнено всецѣло костями, золой и амфорными черепками. Очевидно, это помѣщеніе (C^2—D—D^1) служило впослѣдствіе, во второй періодъ поселенія, сорной ямой. Такъ какъ между черепками въ этомъ помѣщеніи встрѣчаются чернолаковые аттическіе черепки (одинъ съ graffito ΛΗΤΔ) и одинъ очень хорошій черепокъ съ изображеніемъ большой крылатой фигуры, то отсюда слѣдуетъ, что и этотъ второй періодъ поселенія относится не ко времени не позже начала V вѣка. Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть, что въ узкомъ помѣщеніи между стѣнами, C^1—C—C^2 уровень пола различной высоты; между тѣмъ, какъ между этими стѣнами сдѣлана была сплошная выемка материка въ 1 аршинъ, вдоль стѣны C^2 материкъ на всемъ протяженіи ея, въ ширину полутораршинной полоски, оставленъ нетронутымъ; эта полоска тщательно обмазана глиной и вслѣдствіе этого вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ глинянымъ смазаннымъ скамейкамъ, которыя встрѣчаются всюду въ малороссійскихъ избахъ.

II. Что касается отдѣльныхъ находокъ, то среди нихъ по прежнему первое мѣсто занимаетъ античная керамика. Особенно обильную жатву всевозможныхъ черепковъ различныхъ видовъ античной росписной посуды, начиная съ такъ называемыхъ навкратійскихъ и древне-милетскихъ сосудовъ и кончая издѣліями аттическаго гончарнаго промысла краснофигурной техники строгаго стиля, по прежнему давали сорныя, воронкообразныя ямы около стѣнъ построекъ, которыхъ въ настоящемъ году найдено и раскопано 11 (№ 44—59 на планѣ). Особенно богата содержаніемъ была яма 58; здѣсь обнаружены сначала остатки десятковъ простыхъ амфоръ—между ними одна маленькая цѣлая; цѣлый простой глиняный кувшинъ, цѣлая простая лампочка; затѣмъ, начиная со средины ямы, найдено значительное количество черепковъ превосходнаго іонійскаго сосуда: на желтомъ фонѣ, среди орнамента въ видѣ полукруговъ, исполненныхъ въ бурой краскѣ, оставлена свободная полоса, на которой въ той же краскѣ изображена живо исполненная сцена охоты: большія собаки гонятся за зайцами, птицами и ланями. Глубже лежали фрагменты іоническаго кратера съ своеобразной ручкою и изображеніемъ косороговъ, черный, почти цѣлый киликсъ, чернофигурные черепки, ножки отъ чернолаковаго сосуда съ интереснымъ graffito, написаннымъ στοιχηδον, наконечники стрѣлъ, челюсть свиньи и другія кости, уголь и т. д. Но и въ насыпи надъ и между стѣнами найдены небезинтересные остатки гончарнаго производства, при чемъ поражаетъ смѣсь весьма грубыхъ, на мѣстѣ сработанныхъ черныхъ или сѣрыхъ сосудовъ съ тончайшими экземплярами привознаго изъ Греціи и Малой Азіи товара. Кромѣ керамическихъ находокъ обращаютъ на себя вниманіе и другіе предметы античной промышленности; упомяну среди нихъ особенно объ одной костяной тамбурной иглѣ. Наконецъ, въ насыпи между стѣнами C^2 и D^1, въ

выемкѣ напротивъ C^2, на глубинѣ 1 ар. 12 вер. отъ поверхности найдены двѣ каменныя плиты: одна изъ простого известняка прикрыла другую, мраморную, которая содержитъ посвятительную надпись римскаго времени въ честь Ахилла Понтарха. Объ этой надписи рѣчь будетъ впереди.

Вторымъ пунктомъ для работъ въ настоящемъ году избрано было мѣсто на 3 отъ большаго кургана (K^1), раскопаннаго два года тому назадъ—отъ подошвы кургана до самаго берега моря. Это мѣсто представляло особый интересъ тѣмъ, что здѣсь имѣлось на поверхности два плоскихъ, кругло очерченныхъ углубленія и что оно было по близости кургана, въ которомъ найдена была руническая надпись: естественно явилось желаніе изслѣдовать примыкающую къ этому кургану территорію. Работа начата была съ крутаго обрыва надъ моремъ и здѣсь сначала выкопана была траншея въ 5 сажень длины при ширинѣ въ $3^1/_2$ с.; въ насыпи было найдено три человѣческихъ скелета: два въ скорченномъ видѣ, третій правильноположенный, лицомъ на востокъ, съ вытянутыми ногами, съ правой рукою вдоль туловища, съ лѣвою на груди, между тѣмъ какъ „скорченные" скелеты лежали на лѣвомъ боку съ головою на С. Около этихъ скелетовъ не было никакихъ придатковъ: въ насыпѣ, однако, раскопано довольно много интересныхъ остатковъ античныхъ керамическихъ издѣлій, между прочимъ и цѣлый маленькій сосудикъ въ видѣ головы воина въ шлемѣ; работа очень хорошая; мѣстомъ производства этихъ головокъ принято считать островъ Родосъ, по видимому только потому, что такія головки—ихъ не особенно много—по преимуществу тамъ были найдены.

Когда въ раскопѣ дошли до материка, то въ немъ оказалось четыре воронко-образныя ямы съ обычнымъ содержаніемъ: черепки отъ простой посуды, отъ чернофигурныхъ вазъ, а въ нижнихъ слояхъ и милетскихъ блюдъ, тарелокъ и мисокъ и много кухонныхъ остатковъ, кости стерлядей и другихъ рыбъ, скорлупки отъ устрицъ, кости отъ домашнихъ животныхъ въ перемѣшку съ углями, золою и землею наполняли эти ямы. Затѣмъ оставленъ былъ гребень земли въ аршинъ ширины и за нимъ раскопали вторую траншею; въ ней оказалось всего 2 ямы съ тѣмъ-же содержаніемъ, какъ только-что описанныя. Въ третьей траншеѣ наткнулись на остатки фундаментовъ отъ постройки; слѣдуя при работѣ за направленіемъ этихъ стѣнъ, пришлось сильно удлинить траншею, такъ что раскопанная площадь получила видъ неправильнаго четырехугольника. Нижеслѣдующій чертежъ можетъ служить приблизительной иллюстраціей формы раскопанной площади и направленія открытыхъ стѣнъ.

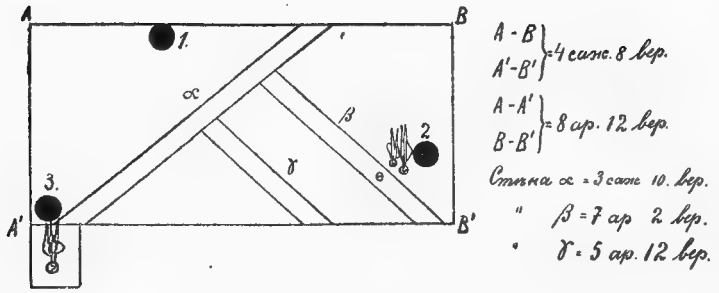


Стѣны эти не стоятъ на самомъ материкѣ, а на подстилкѣ изъ глины и золы толщиною въ 8 вершковъ; внутри стѣны имѣется выемка земли еще въ 11 вершковъ, такъ что съ внутренней стороны первый рядъ камней находится надъ уровнемъ грунта въ 1 арш. 3 вершка. Стѣны на сухо сложены изъ тщательно обдѣланныхъ большихъ штучныхъ камней; сохранились стѣны отъ двухъ до четырехъ рядовъ камней; рядомъ съ цѣликомъ сохранившимися рядами лежала масса отдѣльныхъ разбросанныхъ камней а въ двухъ мѣстахъ цѣлыя кучки ихъ. Такъ какъ рядомъ съ этими фундаментами найдены черепки отъ чернофигурныхъ аттическихъ и милетскихъ сосудовъ, то о времени этой постройки не можетъ быть сомнѣнія; выяснено такимъ образомъ, что древнее поселеніе простиралось, по крайней мѣрѣ, до подошвы большаго кургана на Западную сторону острова и выясненъ попутно и другой вопросъ: плоское углубленіе въ землѣ какъ разъ находилось надъ пространствомъ, окруженнымъ этими остатками стѣнъ. Мы по этому въ правѣ предполагать, что и остальныя углубленія, которыя въ изрядномъ количествѣ встрѣчаются на этой части острова и попадаются еще дальше на Западъ за большимъ курганомъ, того-же происхожденія, какъ изслѣдованныя при раскопѣ $К^{\alpha}$, и представляютъ собою слѣды жилыхъ помѣщеній; конечно, дальнѣйшими раскопками придется еще провѣрить правильность этого предположенія.

Что касается отдѣльныхъ находокъ, то и здѣсь главный интересъ сосредоточивается на образцахъ древне-милетской и древне-аттической керамики

III. Дальше изслѣдовано было маленькое повышеніе на востокъ отъ большаго кургана ($К^{1}$), непосредственно почти прилегающее къ немного большему холмику, ($С^{4}$) который раскопанъ былъ два года тому назадъ и въ которомъ, кромѣ остатковъ стѣнъ жилаго помѣщенія, найдены были два куска мраморной плиты съ посвятительной надписью въ честь Ахилла Понтарха. Преимущественно надежда найти недостающій конецъ надписи заставила меня взяться за раскопку этого сосѣдняго повышенія. Поиски за недостающимъ кускомъ плиты не увѣнчались успѣхомъ; но тѣмъ не менѣе я не жалѣю, что разрылъ это маленькое повышеніе (на планѣ $С^{5}$). При очисткѣ первой траншеи (въ 8 аршинъ длины и 4 ширины) уже оказалось, что черезъ весь маленькій курганчикъ проходитъ стѣна на 15 верш. надъ поверхностью земли; въ западномъ углу траншеи, на глубинѣ 14 вер. наткнулись на костякъ: онъ лежалъ частью на стѣнкѣ; голова смотрѣла на С.—В.; руки были согнуты въ локтяхъ; правая положена была на бедро; десятый позвонокъ былъ обугленъ—остальныя кости цѣлы. Непосредственно рядомъ съ костякомъ вещей не оказалось; на одномъ уровнѣ съ нимъ въ траншеѣ найдены маленькій круглый свѣтильникъ, 3 фрагмента интереснаго сосуда (на желтомъ фонѣ бурыя фигуры силеновъ съ красными клинообразными бородами), глиняная пирамидка, фрагменты чернолаковыхъ сосудовъ и т. д.

Открытіе стѣны заставило меня немного расширить первоначальный планъ раскопа и, очищая стѣну на всемъ ея протяженіи, сдѣлать болѣе значительную выемку земли. Прилагаемый при семъ рисунокъ поможетъ иллюстрировать видъ раскопанной площади.



Раскапывая стѣну α мы наткнулись на двѣ поперечныхъ стѣны, которыя также на всемъ протяженіи ихъ сохранности сложены были на сухо изъ штучныхъ камней, правда не такъ тщательно обтесанныхъ, какъ при стѣнахъ въ раскопѣ $К^{\alpha}$, а между ними и материкомъ оказался также тонкій слой смѣси глины съ золою. „In situ" сохранились два ряда камней. Ближе отъ стѣны β, почти непосредственно надъ ямой № 2, лежали два костяка; кости были въ безпорядкѣ; повидимому, трупы брошены въ плоскую могилу, какъ попало; голова одного изъ костяковъ лежала на стѣнѣ β въ разстояніи одного аршина отъ тѣла; вещей, кромѣ куска желѣзнаго дротика, копья, у костяковъ не оказалось; зато въ 3 ямахъ и въ насыпи около стѣны найдено много любопытныхъ черепковъ; отмѣчу особенно фрагменты большого милетскаго кратера съ изображеніемъ большого оленя на желтомъ фонѣ и рядъ черепковъ большого коринѳскаго сосуда съ фигурными изображеніями въ разныхъ ярусахъ и надписями въ древне-коринѳскомъ алфавитѣ. Кромѣ того въ изобиліи раскопаны черепки типа Навкратиса, Фиккелуры и т. д.; такъ что этотъ сравнительно не большой раскопъ далъ весьма любопытный керамическій матеріалъ.

IV. Одновременно съ раскопкою возвышенія $С^{5}$ шла работа еще на другомъ пунктѣ. На сѣверной части острова возвышается неособенно большой курганъ, непосредственно передъ глубокой балкою, за которою начинается плоская, ровная, возвышенная часть острова. Этотъ курганъ $К^{3}$ отстоитъ отъ раскопа $Б^{6}$ (1905 года) на 53 сажени. Такъ какъ въ этомъ раскопѣ обнаружены были слѣды стѣнъ, то мнѣ казалось желательнымъ установить, простиралось ли древне-греческое поселеніе до самой балки и что содержитъ въ себѣ этотъ курганъ, являющійся какъ-бы конечнымъ пунктомъ культурныхъ слѣдовъ въ направленіи къ возвышенной, клинообразно кончающейся части острова, ибо за этой балкою нѣтъ больше внѣшнихъ признаковъ, по которымъ возможно было-бы предполагать, чтобы эта часть острова была когда-либо заселена или застроена. Поверхность почвы гладка, земля нетронута, нѣтъ черепковъ и культурныхъ наслоеній сплошь до турецкихъ рвовъ и валовъ на самомъ концѣ острова.

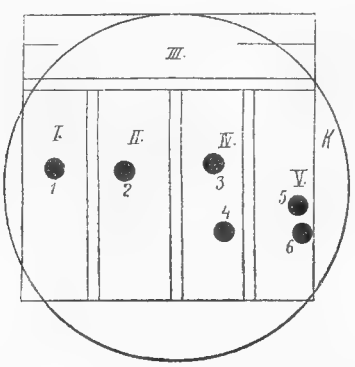
Означенный курганъ поднимается на самомъ краю крутого берега; съ берега и начали копать траншею длиною въ 4 саж., шириною въ 4 арш. Въ насыпи найдены были двѣ формы,—одна для отливки подвѣсокъ, другая для отливки розетокъ (подобная каменная форма изъ того-же матеріала,

кстати замѣтить, въ этомъ году случайно найдена въ Оргѣевскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи и доставлена въ Одесскій Музей); дальше найдены черепки краснофигурнаго кубка, съ изображеніемъ крылатаго Эрота или Ганимеда, держащаго въ рукахъ черную ойнохоэ и т. д.

Въ срединѣ этой первой траншеи на глубинѣ отъ поверхности въ 1 сажень обнаружена 'воронкообразная яма, (діаметръ внизу 3 ар. 13 вер., глубина въ материкѣ 1 ар. 3 вер.); стѣнки ямы тщательно вымазаны были глиною; въ насыпи надъ ямой и въ самой ямѣ была мягкая, какъ пухъ зола, такъ что рабочіе подчасъ по колѣна погружались въ эту насыпь. Въ ямѣ найдены черепки родосскихъ тарелокъ, черепки навкратійской керамики, а на самомъ днѣ ямы цѣлый грубый сосудъ, такъ называемаго „скиескаго типа", изъ сырой, плохо обожженной глины. Эта находка показываетъ, что сосуды этого типа изготовлялись уже въ 6 вѣкѣ до Р. Х. здѣсь на югѣ Россіи.

Оставленъ былъ гребень въ 1 аршинъ и взялись раскопать вторую траншею такихъ же размѣровъ; и въ ней земля очень мягкая; въ траншеѣ найдено нѣсколько краснофигурныхъ черепковъ строгаго стиля, масса грузилъ и много фрагментовъ отъ простыхъ амфоръ; въ западной сторонѣ траншеи обнаружена яма (№ 2), 1 саж. 3 вер. въ діаметрѣ; глубина въ материкѣ 1 ар. 2 вер.; яма наполнена золой и кухонными отбросками, въ ней найденъ свистокъ изъ клыка свиньи, гладко отполированнаго, фрагменты пиксиды, родосской тарелки и чернолаковаго киликса.

Свирѣпствовавшій два дня штормъ заставилъ насъ провести третью траншею въ другомъ направленіи, чтобы вѣтеръ не гналъ выбрасываемую землю назадъ въ лицо рабочимъ. Раскопъ получилъ въ виду этого слѣдующую форму:



траншеи I, II, IV, V,
длина 3½ саж.
ширина 4 ар.
траншея III. длина
5 сажень 12 вер
ширина 4 аршина.

Въ третьей траншеѣ ямъ не оказалось; земля очень твердая; въ насыпи два, на половину сохранившихся, грубыхъ сосуда, три чернолаковыхъ донышка съ graffito. За то въ четвертой траншеѣ раскопаны двѣ ямы (№ 3 и 4); ямы отстоятъ другъ отъ друга всего на 15 вершковъ; діаметръ ямы № 3—4 ар.; № 4—всего 1 ар. 13 вер. на подошвѣ, на верху 1 ар. 2 вер., Въ ямѣ № 3 найдена цѣлая большая желтая амфора съ тремя глубоко врѣзанными въ мягкую глину буквами іоническаго алфавита (VI вѣка), черепки

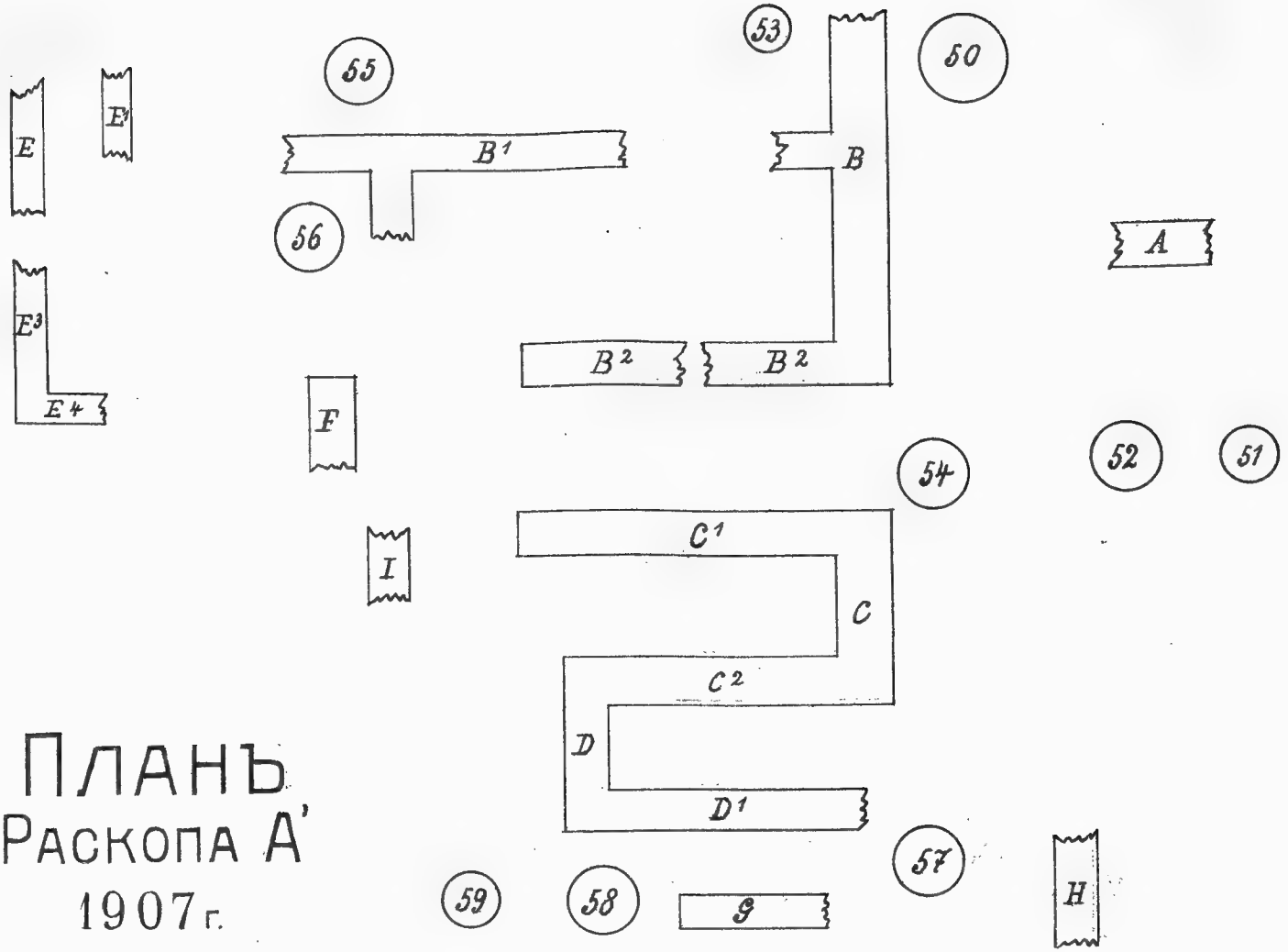
большого милетскаго кратера съ изображеніемъ оленя и черепки типа навкратійскаго гончарнаго производства. Въ самой траншеѣ выше ямы, оказалось довольно много чернофигурныхъ античныхъ черепковъ. Яма № 4, кромѣ золы, содержала лишь нѣсколько черепковъ простыхъ амфоръ. Наконецъ, въ пятой траншеѣ обнаружены опять двѣ ямы, № 5 и 6, на очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Въ № 5 весь полъ ямы устланъ былъ хорошо сохранившимся углемъ; костей мало; человѣческихъ нѣтъ; въ обѣихъ ямахъ не особенно много черепковъ отъ милетскихъ сосудовъ и простыхъ амфоръ. Слѣдовъ какихъ-либо фундаментовъ стѣны не обнаружено. Мало было въ курганѣ даже отдѣльныхъ, разбросанныхъ камней.

V. Недалеко отъ этого кургана $К^3$, но уже за неглубокой балкой, въ той части острова, гдѣ какъ сказано, въ общемъ нѣтъ внѣшнихъ признаковъ какихъ-нибудь культурныхъ остатковъ, на самомъ обрывѣ надъ моремъ обнаруженъ былъ рядъ полуразрушенныхъ ямъ. Онѣ имѣютъ теперь видъ полукруговъ, такъ какъ половина ихъ при общемъ процессѣ уменьшенія острова, повалилась въ море. Три изъ этихъ ямъ нами раскопаны. Они оказались вымазанными глиною и содержали довольно много керамическихъ остатковъ: пестрая масса фрагментовъ всевозможныхъ сосудовъ различныхъ эпохъ говоритъ въ пользу предположенія, что эти ямы скорѣе являются сорными ямами, чѣмъ похоронными, хотя и послѣднія имѣютъ одинаковую форму и отличаются лишь характеромъ своего инвентаря. Если предположеніе вѣрно, что эти ямы устроены были для выбрасыванія сметья и домашняго сора, то мы должны дальше заключить, что античные поселенія простирались и до этой части острова.

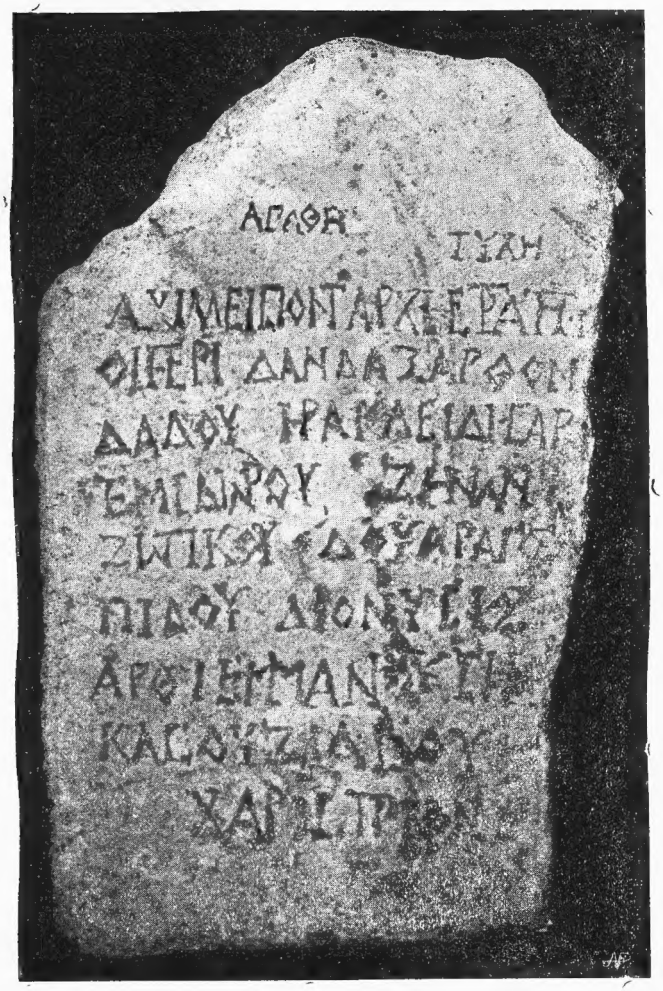
Въ заключеніе настоящаго отчета позволю себѣ сказать еще нѣсколько словъ объ эпиграфическомъ матеріалѣ, который обнаруженъ при раскопкахъ 1907 года.

На первомъ мѣстѣ заслуживаетъ упоминанія посвятительная надпись въ честь Ахилла Понтарха.

Надпись изсѣчена на мраморной плитѣ неправильной формы; рѣзчикъ воспользовался случайно попавшимъ ему въ руки матеріаломъ и даже не потрудился обтесать, какъ слѣдуетъ, плиту; работу онъ исполнилъ небрежно; строки кривы, буквы изсѣчены неувѣренной рукой. Характеръ письма показываетъ, что надпись относится къ поздне-римскому періоду. (II/III вѣка по Р. Х.). Текстъ ея гласитъ:



ПЛАНЪ
Раскопа А'
1907 г.

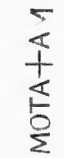
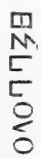


Ἀγαθῆ Τύχη
Ἀχιλλεῖ Ποντάρχῃ στρατηγοὶ
οἱ περὶ Δανδάζαρθον
Δάδου, Ἡρακλείδης Ἀρ-
τεμιδώρου Ζήνων
Ζωτίκου Δουάραγος
Πίδου Διονύσιος
Ἀρτειμάνου Σηνή-
καρ Ουζιάξου
χαριστήριον

Надпись представляетъ собою обычное посвященіе ольвійской коллегіи стратеговъ Ахиллу Понтарху. Изъ именъ посвятителей и ихъ отчествъ по ольвійской эпиграфикѣ извѣстны: Δάδος—(Latyschev, Ios P. E. I, 24, 67, 72, 87, 97, 54, 110, 116), Ἡρακλείδης—(Latyschev, Ios P. E. I, 54, 63, 220, 228, 46; IV, 243, 19), Ἀρτεμιδῶρος—(Latyschev, Ios. PE. I, 2. 82, 98, 114; IV, 87, 432, 80), Ζήνων (Latyschev, Ios P. E. I, 117; IV, 306, 432) Πίδος—(Latyschev, Ios P. E. I, 61, 69) Διονύσιος—(Latyschev, Ios. P. E. I, 53, 69, 106, 107,114).—Остальныя имена, на сколько я знаю, на надписяхъ съ юга Россіи до сихъ поръ не встрѣчались; характерно для римскаго вліянія, что нѣкій Οὐζιαρος назвалъ своего сына Σηνήκας. Слѣдуетъ отмѣтить необычную разстановку словъ: στρατηγοὶ οἱ περὶ вмѣсто οἱ περὶ τὸν δεῖνα στρατηγοί.

Кромѣ этой лапидарной надписи найденъ рядъ graffiti на (14) донышкахъ сосудовъ; къ сожалѣнію ни одна изъ этихъ надписей не читается цѣликомъ.

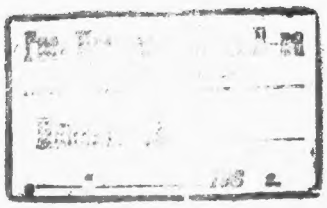
Кромѣ этихъ graffito на фрагментахъ коринѳскаго кратера изъ раскопа C[5] имѣются надписи:

между ногами лошади:  подъ рукою человѣка:  на томъ-же фрагментѣ

Подводя итоги изложенному, я, какъ и въ прошломъ году, долженъ подчеркнуть, что раскопки на Березани имѣютъ весьма большое значеніе въ смыслѣ доставленія все новаго матеріала для изученія древнѣйшей греческой керамики. На богатыя вещественныя находки, на драгоцѣнныя издѣлія изъ золота и серебра при раскопкахъ на Березани разсчитывать нельзя. До сихъ поръ каждый годъ находятся все еще новые и неизвѣстные образцы античной керамики, и такъ какъ Березань единственное на югѣ Россіи мѣсто, гдѣ можно изучать культурную жизнь іонической колоніи въ чистомъ ея видѣ безъ всякихъ позднѣйшихъ примѣсей, то съ научной точки зрѣнія весьма важно довести начатыя тамъ работы до конца.

Одесса, 5 Января 1908 г

Э. фонъ-Штернъ.



Изданія Общества:

1) Торжественное Собраніе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 4 февраля 1840, г. Одесса, 1841, in 4.

2) Discriptio musei publici Odessani, pars I, continens nummophylacium Odessanum. *N. Mursakewicz*. Odessa, 1841 in 4.

3) Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 году, *В. Григорьева*. С.-Петербургъ, 1841, in 4.

4) Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1844—1901, XXVII тома (до XV in 4 и съ XVI in 8).

5) Перечень статей, помѣщенныхъ въ изданныхъ XIII томахъ Записокъ Одесскаго Общества. Одесса, 1883 г.

6) Указатель къ статьямъ, помѣщенныхъ въ изданныхъ XX томахъ Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1898 г.

7) Prospectus der ältesten hebräischen und russischen Manuskripte. Ein Beitrag zur biblischen Exegese, von *Dr. Pinner*. Odessa, 1845, in 8.

8) Исторія о казакахъ запорожскихъ, князя *Мышецкаго*. Одесса, 1851, in 8.

9) Очеркъ заслугъ, оказанныхъ наукамъ свѣтлѣйшимъ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, *Н. Мурзакевича*. Одесса, 1861, in 8.

10) Notice sur la Société Odessoise d'Histoire et d'Antiquités et des memoires par *Ph. Brunn*. Odessa, 1875, in 12.

11) Die orientalischen Münzen des Museum der Kaiserlichen historisch-archäologischen Gesellschaft zu Odessa, von *Dr. O. Blau*. Odessa, 1876, in 4.

12) Краткій указатель музея Императорскаго Общества Исторіи и Древностей, *В. Юргевича*. Одесса, 1890, in 8.

13) Каталогъ картамъ, планамъ, чертежамъ и видамъ, хранящимся въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, *А. Бертье-Делагарда*. Одесса, 1888, in 8.

14) Каталогъ библіотеки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Одесса, 1893 г.

15) Указатель Ѳеодосійскаго музея древностей. Одесса, 1890, in 8.

16) Историческій очеркъ пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (1839—1889), составилъ вице-президентъ Общества *В. Юргевичъ* къ Юбилею Общества 14 ноября 1889 года.

17) Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности В. Н. Юргевича, вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, составилъ *В. А. Яковлевъ*. Одесса, 1892 г.

18) Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. I и II. Терракоты, описс. А. А. Деревицкимъ, А. А. Павловскимъ и Э. Р. фонъ-Штерномъ. Одесса, 1897—1898.

19) Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. III. Ѳеодосія и ея керамика, изд. Э. Р. фонъ Штерномъ. Одесса, 1906 г.

Преміи, находящіяся въ распоряженіи ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Симъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей находятся слѣдующія постоянныя и временныя преміи, предназначенныя для поощренія историко-археологическихъ трудовъ, относящихся къ югу Россіи:

I. Первая, постоянная премія, имени основателя Общества Димитрія Максимовича Княжевича, учрежденная въ память исполнившагося 50-лѣтія Общества его дочерьми: Маріей, Елисаветой и Екатериной Княжевичъ.

Она состояла изъ процентовъ съ 2 билетовъ 3-го восточнаго займа, а теперь, по конверсіи, съ двухъ билетовъ 4 процентной государственной ренты, по 1000 руб. каждый, накопляющихся въ теченіи каждыхъ пяти лѣтъ, начиная съ 14 ноября 1889 г. Такимъ образомъ срокъ прекращенія второй по времени преміи наступилъ 14 ноября 1889 г. Премія присуждается за выдающійся историко-археологическій трудъ, вышедшій въ теченіи каждаго изъ пятилѣтій и касающійся юга Россіи. Къ наступившему указанному сроку премія имени Княжевича присуждена не была. Слѣдующій срокъ 14 ноября 1909 года.

II. Вторая, временная премія, учрежденная Одесскою Городскою Думою приговоромъ отъ 13 ноября 1889 г. по случаю имѣвшагося совершиться 14 ноября того-же года пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Премія присуждается за лучшій печатный или рукописный трудъ по исторіи или археологіи южной Россіи, вышедшій въ теченіи послѣднихъ 5 лѣтъ.